

А. АГАФОНОВ

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОМЕХАНИКА СОЗНАНИЯ

или

как сознание
неосознанно
принимает
решение
об осознании

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра общей психологии и психологии развития

А. Ю. Агафонов

***КОГНИТИВНАЯ ПСИХОМЕХАНИКА
СОЗНАНИЯ,***

ИЛИ

КАК СОЗНАНИЕ НЕОСОЗНАННО ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ
ОБ ОСОЗНАНИИ

Самара

Издательство «Универс групп»

2006

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

УДК 159.9
ББК 88.3
А 23

Ответственный редактор

к.п.с.н., ст. преп. кафедры социальной психологии СамГУ
Н.Ю. Самыкина

Рецензенты:

д.п.с.н., профессор **А.И. Худяков**,
к.п.с.н., доцент **К.С. Лисецкий**

Агафонов, А.Ю.

А 23 Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании / А.Ю. Агафонов. – Самара : Изд-во «Универс групп», 2006. – 348 с.

ISBN 5-467-00089-6

Предлагаемая вниманию читателей монография посвящена одной из наиболее сложных проблем современной науки – феномену осознания. Как возникают осознанные переживания реальности? Зачем человеку осознавать, если он способен неосознанно воспринимать поступающую информацию? Почему возникает чувство субъективной очевидности происходящего? Эти и другие вопросы обсуждаются автором как в историко-психологическом контексте, так и на материале экспериментальных исследований.

Книга будет полезна всем, кому интересна загадка человеческого сознания, но, прежде всего, психологам, чей профессиональный интерес лежит в русле когнитивных исследований.

УДК 159.9
ББК 88.3

*Издание подготовлено при поддержке РФФИ
(грант 04-06-800-90а, руководитель А.Ю. Агафонов)*

ISBN 5-467-00089-6

© Агафонов А.Ю., 2006

© Копалиани М., оформление обложки, 2006

© Самарский государственный университет, 2006

Содержание

Благодарности	6
Введение. Определение основных понятий	6
Глава 1. Осознание в контексте изучения сознания в психологии	16
1.1. Методологические принципы изучения сознания.....	16
1.2. Осознание как центральная «аномалия» психологии сознания	22
1.3. Поиск неосознаваемых детерминант осознания в психологии XIX века.....	26
1.4. Анализ подходов к проблеме осознания в психологии первой половины XX века	48
1.5. Проблема осознания в русле исследований второй половины XX века – начале XXI века	72
1.5.1. Опыт отечественной психологии	107
Глава 2. Виды неосознаваемого влияния на принятие решения об осознании/неосознавании	140
2.1. Зависимость принятия решения об осознании от ранее не осознанной информации	142
2.2. Влияние на осознание ранее осознанной информации	151
2.3. Неосознавание как следствие влияния ранее не осознанной информации	161
2.3.1. Сохранение информации при невозможности ее осознания	162
2.3.2. Последствие неосознанной информации	180
2.4. Воздействие ранее осознанной информации на принятие решения о неосознавании (ошибочном осознании)	183
2.5. Влияние на эффекты осознания актуально неосознаваемой информации	191

2.6. Зависимость эффектов когнитивной деятельности сознания от актуально осознаваемой иррелевантной информации	198
Глава 3. Экспериментальное изучение факторов, влияющих на эффекты осознания при решении когнитивных задач	204
3.1. Изучение прайминг-эффекта при восприятии многозначных изображений	204
3.2. Изучение зависимости эффектов деятельности сознания от специфики предваряющей информации при выполнении задачи «лексического решения»	224
3.3. Исследование эффектов деятельности сознания в условиях интерференции	237
3.3.1. Исследование зависимости продуктивности решения когнитивной задачи от семантики иррелевантной информации	250
3.4. Изучение зависимости латентного периода осознания от характера стимуляции (ассоциативный эксперимент)	256
3.5. Изучение зависимости эффектов осознания при решении мнемических задач от характера ранее осознанного опыта	265
3.6. Экспериментальная проверка зависимости эффективности воспроизведения от значимости информации и времени интервала удержания	272
3.7. Исследование работы сознания в условиях гипнотического запрета	284
Заключение. Осознание как результат преодоления избыточности понимания	295
Литература	313
Приложения	343

Перед любым ученым, изучающим человека и дерзающим выйти за рамки простого описания поведения, стоит проблема постулирования глубинных структур и процессов, которые могут объяснить несомненно существующие закономерности наблюдаемого поведения.

Дэн И. Слобин

БЛАГОДАРНОСТИ

*Желание опубликовать книгу не всегда совпадает с возможностями автора. В этой связи, я выражаю искреннюю признательность декану факультета психологии Самарского государственного университета **К.С. Лисецкому** за содействие в подготовке издания.*

*Хочу также поблагодарить старшего научного сотрудника факультета психологии Московского государственного университета им. Ломоносова **О.В. Митину** и ассистента Самарского государственного университета **Д.Д. Козлова**, коим я обязан обработкой экспериментальных данных.*

*Моя особая признательность – **Российскому фонду фундаментальных исследований** за финансовую поддержку проведенных исследований (грант 04-06-800-90а).*

*Отдельное спасибо – сотрудникам издательства «Универс групп» и лично **Л.В. Рожковой**, **В.И. Никонову** и **Н.В. Голубевой** за исключительный профессионализм и не менее уникальную терпимость к автору.*

*Наконец, слова неизменной благодарности адресую профессору Санкт-Петербургского государственного университета **В.М. Аллахвердову** за образец осмысленной психологии и заразительную преданность делу науки. Отметить существенный вклад этого человека в формирование моего профессионального сознания, мне особенно приятно в канун его 60-ти летия. Пусть эта книга станет ему скромным подарком от автора.*

ВВЕДЕНИЕ. Определение основных понятий

Проблема сознания имела фундаментальное значение во все периоды развития как философской, так и научно-психологической мысли. История собственно психологического изучения сознания начинается с возникновения самой психологии как самостоятельной сферы научного знания. Со времен В. Вундта в зарубежной и отечественной психологии неоднократно предпринимались попытки описать структуру сознания и объяснить принципы его работы (W. James, 1890; E.V. Titchener, 1898; Б.Г. Ананьев, 1961; Л.С. Выготский, 1960; А.Н. Леонтьев, 1975; Б.Ф. Ломов, 1981; А.Р. Лурия, 1998; С.Л. Рубинштейн, 1959; В.А. Ганзен, 1984; В.П. Зинченко, 1991; Л.М. Веккер, 1998, 2000; В.М. Аллахвердов, 1993, 2000, 2003, 2006; D.C. Dennett, 1991, 1996; В.Л. Ваарс, 1988; N. Block, 1995, Р.М. Churchland, 1984; N. Eilan, 1995 и др.). Однако по сей день важнейшей задачей остается разработка общепсихологической теории сознания, в рамках которой должны быть предложены ответы на следующие вопросы: Что такое сознание? Как следует изучать сознание? Каким образом функционируют когнитивные механизмы сознания? Какова роль осознания в процессе познания? Какие факторы влияют на эффекты осознания?

Термин «сознание» многозначен. Как заметил еще А. Бэн, «сознание – самое запутанное слово в человеческом словаре» [Бэн, 1902, с. 13]. Тем не менее, в психологической науке, как правило, явления сознания ассоциируются с осознаваемыми переживаниями. Сознательную деятельность принято противопоставлять бессознательной активности (или неосознаваемой обработке информации). Конечно, осознанность сопровождает не все виды психической активности. Как указывает А.Г. Чеснокова, «осознанность – это не только особая форма, но и особое качество психики. Собственная психическая деятельность индивида может протекать как осознанно, так и неосознанно» [Чеснокова, 2003, с. 6]. Вместе с тем работа

механизмов сознания, то есть, по существу, сама сознательная деятельность, сознанием не осознается, хотя и обеспечивает конечные результаты – осознаваемые психические продукты, в том числе когнитивного свойства. Таким образом, о работе сознания можно иметь представление, опираясь только на анализ эффектов деятельности сознания. Эмпирическими индикаторами этой деятельности могут служить вербальные и моторные реакции, продукты деятельности человека, а также психофизиологические показатели (зрачковые реакции, сосудистые реакции, частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, вызванные потенциалы мозга и т.п.), когда последние рассматриваются в качестве маркеров тех изменений, которые имели место в сознании в предшествующие моменты времени. В свою очередь, представление о неосознаваемых когнитивных механизмах требуется для объяснения феномена осознания и выявления тех закономерностей, которые существуют в работе сознания.

Подход, при котором происходит отождествление сознательного и осознаваемого, препятствует пониманию логики работы механизмов сознания, поскольку предполагает, что сфера сознания не может включать в себя неосознаваемые явления. Кроме того, поиски осознаваемых детерминант осознания, как свидетельствует история интроспективной психологии, не привели к успеху. Весь путь, который был пройден психологией в двадцатом столетии, показывает: для того чтобы объяснить осознаваемый опыт, нужно выйти за его пределы.

Теоретическое представление об осознании должно строиться таким образом, как если бы сама когнитивная деятельность сознания не зависела от конструкции мозга, строения нервной системы и физиологии организма, с одной стороны, и социологии микро- и макроокружения личности – с другой. Это не означает, что функционирование сознания эмпирического субъекта не испытывает на себе внешних влияний. И состояние мозговой активности, и соци-

альные факторы оказывают существенное влияние на работу сознания отдельного индивидуума. Однако в зеркале теории не сознание эмпирического субъекта является предметом рассмотрения. Теоретическая репрезентация сознания – это всегда идеализация, и в этой идеализации не должно находить себе места эмпирическое многообразие физиологических и социальных факторов. Поэтому и эффекты осознания, порожденные когнитивной деятельностью, не должны объясняться физиологическими причинами и социальными влияниями. Таким образом, я вполне осознанно принимаю позицию когнитивистов, согласно которой, необходимой и достаточной логикой для объяснения продуктов психической активности может служить логика когнитивной деятельности. В таком случае эффекты осознания оправдано трактовать как результаты познавательной деятельности, осуществляемой сознанием. Данный взгляд на возможность теоретической реконструкции функционального устройства сознания в полной мере согласуется с принципом гносеологической редукции, который получил обоснование в работах В.М. Аллахвердова, в частности, в авторской монографии «Опыт теоретической психологии» (1993).

Теоретическая реконструкция неосознаваемой деятельности сознания в первую очередь означает описание принципов работы функциональных механизмов и выявление детерминант осознаваемого опыта. При таком понимании цели научно-психологического изучения сознания неизбежно возникает вопрос о роли осознания в психической деятельности. Этот вопрос можно сформулировать так: «Какой когнитивный смысл имеет осознание?»

Эта книга посвящена феномену осознания и, в этой связи, тем факторам, что влияют на работу механизма, который ответственен за принятие специального решения о том, что и каким образом осознавать. Этот механизм обозначается термином «*механизм принятия решения об осознании*» или (если из контекста понятно, что речь идет об осознании) «*механизм принятия решения*»

(МПР). Механизм принятия решения, как и другие *функциональные механизмы сознания* (например, внимание, обнаружение, сличение, мнемические механизмы, рефлексивный механизм), самим сознанием никогда не осознается, но при этом подготавливает конечные эффекты деятельности сознания – осознанные переживания. В эмпирическом опыте осознанным переживаниям сопутствует чувство субъективной очевидности происходящего. Именно о таких переживаниях субъект способен дать отчет как о собственном пережитом опыте. Аналогами «осознания» служат нестрогие, но вместе с тем довольно широко используемые в психологии понятия: «непосредственная данность», «непосредственный опыт», «личный опыт», «субъективное переживание» и т.п. В отличие от традиционной трактовки сознания как осознания, в данной работе термином «*осознание*» обозначается исключительно конечный результат, интегральный психический продукт активности сознания, в частности, продукт познавательной деятельности. Иначе говоря, осознание не является синонимом сознания, а есть результат его работы. Понятие «осознание» является эмпирическим, но в отличие от других эмпирических понятий, используемых в психологии, не является частным. Это родовое понятие, обозначающее широкий спектр эмпирических феноменов, относящихся к разным сферам психического опыта, например, к сенсорной, перцептивной, мыслительной сферам или к сферам представления и моторной активности человека. Поэтому данное понятие одинаково уместно использовать и для обозначения фактов осознания тактильного или акустического воздействия, и для наименования результата воспроизведения ранее запомненной информации, и, например, для констатации факта визуального представления какого-либо объекта. Осознание, конечно, может иметь свою специфику, обусловленную характером психической активности. Так, осознание при восприятии речи, очевидно, имеет отличие по сравнению с осознанием найденного решения мыслительной задачи или осоз-

нением ошибочности выполненного моторного действия. Однако в контексте данного монографического исследования рассматриваются не частные и специфические виды осознания, а сам феномен осознания независимо от его модальностных или иных особенностей. Общее, что объединяет разнообразные осознаваемые переживания, заключается в инвариантном процессе их порождения: любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания. Сама эта деятельность осуществляется сознанием посредством функциональных механизмов, одним из которых является МПР.

Механизм принятия решения играет важнейшую, а возможно, и главенствующую роль в функциональной структуре сознания. Именно работа МПР подготавливает осознание, и эта работа, как уже было сказано, не осознается сознанием. Обоснование того, что в структуре сознания с необходимостью существует данный механизм, а осознание есть интегральный эффект неосознаваемой деятельности сознания, в которой работа МПР, подчиняясь единой логике этой деятельности, реализуется на завершающих этапах, является одной из основных целей, которые я перед собой ставил. Анализ существующих эмпирических данных будет производиться, как правило, в русле движения к этой цели.

Вышеприведенные рассуждения позволяют ввести представление о сознании. Термин «*Сознание*» используется в книге как теоретический конструкт, которым обозначается функциональная структура, вследствие работы которой возникают осознаваемые эффекты. «Сознание» является теоретическим понятием, которое, в отличие от «осознания», не может ассоциироваться с каким-либо эмпирическим опытом. Сфера сознания включает в себя функциональные механизмы, о которых уже упоминалось, а также неосознаваемое содержание сознания. Таким образом, понятие «*содержание сознания*» относится к неосознаваемому опыту, в то время

как *«осознаваемое содержание»* соотносится с тем, что осознает субъект познавательной активности.

Для того чтобы развести понятия на основании релевантности в отношении актуально решаемой познавательной задачи и отнесенности их к соответствующей области психического опыта, принято следующее разграничение. Понятие *«осознаваемое содержание»* или его синоним *«осознаваемая информация»* обозначает только актуальное, «здесь и сейчас» субъективно доступное переживание. То, что осознается, по определению относится к наличному моменту времени. Тогда понятие *«неосознаваемое содержание»* (или *«неосознаваемая информация»*) будет использоваться для обозначения той актуальной информации, которая воспринимается (перерабатывается) в текущий момент времени, но при этом не осознается. В этой связи представляет особый интерес зависимость осознания от актуально воспринимаемой, но неосознаваемой информации. Этот вид зависимости является предметом специального обсуждения, чему будет посвящен в книге отдельный раздел.

Здесь необходимо сделать одно важное уточнение. Анализ экспериментальных данных показывает, что факты неосознавания (неузнавания, невоспроизведения) могут также расцениваться как результаты неосознаваемой когнитивной деятельности сознания, в ходе которой принимается решение о неосознавании некоторой информации (См. Главу 2). В ряду многочисленных случаев неосознавания имеют место особые эффекты последствия ранее не осознанной информации. Одним из примеров такого последствия является эффект неосознаваемого негативного выбора, описанный В.М. Аллахвердовым. Кроме того, неосознавание может являться и следствием влияния ранее осознанной информации, что наблюдается, к примеру, в ситуациях гипнотического запрета на осознание. Во всех этих случаях, анализ которых также можно найти в тексте, неосознавание является явным свидетельством работы МПР. Таким образом, как осознание, так и неосознавание трактуются как итогово-

вые результаты когнитивного процесса, в котором, одним из этапов является «принятие решения об осознании/неосознавании». Термин «неосознавание» будет использоваться только в указанном значении, то есть для обозначения фактов актуального неосознавания *в зависимости* от ранее не осознанной или ранее осознанной информации.

Для обозначения актуально осознаваемой (частично осознаваемой), но нерелевантной информации предлагается использовать термин «*осознаваемая нерелевантная информация*». Введение этого понятия, естественно, предполагает наличие релевантной информации. Релевантная информация подлежит осознанию в соответствии с актуально решаемой когнитивной задачей (сенсорной, перцептивной, мыслительной или любой другой) или же в ситуации экспериментальной процедуры – в соответствии с инструкцией. Именно для такого случая и было введено понятие «*осознаваемое содержание*» («*осознаваемая информация*»). (Еще раз следует отметить, что релевантная информация не всегда осознается). Термин «осознаваемая нерелевантная информация» относится к любым внешним по отношению к актуально решаемой задаче факторам, действие которых в той или иной степени осознается. Это могут быть влияния со стороны дистракторов или со стороны процесса решения дополнительных задач, которые выполняются одновременно с основной. Данный термин также имеет смысл использовать только относительно актуального момента времени.

Теперь следует развести понятия на основании временной соотнесенности. Все ранее введенные понятия относились только к наличному моменту времени, к ситуации «здесь и сейчас». Для обозначения опыта работы сознания в прошлом будут использоваться термины «*ранее осознанная информация*» и «*ранее не осознанная информация*» или же просто: «*осознанная и не осознанная информация*».

Осознание в текущий момент времени должно в значительной мере зависеть от ранее осознанной информации. Вместе с тем эф-

эффекты осознания также опосредованы ранее не осознанной информацией. (Типичным примером, демонстрирующим неосознаваемые эффекты восприятия и семантизации информации, является прайминг, исследования которого начались со времен экспериментов, проведенных впервые А. Марселом в парадигме решения лексической задачи. А. Марселом и многими исследователями после него было экспериментально показано, что неосознаваемая информация обрабатывается сознанием до уровня семантики: эффекты осознания, следующие за моментом восприятия этой информации, прямо зависят от ее неосознаваемой семантической обработки). Методы, которые используются в такого рода исследованиях, предполагают предъявление стимульного материала, например, вербальных стимулов, на короткое время экспозиции или же использование стимулов малой интенсивности. Возможно также варьирование значения отношения интенсивности стимула и интенсивности фона, на котором стимул предъявляется, а также сочетание малого времени экспозиции с истощением стимула.

Таким образом, будут рассмотрены эффекты влияния еще четырех видов:

1. Влияние ранее осознанной информации на принятие решения об осознании.
2. Влияние ранее осознанной информации на принятие решения о неосознавании.
3. Влияние ранее не осознанной информации на принятие решения об осознании.
4. Влияние ранее не осознанной информации на принятие решения о неосознавании.

Термин *«рефлексивный механизм сознания»* я использую для обозначения функционального устройства, которое реализует сделанный МПР выбор, обеспечивая тем самым субъективную очевидность осознанных переживаний.

Наконец, под «*бессознательным*» в предлагаемой теоретической конструкции понимается память в аспекте сохранения информации в отличие от памяти как совокупности мнемических механизмов сознания (запоминание, узнавание и воспроизведение). Функциональные механизмы сознания, согласно уже введенному определению, сознанием не осознаются. Ранее осознанная и ранее не осознанная информация является содержанием бессознательного, поскольку именно память хранит всю информацию о прошлом. Понятие «*мнемическая зона*» будет использоваться для обозначения каждой из 3-х областей бессознательного, дифференцированных по степени доступности информации для осознания.

Построенная понятийная структура в итоге принимает следующий вид:

Таблица 1

Соотношение принятых терминов

Сознание		
Механизмы сознания	Содержание сознания	
<i>Механизм принятия решения об осознании, рефлексивный механизм и т.д.</i>	<i>Осознаваемая информация</i> <i>Осознаваемая иррелевантная информация</i> <i>Неосознаваемая информация</i>	
Бессознательное		
Мнемическая зона	Содержание памяти	
<i>Первая мнемическая зона</i>	<i>Ранее осознанная информация</i>	
<i>Вторая мнемическая зона</i>		
<i>Третья мнемическая зона</i>	<i>Ранее осознанная информация</i>	<i>Ранее не осознанная информация</i>

Другие понятия, встречающиеся в тексте, будут определены по мере необходимости в контексте конкретного тематического обсуждения.

ГЛАВА 1. Осознание в контексте изучения сознания в психологии

В главе рассмотрены методологические принципы, на которые должно опираться исследование сознания, и освещена проблема осознания в русле исторически сложившихся подходов к изучению сознания.

1.1. Методологические принципы изучения сознания

В интеллектуальной истории неоднократно предпринимались попытки установления критериев для различения научного знания от ненаучного, в частности, антинаучного. В качестве таких критериев предлагались:

- *Принцип непротиворечивости*, который подразумевает логическую стройность и отсутствие противоречий в структуре теории, концепции или процессе обоснования гипотез.

- *Принцип редукции* теоретических положений к экспериментальным фактам или фактам наблюдения. Согласно этому принципу, любые научные высказывания должны иметь эмпирически наблюдаемые эквиваленты, то есть соответствовать фактам.

- *Принцип верификации*. Теоретические положения с необходимостью должны допускать возможность эмпирической проверки и подтверждаться в специально организованных процедурах наблюдения и эксперимента.

- *Принцип элиминации* субъекта познания из продуктов научного творчества. Результаты научной деятельности должны быть независимы от личного опыта, мировоззрения, индивидуальных особенностей и пристрастий ученого.

- *Принцип эквивинальности* предполагает независимость результатов научного поиска от самого процесса, который привел ученого к этим результатам. Из принятия этого принципа также

следует независимость получаемых результатов от используемых методов исследования.

- *Принцип фальсификации* означает признание в качестве научного такого теоретического построения, которое потенциально может быть опровергнуто (принцип Поппера).

- *Принцип конвенциональности*: то знание научно, которое признается таковым научным сообществом (принцип Куна).

- *Принцип практической полезности* предусматривает эффективность использования научных разработок в той или иной области применения.

- *Эстетический принцип*. В соответствии с данным принципом эстетически привлекательные теоретические конструкции отвечают требованию научности.

- *Принцип терминологической релевантности* предполагает использование специальных понятий («научных понятий»), принятых в научной дисциплине и применяемых для обозначения определенного круга изучаемых явлений.

- *Принцип независимой проверяемости*: логические построения должны проверяться опытом, а любые эмпирические факты должны находить логическое обоснование.

- *Принцип идеализации* требует включения в логику теоретических рассуждений представления об идеализированных объектах, то есть таких объектах, существование которых невозможно в реальном, чувственно воспринимаемом мире.

- *Принцип простоты* является критериальным для выбора из множества теорий или схем объяснения: предпочтение следует отдавать тем теоретическим построениям, которые наиболее просто объясняют изучаемые явления (принцип Оккама).

Приведенный набор принципов представляет собой открытое множество и, по всей видимости, может быть дополнен. Например, очевидно, что научное знание в отличие от житейского или мистического является систематизированным, выраженным в специаль-

ных понятиях и потому более строгим. По мнению одних ученых, именно использование математического языка является показателем научности знания, по мнению других, таким показателем является способность предсказывать новые факты, а по мнению третьих, научное знание должно быть эвристичным, то есть побуждать практиков к созданию новых алгоритмов и способов деятельности.

До сих пор в методологии науки не выработаны универсальные критерии демаркации научного и ненаучного знания. Невозможность установления общепринятых критериев научности привело к тому, что во второй половине XX века «методологический анархизм» в лице П. Фейрабенда саму проблему демаркации объявляет фиктивной. Согласно П. Фейрабенду, обсуждение принципов научности знания не имеет смысла, поскольку таких принципов попросту не существует. Отсюда следует знаменитый тезис методологического анархиста: «Позволено все!». Однако, думается, что принятие такой позиции скорее лишает смысла сам процесс научного поиска. Вполне возможно, что инвариантных, универсальных принципов научности знания не существует. Но это вовсе не означает, что такие принципы не могут существовать и не должны обсуждаться для определенных *типов* научно-исследовательской деятельности.

Научность историографической или педагогической теорий определяется иначе, чем научность теорий, предлагаемых физиками, биологами или химиками. А некоторые дисциплины, например, ботаника или зоология, и вовсе не могут быть отнесены к типу только гуманитарных или естественных наук, однако никто не сомневается в их научной полноценности. Положение психологии еще более неоднозначно: возникнув в XIX веке как естественная наука, к концу XX века она устойчиво ассоциируется с гуманитарной областью познания, хотя основными методами психологии по сей день являются методы естественных наук: эксперимент и наблюдение. Очевидно, что психология не является единой гомоген-

ной наукой, поэтому не может быть причислена только к какому-то одному типу наук. Как отмечает Р. Смит, «то, что называют психологией – это исключительно пестрое собрание разного рода деятельностей. Настолько разнородное, что, вместо истории психологии в единственном числе, следовало бы говорить об истории психологий, во множественном. Возникло такое разнообразие не случайно, оно отражает различия во взглядах на то, какой род знаний о нас самих возможен и важен» [Смит, 2000]. Для того, чтобы понять уникальное положение психологии в системе научного знания и определить типы научной рациональности, которым она соответствует, необходимо в общих чертах реконструировать историю возникновения психологии как самостоятельной научной дисциплины.

Начиная с середины XIX века, усилиями физиологов Г. Гельмгольца, Э. Вебера, Э. Пфлюгера, Ф. Дондерса, психофизиков Г.Т. Фехнера и С. Стивенса постепенно формировался базис «новой области знания». Именно так В. Вундт представлял в середине 70-х годов XIX века «физиологическую психологию». (Термин «физиологическая психология» был синонимом «экспериментальной психологии»). Все первые исследователи в психологии были ориентированы на естествознание. Именно с опорой на методологию естественных наук строилась психология как отдельное научное направление. Строгость естественнонаучной методологии, использование математического аппарата при выводе психофизических зависимостей, которые позже получили статус первых формализованных законов психологии, – все это, вопреки известному утверждению И. Канта о том, что психология никогда не станет настоящей наукой, вселяло надежду. Успехи в психофизиологии органов чувств, психофизике, в области изучения психомоторной активности человека давали основания считать, что психология как строгая наука возможна. Именно на этом довундтовском (допарадигмальном) этапе формирования психологии как естественной науки были созданы предпосылки ее институализации и оформле-

ния в самостоятельную сферу научного знания о психической организации человека. В. Вундт – и в этом его главная и несомненная заслуга как организатора научной психологии – объединил усилия исследователей и предложил метод изучения сознания – интроспективный эксперимент. Известно, что именно метод есть конституирующее начало для научного сообщества. Метод – это норма, регулятор научных исследований, поэтому можно уверенно утверждать, что профессиональное психологическое сообщество сложилось благодаря В. Вундту.

Важно подчеркнуть, что независимость психология получила не благодаря гуманитарной традиции, сложившейся в философии, а как раз вопреки прочно укоренившемуся мнению, что человека, который сравним по своей сложности со Вселенной, нельзя изучать как явление физического мира, то есть строгими естественнонаучными методами. Хотя скептики заявляли: для таких «аномалий» действительного мира, какими являются сознание, воля, свобода человека, нет релевантных процедур эмпирического исследования. Потому, мол, знание о человеке по сути своей является гуманитарным, то есть принципиально не проверяемым в эксперименте. Но если бы в XIX веке сохранилось инерционное действие такой позиции, то психологическое знание продолжало бы циркулировать в лоне философии. И трудно не согласиться с М.Г. Ярошевским, который отметил, что «свои «сертификаты» на независимость психология черпала, во-первых, в математике, во-вторых, в эксперименте, хотя веками «обителью» психологии считалась философия» [Ярошевский, 1996, с. 120]. Таким образом, с момента возникновения и до 1900 года (когда выходят в свет «Толкование сновидений» З. Фрейда и первый том «Психологии народов» В. Вундта), то есть в начальный этап развития психологии, она была исключительно фундаментальной наукой, которая строилась и развивалась в русле естественнонаучной методологии. Парадокс состоит не в том, что психология с начала XX века – уже и гуманитарная наука, и поэто-

му в методологическом смысле она не отличается от истории, музыковедения или теории и истории изобразительных искусств. Парадоксально, что при требовании, которое явно или негласно принимается научным сообществом, а именно требовании эмпирической проверки рациональных положений, психология рассматривается как наука гуманитарная. Разрешение этого парадокса возможно, если определяются методологические принципы, которым должна отвечать не научная дисциплина, а само исследование конкретного феномена. Отсюда следует, что *одно и то же явление может изучаться с опорой на разные методологические принципы*. Иначе говоря, принципы научности определяются при выборе жанра исследования конкретных феноменов. В случае принятия этой позиции становится неуместным разговор о том, какой наукой является психология: гуманитарной, естественной, эмпирической или практической. Например, сознание как предмет психологического исследования может изучаться естественнонаучным способом, и в этом случае теоретической реконструкции подлежит логика работы сознания, приводящая к осознаваемым переживаниям. Сознание может изучаться и в гуманитарном ключе. Тогда предметом анализа и интерпретации будет являться осознанный опыт субъекта. В эмпирическом исследовании может ставиться задача систематизации проявлений сознания или описания его структуры. Примером решения эмпирической задачи является приведенное ниже описание структуры сознания В.А. Ганзена. Психосемантические исследования сознания также могут быть отнесены к разряду эмпирических. (О специфике различных жанров научного исследования и критериях научности для конкретного типа наук см. [Аллахвердов, 2003, с. 173-221; Веккер, 1998, с. 369]).

В настоящей работе принято следующее разграничение: в Главе 1 представлен опыт гуманитарного изучения сознания. В Главе 2 приводится описание неосознаваемых детерминант принятия решения об осознании и описываются виды влияния на МПР, то есть ис-

следование в этой части выполнено в эмпирическом жанре. В Главе 3 описаны ход и результаты исследования, которое опирается на естественнонаучную методологию.

1.2. Осознание как центральная «аномалия» психологии сознания

Понять природу сознания стремились во все периоды идеогенеза, и неслучайно в ряду самых значительных по своей сложности научных проблем этот таинственный феномен занимает особое место. Хотя сознание традиционно являлось и по-прежнему остается предметом философских размышлений [Брентано, 1996; Гуссерль, 2000; Мамардашвили, 1990; Молчанов, 1998, 2004; Сергиенко, 2002; Патнэм, 1998; Прист, 2000; Райл, 2000; Серл, 2002; Place, 1980], в тайны этой «величайшей ценности, данной человеку» [Акопов, 2002, с. 4], стремятся проникнуть физики, нейробиологи, психиатры, специалисты по когнитивной науке и, конечно, психологи.

Сознание, как полагает В.Л. Райков, – «самая сложная проблема современной науки» [Райков, 2000, с. 24]. А.Н. Леонтьев, автор первой теории сознания в отечественной психологии, называл сознание «центральной тайной человеческой психики». [Леонтьев, 1975, с. 24], а В.М. Аллахвердов уже в наши дни утверждает: «Главная загадка психологии – загадка сознания» [Аллахвердов, 2000, с. 115]. Нельзя не согласиться с Д. Деннетом, который считает, что, несмотря на всю сложность проблемы, «феномены сознания не должны быть ограждены от науки» [См. Марбах, 1998, с. 33]. И именно психология должна и может предложить решение этой проблемы.

Принято считать, что научная родословная психологии начинается с В. Вундта, который прямо указывал: «Психология должна изучать состояния сознания, их связь и отношения, чтобы найти, в конце концов, законы, управляющие этими отношениями» [Вундт, 2002, с. 7]. С момента обретения психологией самостоятельного на-

учного статуса сознание стало привлекать к себе внимание исследователей разных школ и направлений. Как отмечает В.М. Аллахвердов: «Величие этой тайны подчеркивают попытки ее раскрыть», однако полученные результаты «скорее наводят ужас, чем обнадеживают» [Аллахвердов, 2000, с. 40].

Сложность анализа феномена сознания, видимо, обусловлена следующим обстоятельством. Каждому человеку сознание дано с непосредственной очевидностью. Осознанность, которую традиционно связывают с проявлением сознания, как раз и обнаруживает себя в факте субъективной очевидности ощущаемого, воспринимаемого, представляемого, мыслимого и т.д. Еще Р. Декарт называл осознанность, которая всегда сопровождается чувством субъективной очевидности, самым достоверным фактом на свете. В. Вундт, трактуя сознание как «непосредственный опыт», имел в виду именно опыт осознанных переживаний. А основатель философии прагматизма и вместе с тем выдающийся психолог У. Джемс считал, что «первичным, конкретным фактом, принадлежащим внутреннему опыту, служит убеждение, что в этом опыте происходят какие-то сознательные процессы» [Джемс, 1991, с. 57].

Д. Чалмерс рассматривает осознание как центральную аномалию науки о сознании [См. Chalmers, 1996, 1997]. По Чалмерсу, понятие «сознание» является собирательным для целого семейства психических феноменов. Сами эти феномены обладают разной степенью сложности. Отсюда и разделение проблем на «легкие» и «трудные». «Легкие» проблемы, или, иначе, исследовательские задачи, могут быть решены посредством существующего арсенала средств нейронауки и когнитивной науки (когнитивной психологии в том числе). Что же это за проблемы? Прежде всего это объяснение таких феноменов, как:

- способность к различению, категоризации и реагированию на внешние воздействия;
- обобщение информации;

- контроль поведения;
- способность сообщать о своих внутренних состояниях;
- способность к концентрации внимания;
- различение между сном и бодрствованием и др.

Наиболее «трудная» проблема психологии сознания – это проблема субъективного опыта, или, иначе, субъективной очевидности осознанных переживаний, данных человеку. Как субъективный опыт открывается носителю сознания? Именно в этом, по мнению исследователя, состоит главная загадка изучения сознания. Д. Чалмерс прав, утверждая, что для объяснения осознания необходим поиск нового подхода, который помог бы устранить существующий «объяснительный пробел». Те подходы, которые получили известность в последнее время [Allport 1988; Jackendoff, 1987; McGinn, 1991; Dennett, 1991, 1996; Devies, Humphreys, 1993; Guzeldere, 1995 и др.], не в состоянии дать ответы на вопросы, как и зачем возникает осознание. Д. Чалмерс полагает, что вывести осознание из биологической основы организма невозможно, поэтому следует принять сознание в качестве фундаментальной характеристики окружающего нас мира. Схожей точки зрения придерживаются также ученые, культивирующие идею о трансперсональной природе сознания [Гроф, Ласло, Рассел, 2004]. Так, например, П. Рассел отмечает: «Сегодняшняя наука не слишком много внимания обращает на ... универсальную природу сознания. Она все еще находится в плену старой модели, согласно которой пространство, время и материя составляют первичную реальность, а сознание каким-то образом возникает из них. Но по мере того как наука будет относиться к теме сознания все более серьезно, ей постепенно придется разработать иную парадигму, в которой сознание рассматривается как столь же первичное качество реальности, как пространство, время и материя» [Там же, с. 216]. Но поможет ли признание сознания в качестве «первичного качества реальности» объяснить непосредственную данность осознаваемого опыта?

Вопрос о том, что такое осознание и какими атрибутами оно обладает, не часто обсуждается в психологии. Так, например, Н.Б. Шкопоров в осознании выделяет 3 аспекта, или, как пишет автор, «три существенные черты»: ассоциирование, переживание, желание [Шкопоров, 2003, с. 12]. Правда, автор, к сожалению, не поясняет, почему именно эти, а не другие аспекты следует относить к признакам осознанности. Несомненно одно: именно осознанность порождает у человека убеждение в наличии знания о том, *что* он знает, и то, что знает именно *он*, а не кто-то за него. Таким образом, субъект как носитель сознания не может сомневаться в факте наличия в данный момент времени некоторых осознанных переживаний независимо от того, какова их эмоциональная, модальностная или иная специфика. В психологических работах часто подчеркивается: содержание сознания открыто только самому субъекту познавательной и моторной активности. Невозможно испытать вкусовое ощущение, мышечное напряжение, эмоциональное состояние или инсайт «от третьего лица», то есть за другого человека. Изучение природы осознаваемого опыта неизбежно связано с проблемой Я. Как указывал еще в начале XX века П. Юшкевич, «... не ощущения во мне, а я в ощущениях – в этом состоит коперниканский переворот, произведенный современной научной философией» [См. Кляйнпетер, 1910, с. 32]. «Мое переживание всегда эгоцентрично, так как только я его испытываю», – отмечает В.М. Аллахвердов, говоря о том, что каждому осознанному переживанию имманентно присуще чувство «Я» [Аллахвердов, 2000, с. 41]. В связи с этим и возникает проблема научного исследования осознания. Как изучать то, что является очевидным только для того, кто это очевидное обнаруживает?

1.3. Поиск неосознаваемых детерминант осознания в психологии XIX века

Проблема осознания, конечно, первоначально возникла в философии. В интеллектуальной истории еще задолго до институализации научной психологии неоднократно высказывались идеи относительно происхождения осознанных переживаний. Примечательно, что в русле философии решение проблемы осознания связывали с неосознаваемыми детерминантами. Многие мыслители, хотя и не всегда явно, указывали на зависимость результатов сознательной деятельности (то есть самих эффектов осознания) от содержания бессознательной психики. Естественно, что и само представление о бессознательном появилось не в психологии XIX века, а значительно раньше. В разных вариациях идею бессознательного можно обнаружить у Плотина, христианских мистиков, в философии Ф. Шеллинга. И. Кант считал, что не придавать значения неосознаваемым переживаниям, которые он называл «темными представлениями», – значит «проходить мимо великой тайны природы».

Однако традиционно считается, что само понятие «бессознательное» ввел в оборот Г.В. Лейбниц, которого считают завершителем философии XVII века. Именно Лейбниц положил начало учению о бессознательном психическом и впервые высказал идею о влиянии бессознательного опыта на эффекты осознания. Поэтому имеет смысл хотя бы в общих чертах охарактеризовать позицию немецкого философа.

Перцептивные акты, которые не сопровождаются осознаваемыми переживаниями, Лейбниц назвал «малыми перцепциями». В отличие от апперцептивных актов, малые перцепции не достигают порога сознания. «Мы имеем всегда бесконечное множество малых восприятий, не замечая этого. Мы никогда не бываем без восприятий, но неизбежно часто бываем без осознанных восприятий», – писал Лейбниц [Лейбниц, 1983, с. 162]. Малые перцепции – это неосознаваемые восприятия элементов осознанно воспринимаемой

целостности. Поясняя, как малые перцепции включаются в акт осознания, Лейбниц отмечал: «... Я предпочел бы все же проводить различие между восприятием и осознанием. Так, например, восприятие света или цвета, которые мы осознаем, состоит из некоторого количества малых восприятий, которые мы не осознаем...» [Лейбниц, 1983, с. 133]. Подобно этому, при осознанном восприятии шума моря мы не осознаем шума отдельных волн, которые в совокупности и образуют суммарный эффект бушующего моря [Там же, с. 54]. В указанном значении «малые перцепции» обозначают неосознаваемые акты восприятия элементов или частей осознанно воспринимаемой целостной фигуры. (В начале XX века гештальтисты обратят особое внимание на факт неразложимости осознанного восприятия объекта на составляющие элементы).

Осознанность Лейбниц ассоциирует и с механизмом внимания («шум, восприятие которого мы имеем, но на который не обращаем внимания, становится доступным сознанию благодаря небольшому прибавлению или увеличению» [Лейбниц, 1983, с. 133]), и с апперцепцией («... апперцепция – ... это осознание прошлых восприятий» [Там же, с. 240]), и с рефлексивной способностью («... восприятие в большей или меньшей степени может сопровождаться рефлексией» [Лейбниц, 1984, с. 390]).

Лейбниц прямо указывает на зависимость осознанных переживаний от ранее не осознанного опыта: «... малые восприятия определяют наши поступки во многих случаях без нашего размышления» [Лейбниц, 1983, с. 55], «... некоторые восприятия незаметны в отдельности, но, накопляясь, вызывают беспокойство, которое толкает нас вперед, хотя мы и не знаем, чем оно вызвано» [Там же, с. 193]. Тем самым Лейбниц, пожалуй, впервые высказал мысль о неосознаваемых процессах, предваряющих осознание в качестве их итогового результата.

Анализируя подход Лейбница, О. Кюльпе в начале XX века пишет: «Благодаря ... предположению бессознательных психиче-

ских явлений, стало принципиально возможным выставить стройную и законченную теорию душевных явлений, не обращая внимание на телесные, физиологические процессы» [Кюльпе, 1908, с. 65].

В полной мере проблема субъективной очевидности осознаваемых переживаний стала привлекать интерес исследователей в XIX веке. В этот период не только зарождается психология как наука, но и ведутся активные поиски неосознаваемых оснований субъективного опыта. Даже В. Вундт, хотя и пытался объяснить этот субъективный, непосредственно данный опыт, не выходя за границы осознаваемых явлений, тем не менее, в своей гейдельбергской программе декларировал идею, согласно которой цель использования в психологии экспериментального метода заключается в том, чтобы «прийти от фактов сознания к тем процессам, которые таятся в глубинах нашего разума» [См. Лихи, 2003, с. 99].

Пожалуй, наибольший научный вклад в развитие теории неосознаваемой детерминации деятельности сознания в девятнадцатом столетии внесли такие исследователи, как И.Ф. Герbart, Г. Гельмгольц, Ф. Дондерс, Г. Эббингауз, Г.Т. Фехнер.

В концепции психодинамического взаимодействия представлений немецкого психолога и педагога И.Ф. Гербарта нашли отражение основные принципы ассоциативной психологии, подход Лейбница в части понимания бессознательного психического, положение о динамике элементов психического опыта и идея «порога сознания». Как писал О. Кюльпе, «Герbart построил внушительную «статическую и динамику духа», содержащую законы равновесия и движения» [Кюльпе, 1908, с. 67].

По Герbartу, элементом психического, а не только сознательного опыта является представление. Каждое представление находится в динамическом состоянии, что создает в психической сфере своеобразные «очаги напряжения». Поскольку сфера осознания ограничена, то не все представления, а лишь наиболее энергетически заряженные способны преодолеть порог сознания. Когда представ-

ления ассоциативно сходны, они соединяются, становясь частями одного представления, или же интегрируются в одно новое цельное представление. Сходное с осознаваемым, но находящееся под порогом осознания представление может не иметь высокой интенсивности, т.к. оно не борется за место в области осознаваемого опыта, а содержательно соответствует ему. Поэтому такое представление становится частью осознаваемой области даже при малой интенсивности. Другое дело, если в области неосознаваемого знания происходит такое взаимодействие представлений, в результате которого слабые представления, соединяясь, получают необходимую для перехода в область осознания интенсивность. В этом случае имеет место конфликт противоположных представлений и, как следствие, вытеснение из осознания тех, которые оказываются слабее в конфликтном взаимодействии. Вместе с тем представления, не достигшие уровня, на котором происходит их осознанное различие или вытесненные представления, сохраняют изначальное стремление стать частью осознаваемого содержания сознания. Герbart подчеркивал: «Каждый занимающий дух предмет, не стоит, но колеблется в сознании, колеблется в постоянной опасности быть забытым (хотя бы на мгновение) под влиянием чего-нибудь нового» [Герbart, 1895а, с. 58]. В другой своей работе он развивает эту мысль: «...Представление должно понижаться, не уничтожаясь. ...Как только исчезает препятствие, представление снова поднимается в силу своего собственного стремления. В этом заключается возможность воспроизведения» [Герbart, 1895б, с. 105]. Таким образом, немецкий ученый явно указывает на необходимость учета интенсивности («знание которой очень много значит») как энергетической характеристики представлений. Герbart хорошо понимал, что представления, вытесненные из сознания, все-таки неосознаваемо действуют в нем [Герbart, 1895б, с. 109]. Сама борьба представлений за место в осознании не может быть осознана, но именно эта борьба определяет нахождение в осознаваемом опыте тех или

иных переживаний. По мнению Гербарта, – впрочем, мнению, вполне соответствующему традиционным для XIX века воззрениям, – представления взаимодействуют посредством ассоциаций. Именно ассоциации обуславливают психомеханическую активность духа и его осознаваемые в опыте результаты. Хотя механика тел имеет, по Гербарту, сходство с механикой духа, все же последняя обладает отличительными чертами. Как указывает Гербарт, вместо силы тяжести, которая «давит тела книзу», в случае ассоциативного взаимодействия представлений «мы имеем естественное и постоянное стремление всех представлений вверх», в область осознаваемого, и все движение представлений «... заключается между двумя устойчивыми пунктами – своим вполне задержанным (не осознаваемым – А.А.) и вполне незадержанным (осознаваемым – А.А.) состоянием» [Гербарт, 1895а, с. 61]. Разделяя взгляды Лейбница относительно структуры психики, Гербарт выделял три области знания:

- 1) апперцепцию как осознаваемый, а следовательно, ясный и отчетливый опыт;
- 2) перцепцию – область смутного знания;
- 3) бессознательное.

Очевидно, что Гербарт не ставил знак равенства между осознаваемым знанием и всем знанием, которым обладает душа. Как и для Лейбница, для Гербарта огромное значение имела подпороговая, неосознаваемая сфера психического, в недрах которой, по мнению ученого, зарождаются осознаваемые представления. Можно также отметить, что Гербарт независимо от Фехнера обосновал необходимость выделения пороговой зоны. В соответствии с теорией Гербарта глубина вытеснения представлений может быть различной. Отсюда и возникает дифференциация механического и статического порогов сознания [Гербарт, 1895б, с. 107-109].

Таким образом, в теории Гербарта получила дальнейшее развитие идея о неосознаваемом психическом опыте. Кроме того, Гербарт показал, что психодинамика внутренней жизни, взаимодейст-

вие элементов психического опыта, соединение или конфликтное противостояние этих элементов, как собственно и происхождение осознанных переживаний, не осознаются.

Теория Гербарта была одной из наиболее влиятельных и признанных в научных кругах XIX столетия. Она оказала заметное влияние на последующий ход развития научно-психологической мысли. И хотя Герbart не считал возможным изучение механики представлений экспериментальными методами, его предположение о наличии такой характеристики, как сила представления, а также убежденность в необходимости применения математики в описании психических процессов послужили стимулами дальнейшего развития психофизики, той области зарождавшейся психологии, где само понятие «сила» являлось основополагающим. Использование в психофизике математического аппарата для определения зависимости интенсивности сенсорных переживаний от силы воздействующих раздражителей стало одним из оснований построения естественнонаучного психологического знания.

Психофизика как отдельное направление исследований возникла в середине XIX века и в первую очередь ассоциируется с именем Г.Т. Фехнера. Основатель психофизики поставил перед собой фундаментальную проблему, по масштабу явно превосходящую частные проблемы психофизических исследований: как физика мира связана с психикой человека? Решением этой проблемы должно было стать построение точной теории о связи изменений в физическом мире и изменений в мире психическом. Тем самым Фехнер искал детерминанты психической активности не в физиологии организма, не в психике познающего субъекта, не, тем более, в социальном окружении, а в физической реальности действительного мира. Поскольку действительный мир, согласно мистически настроенному Фехнеру, имеет две стороны: «темную» (физическую) и «светлую» (духовную, или психическую), то эти две стороны необходимым образом должны быть связаны между собой, так как они

принадлежат одному и тому же единому миру. Так, философская доктрина Фехнера была положена в основание психофизики – строгой естественнонаучной области психологического знания. Суть основной психофизической проблемы, которая получила не только математическое, но и экспериментальное решение, состояла в установлении зависимости силы ощущения от силы действующего на органы чувств раздражителя. Базируясь на отношении Вебера, согласно которому приращенный раздражитель должен всегда находиться в постоянном отношении к исходному, чтобы ощущение изменилось едва заметным образом, Фехнер выводит логарифмическую зависимость между интенсивностью стимуляции и интенсивностью ответного сенсорного переживания. Фехнер не только описал виды порогов чувствительности, но и впервые предложил методы их измерений. Применяя эти методы в психофизических опытах, он установил, что во многом результат измерения зависит от самого метода, каким определяется пороговая величина. Обычно в психологической литературе этот факт констатируется, но не обсуждается. Хотя он интересен во многих отношениях.

Во-первых, зависимость результата измерения от метода, по сути, означает невозможность точного измерения величины порога: если нет критерия, предписывающего выбор наилучшего метода, и все методы могут быть использованы для измерения одной и той же характеристики, давая при этом разные результаты, то как оценить точность измерения? Что собственно измеряют эти методы, если в результате нельзя сказать, соответствуют ли данные измерения действительному положению дел? Во-вторых, результат каждого единичного измерения, будь то порога осознанного различения или осознанного обнаружения стимула, в существенной степени зависит от предшествующих измерений. Показательным в этой связи является сравнение результатов измерений пороговой величины методом минимальных измерений. В рамках этого метода используют процедуры восходящих и нисходящих рядов. При нара-

щивании интенсивности стимула от нулевого значения величина порога обнаружения нередко оказывается больше, нежели в случае, когда стимул, имеющий надпороговое значение интенсивности, истощается, то есть уменьшается по силе до нулевой отметки. Это означает, что осознанное переживание сенсорного воздействия может напрямую зависеть от ранее испытанного в эксперименте опыта. При последовательных предъявлениях испытуемый в ряде случаев имеет тенденцию дольше осознавать стимульное воздействие, если до этого он осознавал его, и дольше не осознавать, если до этого осознанно не различал действие раздражителя, что и выражается в эффекте привыкания. Отсюда можно сделать вывод, что неосознание, или действия стимула, или различия между предъявленным стимулом и эталоном, в ряде случаев можно рассматривать как эффект влияния ранее не осознанного опыта обнаружения или различения. Следовательно, границы пороговой зоны могут определяться принятой сознанием гипотезой об отсутствии различий в характере стимуляции.

Согласно основному психофизическому закону Вебера-Фехнера ощущения могут существовать и под порогом сознания, то есть переживаться неосознанно, хотя обычно это парадоксальное следствие закона воспринимают как казус, на что, в частности, обращает внимание В.М. Аллахвердов [Аллахвердов, 2000, с. 136].

Не менее весомый вклад в становление психологии как науки внес другой немецкий ученый, которому, как и Фехнеру, была свойственна исключительная широта научных интересов. Г. Гельмгольц оставил заметный след в физике и физиологии, геологии и психологии. Наиболее ценным в плане психологического наследия ученого явилась концепция «бессознательных умозаключений». Основное положение этой концепции состоит в том, что психические акты зрительного восприятия, аналогично мыслительной деятельности, заканчиваются выводом касательно тех объектов, которые мы видим. «Ощущения органов чувств являются для

нашего сознания сообщением, и от нашего интеллекта зависит, как будет понято их значение», – указывал Гельмгольц [Цит.: по Рок, 1980, с. 32]. Такое понимание значения сообщений, которыми снабжают сознание органы чувств, он считал «ложным индуктивным заключением» или «бессознательным умозаключением» на том основании, что такой вывод не является результатом выполненных в мышлении логических операций. «Бессознательное умозаключение» симультанно. Однако сам симультанный эффект осознанного восприятия подготовлен неосознаваемым процессом [Гельмгольц, 1880, с. 34]. И хотя, воспринимая объект, мы не осуществляем мыслительную работу для того, чтобы его понять, наше восприятие осмысленно. Гельмгольц настаивает, что «бессознательное умозаключение» – это именно вывод, который делает человек относительно воспринимаемого предмета, при том, что этот вывод не производится путем «перечисления прежних сходных наблюдений» [Гельмгольц, 1896, с. 140]. В свою очередь, В. Вундт полагал, что «психический процесс восприятия принимает форму логического вывода, только будучи переведенным на язык сознания» [Цит.: по Бассин, 1968, с. 20]. Иначе говоря, сам процесс деятельности сознания, каким является перцептогенез, не осознается. Осознанию подлежит результат этой деятельности, «вывод», основанный на прошлом опыте, что собственно и делает возможным осмысленное восприятие или, иначе, понимание действительности.

Немаловажную роль в познавательной деятельности, по Гельмгольцу, играют моторные действия. Посредством моторики – движений глаз в процессе зрительной перцепции, движений рук при осязании – осуществляется неосознаваемый процесс, порождающий осознаваемый вывод о воспринимаемом объекте. Как заметил В.М. Аллахвердов, комментируя позицию Гельмгольца, «... каждое наше движение, которым мы изменяем картину предметов, ... следует рассматривать как опыт, проверяющий созданные нами ранее гипотезы» [Аллахвердов, 2000, с. 137].

Р.Л. Грегори, один из крупнейших специалистов в области психологии восприятия, считает, что теория бессознательных умозаключений является незаслуженно забытой, и выражает недоумение, почему представления Гельмгольца не стали популярными среди психологов. Идее того, что Гельмголец назвал «бессознательным выводом» на уровне перцепции, фактически, посвящена вся книга Р.Л. Грегори «Разумный глаз», уже в предисловии к которой он категорично утверждает: «Понимать – значит видеть вещи определенным образом, но нельзя «видеть», не понимая» [Грегори, 1972, с. 7]. Собственно, об этом же писал и Гельмголец, считая, что, хотя на самом деле регистрируются нервные стимулы, вызванные воздействием, мы видим внешние объекты. Иначе говоря, само воздействие, которое регистрируется органами чувств, есть только основание, необходимое условие для вывода о причине этого воздействия. И участие сознания, полагал Гельмголец, не требуется для ответа на вопрос, который задается сенсорными данными. (Хотя разве не сознание дает ответ на этот вопрос?) У Гельмгольца есть очень важное для целей настоящего анализа положение, которое не получило в психологии заслуженного обсуждения: «...бессознательные заключения ... непреодолимы; от них нельзя избавиться путем более глубокого понимания действительного положения вещей» [Гельмголец, 1997, с. 47]. Это можно понимать не в том смысле, что от активности сознания не зависит эффект зрительного восприятия, а что в актах восприятия осуществляется однозначное понимание, и только в силу этого предметная картина видимого становится осмысленной. И эта осмысленность не есть привнесенное мышлением в образ восприятия содержание, а суть сам образ в своем содержании. Иными словами, восприятие осмысленно не потому, что в процессе формирования перцепта участвует мышление, и не потому, что субъект посредством мышления делает образ осмысленным, а единственно потому, что сама перцептивная дея-

тельность представляет собой одну из форм познавательной активности, одну из форм понимания.

В XIX веке одной из первых и наиболее распространенных экспериментальных техник являлась хронометрия. Гельмгольц применял эту технику для измерения скорости прохождения нервных импульсов. Но наиболее активно психологическая хронометрия стала использоваться при изучении психомоторики. Голландский физиолог Ф.К. Дондерс разработал так называемый «метод вычитания», позволяющий оценивать время, необходимое для осуществления определенных когнитивных операций, например, различения или выбора. Дондерс обратил внимание, что время реакции испытуемого на световой стимул, измеренное Гельмгольцом, всегда оказывается большим в сравнении со временем передачи нервного импульса. Следовательно, моторное действие в ответ на раздражитель – это не физиологическая, а психическая реакция, и время такой реакции может расцениваться как надежный индикатор тех неосознаваемых процессов, которые предшествуют реализации действия. Дондерсом были выделены несколько типов реакций. Например, простая психическая реакция имеет место в том случае, когда испытуемый знает о том, какой стимул будет действовать, и знает, каким образом следует реагировать на него. Более сложный тип реакции – реакция представления и выбора: испытуемый реагирует разными способами на разные раздражители. Дондерс установил, что время такой реакции увеличивается по сравнению со временем простой сенсомоторной реакции. По мнению исследователя, разница во времени как раз показывает наличие неосознаваемых операций, которые и были названы им «представление» и «выбор». Третий тип реакции – это реакция различения, когда испытуемый реагирует только на какой-то определенный стимул, игнорируя все другие. Время реакции различения оказывается большим, чем время простой психической реакции, но меньшим времени реакции представления и выбора.

Работы Дондерса, а также физиолога Экснера способствовали дальнейшему становлению психологии как экспериментальной науки. Психомоторику роднило с другими направлениями, во-первых, признание психики самостоятельной реальностью, не сводимой к плану физиологии и, во-вторых, поиск объективных методов изучения этой реальности. «Работы Дондерса и Экснера, – пишет М.Г. Ярошевский, – объединяла установка на объективный анализ ВР. Они вовсе не думали, что изучают чисто нервные процессы, но, напротив, вдохновлялись именно тем, что забрезжила надежда, как им казалось, уверенно определить закономерный ход психических процессов» [Ярошевский, 1985, с. 214].

Развитию экспериментальной психологии в XIX веке в значительной мере также способствовали революционные работы Г. Эббингауза, посвященные психологии памяти. Г. Эббингауз, познакомившись с работой Г.Т. Фехнера «Элементы психофизики», был окрылен идеей использования математического языка для описания психических явлений. Первые успехи психофизики действительно вселяли надежду: открытие законов, которым подчиняется душевная жизнь, более не воспринималось как научная утопия.

Более того, именно на поиск закономерного должны быть ориентированы исследователи, придерживающиеся естественнонаучных взглядов. А методологический императив естественной науки требует любые рациональные построения, сколь бы логически состоятельны они ни были, проверять в независимом эксперименте. Г. Эббингауз переносит этот принцип в область психологии памяти и начинает проводить исследования процессов запоминания, узнавания, воспроизведения, разрабатывает методы, обосновывает необходимость применения бессмысленных слогов в качестве стимульного материала. (Едва ли именно эта идея Эббингауза обладает наибольшей научной ценностью, хотя, как известно, последователь В. Вундта Э. Титченер называл применение бессмысленных слогов

самым выдающимся изобретением психологии со времен Аристотеля [Ярошевский, 1996, с. 135]).

В 1885 году выходит в свет работа Г. Эббингауза «О памяти», в которой автор приводит описание предлагаемых методов исследования и результаты собственных экспериментов. Хотя Эббингауз и не предложил собственной теории, его эмпирические исследования стали классическими образцами изучения памяти человека. После Эббингауза в данной области было обнаружено множество разных эффектов, предложены модели строения памяти, разработаны новые методы исследования и различные мнемотехнические приемы, но, бесспорно, именно работы немецкого ученого заложили основу всех научных изысканий в этой сфере. Как справедливо отмечает Т.П. Зинченко, «вопросы психологии памяти, получившие наиболее раннюю в истории развития психологии экспериментальную разработку, долгое время оставались предметом теоретических столкновений разных концепций» [Зинченко, 2000, с. 11].

В предметную область изучения Г. Эббингауза, а также других представителей ассоциативной психологии (Г. Мюллера, А. Пильцекера, Т. Рибо, Т. Цигена) входило изучение ассоциативных связей, их устойчивости, прочности и силы. Сама ассоциативная связь, по мысли этих исследователей, устанавливается по принципу смежности душевных переживаний в пространстве и времени и по принципу сходства содержаний сознания. Ассоциации, образованные по смежности, являются копиями тех последовательностей ощущений, которые имели место в опыте. На основе этих ассоциаций возникают ассоциации по сходству. «Если, – комментирует позицию ассоцианистов Н.Н. Ланге, – некоторое представление А вызывает или внушает нам сходное с ним представление А*, то сходство их состоит в частичном тождестве их содержаний.

$$A=a+b+c+d.$$

$$A^*=a+b+k+t.$$

Каждый из этих комплексов $(a+b+c+d)$ и $(a+b+k+t)$, как уже имеющийся в нашем прежнем опыте, объединен ассоциацией смежности. Поэтому новое появление группы $(a+b+c+d)$ может через посредство признаков a и b вызвать и ассоциированные с ними по смежности признаки k и t » [Ланге, 1996, с. 76]. Таким образом, все психические образования сводились приверженцами взглядов ассоциативной психологии к ассоциациям ощущений и представлений. Память же трактовалась как «совокупность представлений, ассоциативно возбуждаемых» [Там же, с. 76]. Следует отметить, что хотя в русле ассоциативной психологии и были впервые предприняты попытки объяснить работу механизма запоминания, сторонниками этой школы не была решена, да и, по существу, не была поставлена проблема природы мнемического следа. Каким образом кодируется информация в памяти как психическом хранилище? Как возникают ассоциации по сходству? Ведь ощущение, которое испытывает субъект, не может ассоциироваться с подобным, «частично тождественным», поскольку ощущение, переживаемое в прошлом, не сохраняется в памяти в том же непосредственном качестве, в каком оно дано в момент осознания. На эти вопросы ассоциативная психология не дала ответы. Тем не менее бесспорным вкладом в психологическую науку стала разработка Эббингаузом и его последователями методов количественного изучения мнемических феноменов. Возможность измерения проявлений работы памяти открыло дополнительные перспективы построения психологии как естественнонаучной дисциплины. По мнению Т.П. Зинченко, именно экспериментальные работы в ассоциативной психологии «явились основными в развитии психологии как точной экспериментальной науки» [Зинченко, 2000, с. 16].

Г. Эббингауз, создавая методические приемы, рассуждал следующим образом: как правило, в обычной жизни человек не имеет дело с бессмысленным материалом, подлежащим запоминанию. В реальной жизненной практике в процесс запоминания всегда вклю-

чается мышление, и для того, чтобы исследовать память «в чистом виде», необходимо находить закономерности в работе памяти с бессмысленным стимульным материалом. Кроме этого, Эббингауз не только разрабатывал экспериментальные макеты, но и сам выступал испытуемым в своих исследованиях. Это обстоятельство также побудило его применять для запоминания свободный от семантической нагрузки материал. В качестве такого материала Эббингауз предлагал использовать бессмысленные слоги из трех букв (логотомы). Проведенные Эббингаузом исследования позволили впервые выявить определенные закономерности в функционировании памяти. Например, оказалось, что число предъявлений стимульного набора возрастает существенно быстрее по сравнению с увеличением объема запоминаемого материала. Исследуя динамику забывания, Эббингауз обнаружил, что наибольший процент информации, которую испытуемый теряет после заучивания, приходится на период времени, непосредственно следующий за моментом запоминания. Вместе с тем при невозможности воспроизведения ранее запомненных стимулов, эти стимулы испытуемым повторно заучиваются значительно быстрее по сравнению с аналогичными. Следовательно, искомый стимульный материал знаком испытуемому, хотя он и не в состоянии его воспроизвести и даже узнать, то есть, осознать.

Дальнейшее изучение памяти было связано скорее не с поиском новых закономерностей, а с установлением когнитивной роли памяти в жизни человека, «...с переносом на новые области и введением в исследование новых форм памяти» [Зинченко, 2000, с. 16]. Это объясняется тем, что в конце XIX – начале XX века в психологии начинают складываться новые исследовательские направления со своими собственными научными приоритетами. Кроме того, принцип ассоциации оказался несостоятельным при объяснении многих эмпирических феноменов, в частности, эффектов научения. Ассоциация как объяснительный принцип сама нужда-

лась в объяснении. «Недостатком ассоциативной психологии, – указывает Р.М. Грановская, – является то, что закономерности научения она сводит только к закономерностям памяти. Она не учитывает зависимости обучения от мотивации, эмоционального фона, установок, то есть не принимает во внимание роль активности субъекта. ... Попытки преодоления недостатков ассоциативизма были направлены на то, чтобы найти принцип, управляющий выработкой ассоциации, и на то, чтобы преодолеть пассивное понимание психической жизни. При этом никто не отрицает значения ассоциаций как способа организации материала в памяти» [Грановская, 1974, с. 219].

Краткий анализ показывает, что в довундовский, можно сказать, допарадигмальный период развития психологии были созданы все предпосылки для образования и признания психологии в статусе особой естественнонаучной дисциплины, со своим предметом, задачами и методами исследования.

В. Вундт во второй половине XIX века разрабатывает программу построения психологии как естественнонаучной дисциплины, и предметом этой «новой науки», по замыслу Вундта, должно являться сознание. Так как психология является опытной наукой, сознание, по мнению Вундта, можно изучать только экспериментальным методом. Вундт подчеркивал: «Нельзя допустить никакого принципиального различия между психологическими методами и естественнонаучными методами» [Вундт, 1912, с. 9]. Так, в 1877 году в г. Лейпциге открывается первая в мире психологическая лаборатория, которая через два года входит в состав Лейпцигского университета, а в 1879 году преобразуется в Институт экспериментальной психологии. Вундт прекрасно понимал, что об опыте сознания может судить только сам носитель сознания. Более того, согласно Вундту, быть в определенном функциональном состоянии сознания и не знать, что именно в сознании происходит, невозможно для здорового человека. А так как субъект может судить лишь о собст-

венном осознаваемом опыте, единственно пригодным методом исследования сознания является интроспективный эксперимент. Испытуемый в экспериментах Вундта должен был сообщать о непосредственном опыте, то есть таком, который очищен от субъективных оценок, отношения, интерпретаций. Непосредственный опыт сознания – это то, что и как переживается. Например, при восприятии желтой вазы от испытуемого требовалось описывать не саму вазу и её качества, а то, как в данный момент времени переживается факт восприятия вазы, то есть сообщать, например, о переживании «желтизны» вазы. Если же суждения испытуемого связаны со знанием, полученным в прошлом, то в них выражается опосредованный опыт, который не имеет отношения к актуально представленному в осознании содержанию. Сообщения испытуемого об опосредованном опыте не имеют, согласно Вундту, научной ценности. Психолога-интроспекциониста должен интересовать исключительно элементарный состав осознаваемых переживаний, которые испытывает человек в текущий момент времени. Только те слова, которые выражают непосредственный опыт, являются психологической реальностью. Именно в описании устойчивых элементарных образований сознания Вундт видел одну из главных задач психологии. И уже после вычленения атомарных составляющих психология, по замыслу Вундта, может выяснить, каким образом эти «атомы» соединяются в единое целое, то есть согласно каким законам психической жизни это происходит. В качестве одной из элементарных образующих сознания основатель структурализма предложил рассматривать ощущения. Ощущения различаются между собой по ряду эмпирических характеристик: модальности, силе, или интенсивности, длительности. Другой формой элементарного образования сознания являются эмоции, или, в терминах Вундта, чувства. Любое чувство можно разложить на три вектора. Эти вектора служат своеобразными измерениями аффективных образований осознанного опыта. Основатель структурализма представлял эти

измерения тремя бинарными оппозициями: «удовольствие – неудовольствие», «возбуждение – успокоение», «напряжение – разрядка» [Вундт, 2002, с. 41]. Вундт считал, что ощущения и чувства возникают одновременно. При этом каждому чувству в осознании соответствует определенное ощущение, а вслед за возникшим ощущением непременно следует какое-то чувство.

Структурный подход к исследованию сознания был прежде всего ориентирован на описание элементарного состава непосредственного опыта. Но интроспекция как психологический метод оказалась непригодной для решения этой задачи. То, что «внутренняя перцепция» не позволяет обнаружить атомарный состав сознания, стало понятным уже во времена существования вундтовской лаборатории. Протоколы интроспективных экспериментов были полны противоречий, с трудом могли быть согласованы между собой, что, в свою очередь, делало невозможным стандартизацию результатов. Несмотря на требование пройти тренировочные курсы интроспекции в серии из 10 тысяч опытов, испытуемые Вундта все равно не могли избавиться от пристрастности в суждениях по отношению к воспринимаемым объектам. Иначе говоря, ранее осознанная информация всегда оказывала влияние на результаты самонаблюдения.

Метод интроспекции обнаружил свои явные ограничения и недостатки. Маловероятно, что Вундт именно на основе экспериментальных исследований пришел к заключению о том, что ощущения и чувства являются исходным материалом сознания. Скорее всего, такой вывод явился результатом его отвлеченных рассуждений, а в интроспективных отчетах он стремился найти подтверждение своей позиции, что лишний раз доказывает справедливость утверждения о том, что эмпирические данные интерпретируются всегда, исходя из имеющейся теоретической позиции. Построить теорию сознания с опорой на данные интроспективных экспериментов в качестве эмпирического базиса Вундту не удалось. В подходе Вундта к анализу состава сознания явственно обнажилось противоречие, кото-

рое не могло быть разрешено в силу базовых посылок интроспекционизма. Суть этого противоречия состояла в том, что, с одной стороны, психология была призвана выявить элементы сознания в рафинированном виде, с другой стороны, сами эти элементы в «непосредственном опыте» не существуют изолированно, обособленно друг от друга. Благодаря «творческому синтезу» элементы сознания организованы в сложное целое, имеющее свои отличительные качества. Да и сам Вундт, по всей видимости, это хорошо понимал. («Характеристики любого сложного психического явления не сводятся к сумме характеристик, его составляющих»). Тем самым непосредственный опыт сознания не может быть описан на языке свойств ощущений (интенсивность, длительность, модальность) и чувств («удовольствие – неудовольствие», «напряжение – расслабление», «возбуждение – успокоение»), так как актуальный эффект осознания представляет собой синтез, интеграцию этих элементов, а не их механическое сочетание.

В концепции сознания Вундта механизмом организации опыта служит воля – ничем не детерминированная способность человека, отвечающая за установление взаимосвязей между элементами. Посредством «творческого синтеза» воля соединяет элементы в сложно структурированную целостность, которая атрибутируется иначе, чем элементы этого целого. Хотя испытуемому в эксперименте именно эта целостность содержания сознания и открывается, он должен был сообщать исключительно о свойствах самих элементов, которые иначе как в составе целого не даны.

Разочарование в потенциальных возможностях структуралистского направления, вызванное недоверием к интроспективному методу, повлияло на значительное падение интереса к теории В. Вундта. Среди немногих сторонников Вундта можно отметить Э. Титченера, который остался убежденным приверженцем идей структурализма и, можно сказать, довел интроспективную психоло-

гию до логического завершения, которое впоследствии оценивалось как логический тупик структурализма.

Э. Титченер, вполне в духе вундтовской традиции, предметом психологии считает «непосредственный опыт»: «... о сознании будем говорить тогда, когда будем иметь в виду совокупность душевных процессов, которые налицо теперь, кому-нибудь даны в «настоящий» момент. Сознание является, таким образом, сечением через душевный поток» [Титченер, 1914, с. 16]. Но в отличие от своего предшественника Титченер дифференцировал понятия «сознание» и «разум», считая, что «сознание» есть сумма тех переживаний, которые актуализированы в текущий момент времени, а «разум» – это сумма переживаний, накопленных с течением времени. Понятие «разум» Титченер ассоциирует с памятью, поскольку понятно, что переживания, накопленные с течением времени, могут сохраняться лишь в памяти. Титченер, пожалуй, был еще более категоричен, чем Вундт, относительно значения и целей психологии. Он был убежден в том, что психология – это «чистая наука», и психолога не должны волновать вопросы прикладного характера, как то: воспитание, обучение, психологическая помощь, оптимизация общественных отношений. Психология должна единственно изучать сознательные процессы в их содержательном аспекте и устанавливать законы, согласно которым происходит объединение составляющих сознания в единое целое. Тремя основными элементами структуры сознания Титченер считал ощущения, образы и эмоциональные состояния. Никаких других элементов в сознании нет. Таким образом, помимо ощущений и аффективных образований он выделял также и образы в качестве первичных элементов сознания. Кроме этого, к характеристикам ощущений, описанных Вундтом, Титченер добавил «отчетливость», которая связана, по его мнению, с механизмом внимания, а следовательно, и со степенью осознанности актуальных переживаний. Фактически, как заметил В.М. Аллахвердов, «Э. Титченер прямо говорит о двух уровнях сознания:

верхний уровень характеризуется высокой степенью ясности процессов, нижний – их смутностью» [Аллахвердов, 2000, с. 128]. Сами эти уровни сознания, по мысли Титченера, также неоднородны в отношении «отчетливости» [Титченер, 1914, с. 43].

Критикуя положение Вюрцбургской школы относительно трактовки мысли в качестве самостоятельного психического образования, не редуцируемого к трем перечисленным элементам, Титченер строит свою так называемую «контекстную теорию значения». Согласно этой теории само значение возникает как множество ощущений. Последние, в свою очередь, явлены в осознании в момент взаимодействия с реальными объектами. Иллюзию того, что в осознании имеется значение как внесенсорное образование, Титченер объяснял тем, что испытуемые в процессе эксперимента совершают «ошибку стимула», которая заключается в смешении двух различных видов опыта, а именно: содержания процесса восприятия объекта и влияния самого объекта. «Ошибка стимула» имеет место тогда, когда сознание испытуемого поглощено воздействующим объектом, поэтому от испытуемых требовалось описывать свои переживания на языке осознанного восприятия, а не на языке предметных значений. Если при восприятии цветка испытуемый сообщает о форме, цвете, запахе, а не о том, какой предмет он видит, значит, он свидетельствует об истинном содержании актуального сознания, то есть о своем осознаваемом переживании. Тем самым, согласно Титченеру, значение как продукт мышления иначе как в сенсорном контексте не возникает. Следовательно, само значение выводимо из первичных элементов сенсорного опыта. Случай, когда при решении интеллектуальных задач испытуемые не способны были обнаружить сенсорный контекст, Титченер склонен был объяснять недостаточным уровнем развития у испытуемых способности к интроспекции. Поэтому совершенствованию интроспективного эксперимента Титченер придавал большое значение, считая, что только тренированные испытуемые могут быть ис-

точником достоверного знания о событиях, происходящих в их сознании. «Наблюдение, – указывал Титченер, – подразумевает наличие двух моментов: внимание к явлению и регистрацию явления. Внимание необходимо поддерживать на максимально возможном уровне концентрации; регистрация должна быть фотографически точной. Такое наблюдение представляет собой тяжелую и утомительную работу, а интроспекция, в целом, оказывается труднее и утомительней наблюдения внешних событий» [Цит. по: Шульц, Шульц, 1998, с. 134]. Поэтому испытуемые, полагал Титченер, «должны обладать хорошим физическим здоровьем, быть лишены житейских забот, чтобы ничто не могло отвлекать их от утомительного занятия интроспективным анализом» [Там же, с. 134]. Надо заметить, что еще критики Вундта указывали на тот факт, что длительный эксперимент с самонаблюдением вызывает у его участников психические нарушения [Там же, с. 95].

Идеи структурной школы психологии после Э. Титченера не получили своего развития. Даже сами классики интроспекционизма во многом отмежевались от своих прежних взглядов. Известно, что В. Вундт в последние годы жизни занялся культурно-исторической психологией, написав десятитомный труд «Психология народов», больше не возвращаясь к экспериментальному исследованию сознания. А Э. Титченер даже начал подвергать сомнению сам термин «структурная психология», называя в 20-е годы свою систему взглядов «экзистенциальной психологией». Феноменологический анализ Титченер предпочел интроспективному методу – святая святых структурного подхода. Тем самым попытка разбиения сознания на элементы оказалась безуспешной даже с позиции самих идеологов структурализма. Да и сама проблематика структурализма, исходя из логики развития науки, расценивалась как «вчерашний день» психологии.

Очевидные недостатки теоретической системы структурализма никоим образом не умаляют достоинств этой школы психологии.

Хотя нередко считают, что представители структурализма не внесли сколь-либо весомый вклад в развитие научно-психологического знания. Показательны в этом отношении категорические высказывания С. Холла в адрес основателя структурализма: «Ни одно из положений вундтовской программы не выдержало испытаний временем» [См. Ярошевский, 1985, с. 225]. «... Экспериментальная психология покинула его», «...компилятор, не сделавший никакого существенного вклада, кроме, может быть, доктрины о перцепции» [См. Ярошевский, 1996, с. 194].

В.М. Аллахвердов, анализируя исследования структуралистов, заключает: «Неудача исследовательской программы объяснения сознания изнутри самого сознания экспериментально подтвердила то, что ... сознание из самого сознания не выводимо, оно не разлагается на какие-либо неделимые элементы» [Аллахвердов, 2000, с. 131]. Чтобы объяснить происхождение осознаваемых переживаний, нужно выйти за пределы осознаваемого опыта. Такая задача в рамках структурного подхода не ставилась. Тем не менее, начало психологического изучения сознания было положено. И опыт исследований в структурной школе психологии имел огромное значение для всего последующего развития научно-психологической мысли.

1.4. Анализ подходов к проблеме осознания в психологии первой половины XX века

На рубеже XIX и XX веков в США зародился новый подход к изучению сознания. Этот подход получил название «функционализм». Если для представителей структурной школы психологии главным предметом исследования являлся материал, из которого состоит сознание, то для американского функционализма, представленного именами У. Джемса, Д. Дьюи, Д.Р. Энджелла, Г.А. Кэрра, и европейского функционализма в лице прежде всего К. Штумпфа, основной категорией, через призму которой описывался феномен сознания, стало понятие «функция». Выбор функции

как единицы анализа сознания был продиктован стремлением понять адаптационные способности сознания, что структурной школой психологии вообще не включалось в проблемное поле исследований. Сознание оценивалось как приспособительный инструмент, а функциональная психология, по определению Д.Р. Энджелла, – «это учение о фундаментальной полезности сознания» [Цит. по: Шульц, Шульц, 1998, с. 186]. Коль скоро сознание сохранилось в процессе эволюции, значит, оно необходимо для выживания, следовательно, главной задачей функциональной психологии должно стать установление роли функций, актов, операций как отправлений сознания, призванных обеспечить приспособление к среде. Таким образом, не вопрос «Из чего состоит сознание?», а вопрос «Для чего сознание?» послужил отправным пунктом научных поисков функционалистов. Если сознание играет роль механизма адаптации (а именно в этом функционалисты видели эволюционное оправдание его возникновения), значит, реагирование на усложнение средовых влияний не должно носить характер пассивного отражения, а должно быть активным, гибким, способным обеспечить сбалансированные отношения в системе «организм – среда».

Главным идеологом функционализма был У. Джемс, который подверг критике базовые положения структурной школы психологии В. Вундта. Прежде всего, У. Джемс отрицал возможность вычленения отдельных дискретных элементов сознания путем интроспекции. Согласно Джемсу, обнаружить субстрат сознания невозможно, какой бы метод для этого ни использовался. Интроспекция, которую В. Вундт и Э. Титченер считали единственным приемлемым методом изучения атомарного состава сознания, по убеждению Джемса, менее всего может быть использована для цели анализа элементарных составляющих «непосредственного опыта». Даже если бы самонаблюдение, каким бы «систематическим» (Э. Титченер) оно ни было, давало возможность вычленивать неразложимые элементы сознания, никогда нельзя было бы доказать не-

зависимое существование «кирпичиков» сознания от самой процедуры интроспективного анализа, то есть в конечном итоге от акта осознания, нацеленного на обнаружение этого исходного материала. Сознание, согласно У. Джемсу, есть не что иное, как единый, неразложимый на составляющие компоненты поток. Содержание сознания непрерывно изменяется. У. Джемс писал: «...сознание всегда является для себя чем-то цельным, не раздробленным на части. Такие выражения, как «цепь (или ряд) психических явлений», не дают нам представления о сознании, какое мы получаем от него непосредственно. В сознании нет связок, оно течет непрерывно. Всего естественнее к нему применить метафору «река» или «поток». Говоря о нем, ... будем придерживаться термина «поток сознания» (мысли или субъективной жизни)» [Джемс, 1991, с. 57]. В осознаваемом опыте нет никаких неизменных состояний: «Состояния сознания сменяются ... одно другим. Подобно тому, как мы выражаемся безлично: «светает», «смеркается», мы можем и этот факт охарактеризовать всего лучше безличным глаголом «думается» [Там же, с. 57]. В силу этого никакой эксперимент не может быть эффективен при исследовании атомарного состава сознания. Помимо этого, в русле функционального подхода было показано, что интроспекция, проводимая в лабораторных условиях, есть всегда ретроспекция, так как человек, испытав некоторый осознаваемый опыт, должен был проанализировать свои ощущения и сообщить о них экспериментатору спустя какое-то определенное время. Э.Г. Боринг, анализируя практику использования интроспективного метода в психологии, пришел к выводу о том, что интроспекции в качестве способа непосредственного наблюдения просто не существует. Не бывает интроспекции, «которая не лжет». «Наблюдение – это процесс, требующий некоторого времени и подверженный ошибкам в своем течении» [Боринг, 1999, с. 56].

Акцентируя внимание на процессуальном характере сознания, Джемс вместе с тем выделил четыре базовых атрибута сознания.

Эти атрибуты характерны для любого состояния сознания. У. Джемс описал их следующим образом: « ... 1) каждое состояние сознания стремится быть частью личного сознания; 2) в границах личного сознания его состояния изменчивы; 3) всякое личное сознание представляет непрерывную последовательность ощущений; 4) одни объекты оно воспринимает охотно, другие отвергает и, вообще, все время делает между ними выбор» [Там же, с. 57]. Поясняя феноменологическое значение этих свойств, Джемс обращает внимание на следующие моменты.

Во-первых, все переживания, которые испытывает человек, неповторимо индивидуальны. Говорить о чистой мысли, не принадлежащей никакому лицу, мы не только не можем, но и не должны, так как не имеем для этого никаких данных опыта. А тот опыт, которым мы располагаем, – это всегда личный опыт: «состояния сознания, которые мы встречаем в природе, суть непременно личные сознания – умы, личности, определенные конкретные «я» и «вы»» [Там же, с. 58]. При этом Джемс подчеркивает, что «абсолютная разобщенность сознаний» может пониматься как психологический закон. Отсюда основатель функционализма выводит следствие, согласно которому самым общим фактом сознания «служит не «мысли и чувства существуют», но «я мыслю» или «я чувствую»» [Там же, с. 58, 59]. Другими словами, всякому состоянию сознания свойственна субъективность, переживаемая как авторство тех или иных психических актов. Хотя об этом же, пусть и не так явно, писал и В. Вундт.

Во-вторых, У. Джемс, говоря об изменчивости, текучести содержания сознания в пределах личной сферы, имеет в виду лишь то, что ни одно ранее испытанное состояние сознания не может повториться. «Тождествен воспринимаемый нами объект, – комментирует свою позицию Джемс, – а не наши ощущения: мы слышим несколько раз подряд ту же ноту, мы видим зеленый цвет того же качества, обоняем те же духи или испытываем боль того же рода.

Реальности, объективные или субъективные, в постоянное существование которых мы верим, по-видимому, снова и снова предстают перед нашим сознанием и заставляют нас из-за нашей невнимательности предполагать, будто идеи о них суть одни и те же идеи» [Там же, с. 57]. Сознание выполняет приспособительную функцию, обеспечивая возможности адекватного реагирования в изменяющейся среде, поэтому, по мысли Джемса, «мы стараемся убедиться лишь в тождественности вещей, и любые ощущения, удостоверяющие нас в этом при грубом способе оценки, будут сами казаться нам тождественными» [Там же, с. 57]. Неизменные идеи, которые появляются на экране сознания, У. Джемс называл «фантастическими фикциями». Но это вовсе не означает, что состояние сознания не обладает определенной продолжительностью. Каждое состояние сознания как завершенное целое имеет свою длительность, поэтому было бы неверно сравнивать смену состояний сознания со сменой кадров в кинематографе. Во времена Джемса схожие идеи высказывал Г. Кляйнпетер: «Если бы отдельные переживания попросту сменяли друг друга в сознании, то нельзя было бы найти между ними различие; ведь в этом случае появление нового содержания сознания означало бы исчезновение старого; налицо в любой момент было бы всегда лишь одно содержание сознания, и не было бы никакой возможности констатировать факт смены» [Кляйнпетер, 1910]. Каждое состояние сознания базируется на прошлом опыте, а сама осознанность возникает благодаря памяти.

У. Джемс, к сожалению, оставляет без внимания проблему константности перцептивного опыта. Демонстрируя на различных примерах невозможность повторения минувших состояний сознания, он не предложил объяснения факту субъективной уверенности в тождественности осознанно переживаемых состояний, возникающих при восприятии знакомых объектов. Причем эта субъективная уверенность всегда связана именно с переживанием, по-

сколькo только последнее существует в осознании в актуальный момент времени.

В-третьих, У. Джемс указывает на некий неосознаваемый механизм интеграции сознательной жизни. Этот механизм обеспечивает «сплошность» индивидуальной истории человека и тождество личности. Благодаря работе этого механизма прошлое одного человека никогда не смешивается с прошлым другого человека. Поэтому эпизоды из своего прошлого можно вспомнить, а состояния сознания, испытанные другим, – только представить. В этом контексте Джемс дифференцирует понятия «сознание» и «мышление», определяя мышление скорее как «движение сознания». «В каждом личном сознании процесс мышления заметным образом непрерывен» [Джемс, 1991, с. 57]. (Аналогичной точки зрения придерживается В.Л. Райков, разрабатывая мозаичную теорию сознания [Райков, 2000]). Джемс выделяет в «потоке сознания» устойчивые и изменчивые части. Движение сознания посредством мышления осуществляется «от одной устойчивой части, только что покинутой, к другой» [Джемс, 1991, с. 57]. Как правило, замечает Джемс, мы не осознаем переходов от одного состояния к другому: мы просто оказываемся всегда в некотором состоянии осознанности. Самонаблюдение, сколь бы тренированным оно ни было, также не способно зафиксировать переходные моменты. И здесь Джемс обращает внимание на очень важную особенность работы сознания. Эта особенность связана с функцией контроля переходных моментов от одного состояния к другому. Джемс пишет: «Пусть кто-нибудь попытается захватить вниманием на полдороги переходный момент в процессе мышления, и он убедится, как трудно вести самонаблюдение при изменчивых состояниях сознания. Мысль несется стремглав, так что почти всегда приводит нас к выводу раньше, чем мы успеваем захватить ее. Если же мы и успеваем захватить ее, она мигом видоизменяется. Снежный кристалл, схваченный теплой рукой, мигом превращается в водяную каплю; подобным же образом, же-

лая уловить переходное состояние сознания, мы вместо того находим в нем нечто вполне устойчивое – обыкновенно это бывает последнее мысленно произнесенное нами слово, взятое само по себе, независимо от своего смысла в контексте, который совершенно ускользает от нас» [Там же, с. 57]. Отсюда Джемс делает вывод: интроспективный метод не валиден по отношению к задаче обнаружения в сознании неизменных элементов, поскольку сам процесс сознания, приводящий к осознанию, не может быть осознан.

Важное положение в концепции Джемса касается неосознаваемого содержания сознания. Неосознаваемые «добавки» к осознаваемому содержанию сознания Джемс называет «психические обертоны». Он поясняет на примере: «Представьте себе, что вы припоминаете забытое имя. Припоминание – это своеобразный процесс сознания. В нем есть как бы ощущение некоего пробела, и пробел этот ощущается весьма активным образом. ... Если нам предлагают неподходящие имена, стараясь навести нас на истинное, то с помощью особенного чувства пробела мы немедленно отвергаем их. Они не соответствуют характеру пробела. При этом пробел от одного забытого слова не похож на пробел от другого, хотя оба пробела могут быть нами охарактеризованы лишь полным отсутствием содержания» [Там же, с. 58]. Следовательно, в самом сознании есть содержание, которое не осознается. Это неосознаваемое содержание и делает, по Джемсу, возможным эффекты осознания. М.В. Фаликман полагает, что именно Джемс впервые высказал идею об «ограниченности сознания». Впоследствии эта идея принималась за аксиоматическое положение среди американских когнитивных психологов [Фаликман, 2001]. У. Джемс ясно понимал, что воспринимает человек значительно больше информации из внешнего мира, чем способен осознать. Он указывал: «... Впечатления внешнего мира, исключаемые нами из области сознательного опыта, всегда имеются налицо и воздействуют так же энергично на наши органы чувств, как и сознательные восприятия.

Почему эти впечатления не проникают в наше сознание – это тайна, для которой принцип «ограниченности сознания» ... представляет не объяснение, а одно только название» [Джемс, 1902, с. 169]. Когнитивные психологии во второй половине XX века будут активно искать объяснение природы ограничений, наложенных на познавательную систему человека, поставят колоссальное количество экспериментов, но тайна, о которой писал У. Джемс, так и останется тайной.

Заслугой функциональной психологии можно признать убедительное доказательство того, что содержание сознания необособимо от актов сознания, вследствие реализации которых это содержание явлено в осознании. Не сам очевидный факт наличия у сознания содержания отрицался функционалистами, а подвергалась справедливой критике возможность нахождения материала сознания в своем онтологическом качестве, то есть без учета зависимости характера осознаваемого содержания от реализуемых функций, делающих возможным такое нахождение. То обстоятельство, что в некоторых случаях испытуемому удается достичь позитивного результата самонаблюдения, У. Джемс объяснял действием механизма внимания: «Ни у кого не может быть элементарных ощущений самих по себе. С самого рождения наше сознание битком набито множеством разнообразных объектов и связей, а то, что мы называем простыми ощущениями, есть результат разборчивости внимания, которая часто достигает высочайшего уровня» [Цит.: по Шульц, Шульц, 1998, с. 179].

Вместе с тем в подходе Джемса и его сторонников функции не просто противопоставлялись структуре самих актов сознания и психическому составу последнего, но, взятые изолированно, расценивались как само сознание. Сведение сознания к совокупности актов или функций привело Д. Дьюи к логическому выводу о том, что «акты конструируют объекты – стимулы» [Цит.: по Веккер, 1974, с. 34]. Обсуждая методологические изъяны функционализма,

Л.М. Веккер справедливо заметил: «...поскольку ни структура, ни тем более функция в ее реальной рабочей активности не могут быть обособлены от исходного материала, в такой изначальный материал превращается сама функция» [Там же, с. 34]. Таким образом, принятие акта сознания за единицу анализа сделало фактически невозможным создание научной теории, реконструирующей логику реальной работы структурно-функциональной организации сознания, так как понимание того, каким образом реализуется функция, предполагает знание об устройстве психической структуры, функцией которой и является акт сознания.

Если функционализм соперничал со структурной школой психологии в определении наиболее значимого аспекта изучения сознания, то появление на психологической арене бихевиоризма означало кардинальную смену самого предмета психологии. В 1913 году выходит в свет статья Дж. Уотсона «Психология с точки зрения бихевиориста», в которой автор предлагает новый взгляд на предмет и задачи психологии [Watson, 1913].

Бихевиоризм возник не в одночасье. Еще до выхода программной статьи Уотсона американский исследователь Э. Торндайк разработал методы исследования поведения у животных. Торндайка главным образом интересовали факторы, благодаря которым образуется навык. С этой целью им были разработаны методики закрепления навыков. Опыты на животных, проводившиеся в специально созданных лабиринтах, позволили построить кривые научения и описать эмпирические факты, которые затем послужили основанием для расширения сферы исследований на область человеческого поведения и обучения. В исследованиях на крысах были обнаружены эффекты успешного научения независимого от конкретной ситуации, в которой закреплялись нужные исследователю формы моторной активности. Так, крыса, наученная находить верный путь в лабиринте к кормушке, была способна проделать этот путь вплавь, ориентируясь в соответствии с образом ситуации. Э. Толмен даже

предложил использовать термин «когнитивная карта» для объяснения ориентации в пространстве, хотя при этом оставался убежденным в том, что «...абсолютно все существенное для психологии... может быть установлено в ходе упорного анализа детерминации поведения крысы в ... лабиринте» [Tolman, 1932; 1938, с. 34].

В бихевиоризме, где поведение являлось единственным предметом изучения, сознание и продукты его деятельности оказались за пределами предметной области исследований. Единицей психологического анализа, согласно бихевиористам, является реакция, возникающая в ответ на действие внешнего стимула [Watson, 1913]. Стимульно-реактивная парадигма стала общетеоретической платформой не только для построения различных (правда, несущественно отличающихся друг от друга) концептуальных подходов, но и для экспериментальных исследований. Дж. Б. Уотсон считал, что апелляция к сознанию человека при объяснении наблюдаемого поведения не только бесполезна с точки зрения возможностей понимания действительных механизмов реагирования, но и абсолютно бессмысленна. Теория сознания – это пережиток прошлого. Бихевиорист должен преодолеть это наследие средневековья. Для ученого сознание – это не более чем «маскарадный костюм души» [См. Лихи, 2003, с. 393]. Единственная задача бихевиориста – точно регистрировать реакции в ответ на соответствующие стимулы. В этом смысле изучение поведения человека – не более сложная задача, чем исследование поведения крыс.

В бихевиоризме вся психологическая феноменология была сведена к совокупности обнаруживаемых в наблюдении реакций. Даже трактовка мышления как очевидно сознательного процесса несла на себе печать стимульно-реактивного подхода. Как указывал Уотсон, «мышление... есть процесс, протекающий по методу проб и ошибок, – вполне аналогично ручной деятельности. ... Весьма грубое сравнение, применимое и для мышления, можно найти в погоне голодного охотника за добычей. Он настигает ее, ловит, готовит из

нее пищу и съедает, затем закуривает трубку и укладывается на отдых. Зайцы и перепела могут выглядывать из-под каждого куста, однако стимулирующее действие их на время исчезло» [Уотсон, 1998, с. 592]. И далее: «с точки зрения психолога поведения, проблема «значения» (смысла) представляет собой чистейшую абстракцию. В своих исследованиях психологи поведения с нею никогда не сталкиваются. Мы наблюдаем действия, совершаемые животным или человеческим индивидом. Последний «имеет в виду» то, что делает. Мы не видим никакой теоретической или практической надобности в том, чтобы прервать его действие и спросить, что он имеет в виду во время действия» [Там же, с. 591]. Неудивительно, что при таком взгляде с трудом поддавались объяснению как адаптационные возможности человека, так и когнитивные механизмы, обеспечивающие приобретение знаний. То обстоятельство, что воздействие стимулов вызывает ответные действия только после переработки информации сознанием и принятием решения о реакции, попросту игнорировалось. Модель человека, представленная в бихевиоризме, есть живая машина (хотя и исключительно сложная, так как она способна к обучению и восприятию культурных феноменов), действующая во внешнем мире методом проб и ошибок аналогично тому, как взаимодействуют со средой животные. Как указывает М.Г. Ярошевский, в бихевиоризме независимо от его разновидностей «детерминанты поведения крысы идентичны детерминантам поведения человека в лабиринте жизни» [Ярошевский, 1985, с. 410]. Аналогичную точку зрения выражает А.Р. Лурия, говоря о том, что для бихевиористов «... поведение понималось как нечто состоящее из реакций на стимулы, как результат повторений подкреплений, иначе говоря, как процесс, строящийся по элементарной схеме условного рефлекса. ...Они ограничились анализом внешней феноменологии поведения, трактуемой очень упрощенно, и пытались подойти ко всему поведению человека так же,

как они подходили к поведению животного, считая, что оно исчерпывается простым образованием навыков» [Лурия, 1979, с. 22].

В постклассических версиях бихевиоризм признает не только факторы, связанные с подкреплением (характер, сила, своевременность, длительность, частота и т.п.), но и значимую роль когнитивного компонента процессов заучивания и научения. Бихевиористы все чаще стали говорить о существовании скрытых от внешнего наблюдения «промежуточных переменных», поскольку уже не могли объяснить экспериментальные факты без допущения латентных детерминант поведенческой активности. Они были вынуждены «...контрабандой протаскивать тот или иной вид невидимых явлений по той простой причине, что без этого нельзя понять смысл поведения» [Миллер, Галантер, Прибрам, 1964]. Однако введение «промежуточных переменных», имеющих значение опосредующего звена в стимульно-реактивной схеме, не могло устранить главный порок теоретической системы бихевиоризма, а именно абстрагирование поведенческого акта от сознания человека. Поведение, увиденное глазами бихевиориста, оказывалось изолированной от психики реальностью. Любые допущения о ненаблюдаемом не придавали объяснительным схемам бихевиористов оригинальности и логической стройности. В.М. Аллахвердов, критикуя взгляды сторонников бихевиоризма, убедительно показал, что даже процесс научения, исследованию чего бихевиористы посвятили большую часть времени, не может быть правдоподобно описан в том варианте, который предлагал Уотсон и его последователи [Аллахвердов, 2003, с. 119-120]. Подкрепляемое действие не может приводить к научению, поскольку после закрепления определенного действия не имеет смысла его улучшать. Кроме того, в процессе научения в памяти не могут сохраняться сами моторные акты. Действительные механизмы научения, а следовательно, и запоминания в поведенческой психологии описаны не были. Если теория бихевиоризма и имеет определенное прикладное значение (например, в поведенческой те-

рапии), то при решении задачи описания логики функционирования сознания и тем более объяснения роли осознания в познавательной деятельности она лишена эвристической ценности.

Желание поставить под контроль поведенческие реакции человека, тем самым увеличив вероятность проявления желательных, социально полезных реакций, послужило причиной создания Б. Скиннером концепции «оперантного обусловливания». Скиннер и его сторонники в основном были заняты разработками теории и эффективной практики подкрепления, что, конечно же, не меняло общеметодологических установок бихевиоризма и не давало возможности понять природу человека в ее отличной от животных специфичности. Само желание поставить под контроль человеческое поведение равносильно тому, как это происходит в экспериментальных лабораториях при изучении реакции животных, являлось столь же утопическим, сколь и антигуманным. Недаром даже К. Лоренц, склонный социальные процессы рассматривать с биологических позиций, отмечает, что «бихевиористская догма» мешает правильному пониманию человека и общества, а идея тотального манипулирования является «опасным безумием» [Цит. по: Руткевич, 1985, с. 30].

Тем не менее, отмечают и заслуги бихевиоризма. Так, например, Л.М. Веккер, анализируя вклад бихевиоризма в историю психологической науки, заключает: «...возведенные бихевиоризмом без достаточных оснований в ранг *основного* закона «пробы и ошибки» представляют здесь не только общий принцип организации поведения, но и его конкретную статистическую меру, ибо и пробы, и ошибки являются характеристиками, поддающимися числовому выражению» [Веккер, 1974, с. 36]. Иначе говоря, случайность сочетаний реакций индивидуума со стимулами среды есть проявление вероятностного закона, так как частота появления реакции есть эмпирическое выражение вероятности. Установление «основного закона», о котором пишет Веккер, предполагает не только

фиксацию частоты проявления соответствующих реакций, но также, видимо, вероятность их неосознанного повторения в зависимости от прошлого опыта. Отсюда следует, что как осознаваемые, так и неосознаваемые реакции должны быть обусловлены ранее осознанным и ранее не осознанным опытом.

Первая половина XX века – пожалуй, самый динамичный период развития психологической науки. Помимо бихевиоризма в этот период практически одновременно возникают различные по предметной направленности школы. Одной из таких школ была Вюрцбургская школа психологии, образованная в Германии. Вдохновителем нового направления был О. Кюльпе. К числу сторонников идей О. Кюльпе относились А. Майер, И. Орт, К. Марбе, К. Бюлер, Г. Уатт, Н. Ах, А. Мессер, О. Зельц. Несомненной заслугой этой школы явилось внедрение в практику психологических исследований, главным образом исследований мышления, экспериментального метода. Хотя интроспекция не отвергалась вюрцбуржцами, но, наряду с «методом систематического экспериментального самонаблюдения» (Н. Ах), исследователи стали использовать экспериментальные задачи. Анализ решения испытуемыми таких задач все больше заменял собой анализ интроспективных отчетов. Метод экспериментальных задач предполагал решение некоторой головоломки, поиск выхода из проблемной ситуации. Например, испытуемому дается задание произвольным образом установить на входной двери три свечки. Кроме свечек, испытуемому предлагаются предметы, которые он может использовать в качестве средств решения задачи. В числе этих предметов – молоток, гвозди, плоскогубцы и некоторые другие предметы. Одним испытуемым гвозди предлагались в коробочках, другим отдельно давались гвозди и пустые коробочки. Эксперимент показал, что, когда испытуемые получали пустые коробочки, они в 100 % случаев решали задачу: прибавляли к двери коробочки, а затем использовали их в качестве подставки, на которую устанавливали свечи. Но когда испытуемые

получали гвозди в коробочках, только в 50 % случаев находилось решение задачи. Первоначальное осознание коробочек как тары для гвоздей препятствовало в ходе решения задачи осознанию коробочек как инструментальных средств.

В другой задаче от испытуемого требовалось установить в темной комнате весы и уравновесить чаши весов, но таким образом, чтобы через некоторое время равновесие нарушилось без всякого вмешательства испытуемого. Вся тонкость этого задания заключалась в том, что комната освещалась свечой, используя которую испытуемый легко бы справился с задачей. Однако большинство участников эксперимента воспринимали свечу как источник света и не могли осознать, что зажженная свеча уменьшается в весе. В данном эксперименте опять же уместно говорить о влиянии ранее осознанного опыта на эффекты деятельности сознания. Вюрцбургцы, в частности А. Майер, трактовали результаты, полученные в подобного рода экспериментах, в терминах фиксированной установки. Фиксация сознания на какой-то одной функции предмета мешает найти решение творческой задачи, предполагающей другое функциональное назначение этого предмета.

Исследователи Вюрцбургской школы акцентировали роль особых состояний сознания, для обозначения которых предлагались разные термины: «психологическая установка» (Г. Уатт), «детерминирующая тенденция» (Н. Ах), «антиципирующая схема» (О. Зельц). Эти состояния хотя и не осознаются в самом процессе сознательной деятельности, но между тем определяют направление и результат решения когнитивных задач. Пожалуй, наибольший вклад в развитие идеи о неосознаваемом влиянии установки внес Н. Ах, который экспериментально подтвердил эффект зависимости результатов мыслительного процесса от исходной настройки сознания испытуемого. «Детерминирующая тенденция» возникает как эффект неосознаваемого влияния ранее осознанного способа пони-

мания задачи. В ходе решения эта тенденция направляет сознательный поиск, но при этом не обнаруживает себя в осознании.

Результаты исследований в Вюрцбургской школе значительно обогатили знания о работе сознания. В описание структуры сознательной деятельности были включены новые компоненты: установка, возникающая при осознании задачи; сама задача, которая направляет процесс поиска решения; внесенсорные компоненты в составе сознания. Стало понятно: ассоциация – не единственный принцип работы сознания. Эффекты осознания (а также и неосознавания) могут быть детерминированы неосознаваемыми психическими образованиями. Работы ученых этой школы оказали существенное влияние на гештальт-психологов и в целом на развитие экспериментальной психологии.

В то время, когда в Америке все большую популярность приобретали идеи бихевиористов, в Германии возникает новое направление исследований – гештальтпсихология, представленное именами М. Вертгеймера, В. Келера, К. Коффки. Гештальтисты утверждали: образ не является суммой ощущений, а представляет собой целостную, интегральную структуру, или, иначе, *гештальт*. Целостность выражает собой специфику соотношений между элементами перцепта и его интегральной структурой. Гештальтпсихологами были выявлены закономерности влияния целого на восприятие частей. Например, в области зрительного восприятия доминирование целого над частями демонстрируется фактами сохранения общей структуры осознанного восприятия какого-либо изображения при замене элементов, образующих это целое. Относительно слуховой модальности еще Х. Эренфельц отмечал, что мелодия, которая исполняется на различных инструментах или в разных регистрах, воспринимается как та же самая. Кроме этого, согласно гештальтистам, примат целого выражается в том, что при выпадении отдельных частей этого целого не утрачивается осмысленность восприятия за счет сохранения интегральной структуры. Наконец, факты

восприятия реверсивных изображений показывают, что отдельные элементы воспринимаются в зависимости от того, в какую целостную структуру они входят. В рамках гештальтпсихологии сформулированы принципы гештальта или факторы группировки элементов в целостную структуру. К ним относятся:

- *Фактор близости.* При прочих равных условиях в целостную структуру объединяются элементы, близко расположенные во времени или пространстве (по признаку наименьшего расстояния между ними).

- *Фактор замкнутости.* В единую перцептивную структуру объединяются элементы, в совокупности составляющие замкнутый контур или замкнутую трехмерную поверхность.

- *Фактор хорошей формы (закон прегнантности).* Объединению подвергаются элементы, образующие предпочтительный класс так называемых хороших форм. Например, круг или прямая линия, то есть тела или фигуры, обладающие свойствами простоты, симметричности, периодичности, ритма и т.д.

- *Фактор коллективного движения.* К объединению в группу тяготеют элементы, имеющие одно направление и одну скорость движения (стая птиц, эскадрилья самолетов и т.д.).

- *Фактор однородности (сходства),* заключающийся в том, что детерминантой объединения элементов оказываются их общие пространственные или модальные характеристики; в единую группировку входят компоненты одной формы, одного цвета и т.д.

Все эти факторы, по мнению Л.М. Веккера, есть модификации фактора однородности или общности элементов по различным признакам. Так, фактор близости представляет общность элементов по положению в одной и той же «окрестности» пространства. Фактор замкнутости выражает общую принадлежность элементов к одной и той же предметно обособленной структуре. Фактор хорошей формы включает в себе проявление геометрической однородности или общности. Окружность есть линия, все точки которой равно-

удалены от центра. Прямая есть совокупность отрезков с одинаковой (нулевой) кривизной. Ритмичность, периодичность, симметричность также заключают в себе проявление таких признаков общности по определенным пространственным или временным признакам. Таким образом, принадлежность к классу «хороших» форм определяется однородностью элементов данной формы по какому-либо из их геометрических признаков. Фактор коллективного движения представляет собой проявление однородности по кинематическим признакам – общей величине и направлению вектора скорости. Наконец, фактор однородности выражает однородность по пространственным или модальным характеристикам (форма, цвет). Таким образом, все выделенные в гештальтпсихологии факторы, на основе которых элементы связываются в целостную структуру, есть частные формы объединяющего их начала – однородности по какому-либо из пространственно-временных или модальных признаков [Веккер, 1998, с. 149, 150].

Необходимо отметить, что построение целостного образа происходит неосознанно. Осознается не действие факторов, влияющих на восприятие целостного объекта, а целостный образ объекта. В свою очередь все, что человек воспринимает (осознает), он воспринимает (осознает) как фигуру на фоне. В каждом акте восприятия перцептивное поле членится на «фигуру», обладающую характером «вещи» и воспринимаемую отчетливо, целостно, на переднем плане, и «фон», обладающий характером «субстанции» (К. Коффка), который представлен в восприятии как нечто аморфное, слабо структурированное, простирающееся позади фигуры. Как установили еще в XIX веке А. Гельб и Р. Гранит, различие между фигурой и фоном выражается еще и в том, что разностные пороги на фигуре больше, чем на фоне, то есть чувствительность к фону выше, чем к фигуре. Образ предмета есть, как выразился Л.М. Веккер, «та существенная добавка», которая приобретает на собственно перцептивном уровне, в отличие от уровня сенсорного. Фон выступает в

качестве сенсорного фундамента, на котором строится перцептивный образ объекта. По словам того же Л.М. Веккера, фон представляет собой «сцену», на которой воспроизводятся конкретные объекты как события, разыгрывающиеся на этой сцене [Веккер, 1974, с. 219]. Образ восприятия, фактически, оказывается двухслойным. И фон в единой структуре перцептивного образа является актуальным оформлением фигуры. В.А. Ганзен, характеризуя феномен фигуру-фоновых отношений, описанный гештальт-психологами, указывает: «Ограниченность в пространстве или времени является необходимым условием разделения объекта и среды (предмета и фона). Среда (фон) связна, но не ограничена, и в этом – одно из отличий объекта от среды. Граница есть область разрыва одной из функций, определенных в пространстве «объект-среда», другие же функции в той же области должны быть непрерывными. В результате этого, объект, с одной стороны, выделяется из среды, а с другой – сохраняет с ней органическую связь. Неограниченность – не единственное отличие фона от фигуры. Фон и фигура имеют разную топологию, метрику и размерность» [Ганзен, 1974].

«Фигура» и «фон» связаны между собой отношением, которое не является однозначным. Для демонстрации фигуру-фоновых отношений обычно используют двойственные (реверсивные) фигуры, образованные из двусмысленных изображений. Факты восприятия двойственных фигур говорят о невозможности восприятия фигуры одновременно и как фигуры, и как элемента фона. Фигуру - фоновые отношения не заданы однозначно самой структурой реверсивной фигуры. Эти отношения могут произвольно обращаться (реверсироваться) самим субъектом восприятия, что явно противоречит защищаемому положению гештальт-психологов относительно прямой зависимости гештальта от стимульных условий восприятия. Восприятие двойственной фигуры – яркая иллюстрация того, что субъект восприятия неосознанно принимает решение о том, какое изображение осознавать, а какое воспринимать в качестве фонового

окружения. Примером двойственной фигуры может служить обычная шахматная доска, на которой черные клетки могут выступать либо «фигурой» на фоне белых, либо «фоном» для белых клеток. Э. Рубином и исследователями после него было создано множество разнообразных двойственных фигур. Эти фигуры использовались не только как демонстративный, но и как стимульный материал. Например, в одном из экспериментов Э. Рубин специально обучал испытуемых видеть одно из изображений двойственной фигуры: или черную фигуру на белом фоне, или же белую фигуру на черном фоне. Спустя несколько дней, во второй серии эксперимента, испытуемым снова предъявлялись те же самые двойственные фигуры. Оказалось, что испытуемые, как правило, без всяких сознательных усилий осознавали те изображения, которые и в первой серии выделялись в качестве фигуры на фоне [См. Аллахвердов, 2000, с. 189]. Это означает, что на осознание оказывает огромное влияние прошлый опыт осознания: то, что ранее было осознано, имеет тенденцию осознаваться и впоследствии. Вместе с тем справедлива и иная трактовка закона последействия Рубина: то, что ранее было неосознанно, имеет тенденцию не осознаваться в будущем.

Хотя гештальтисты признавали роль фона при построении образа фигуры – «фигура как таковая вообще невозможна без фона», «фигура и фон образуют вместе единую структуру....Первая не может существовать независимо от второго.... Качество фигуры должно в очень большой степени определяться тем уровнем, на котором она выступает» [Коффка, 1999, с. 126, 136] – все же их исследовательский интерес главным образом был сосредоточен на двух видах зависимостей: влияние целого на восприятие частей и влияние характера группировки частей на восприятие целого. Надо отметить, что в гештальт-психологии о перцепте говорили как об образе объекта, а не как об образе целостной стимульной ситуации. Такой подход при анализе природы образа сохраняется и по сей день. Однако еще на заре психологии В. Вундт разделял перцепируемое

(неосознаваемое) и апперцепируемое (осознаваемое) содержание сознания в единой структуре образа восприятия. Особо отмечал важность фоновой составляющей образа В. Джемс, который, как уже ранее отмечалось, ввел специальный термин «психические обертоны» для обозначения влияния фона на эффекты осознания объекта восприятия. Вспомним позицию Джемса: «Традиционные психологии рассуждают подобно тому, кто стал бы утверждать, что река состоит из бочек, ведер, кварт, ложек и других определенных мерок воды. Если бы бочки и ведра действительно запрудили реку, то между ними все-таки протекала масса свободной воды. Эту-то свободную, незамкнутую в сосуды воду психологи и игнорируют упорно при анализе нашего сознания. Всякий определенный образ в нашем сознании погружен в массу свободной, текущей вокруг него «воды» и замирает в ней. ... Значение, ценность образа всецело заключается в этом дополнении, в этой полутени окружающих и сопровождающих его элементов мысли. ... Эта полутень составляет с данным образом одно целое – она плоть от плоти и кость от кости его, оставляя, правда, самый образ тем же, чем он был прежде, она *сообщает ему новое назначение* (курсив А.А.) и свежую окраску. Назовем сознавание этих отношений, сопровождающее в виде деталей данный образ, «психическими обертонами» [Джемс, 1991, с. 63, 64].

Для того чтобы «выделить» фигуру из фона, сознание должно, прежде чем осознать фигуру, неосознанно различать фон, на котором выступает фигура. На это, в частности, обращает внимание и В.А. Ганзен, указывая, что «на процесс восприятия оказывают большое влияние такие характеристики фона, как степень его стационарности и активности». «Существенно, – добавляет он, – также и то, что фон воспринимается субъектом раньше объекта и более длительное время» [Ганзен, 1974]. Если фон обнаруживается сознанием, то он должен каким-то образом влиять на характер осознания фигуры. И хотя осознается только фигура, сам характер осознания

(то, как мы осознаем фигуру) зависит каким-то образом от актуального фона, который элиминирован из эффекта осознания. Тем самым любой акт осознания должен быть обусловлен неосознаваемой семантикой фона.

Конечно, реконструкция истории психологии XX века невозможна без анализа психоаналитического подхода к изучению психической жизни. С момента выхода в 1900 году работы З. Фрейда «Толкование сновидений» психоанализ начинает активно заявлять свое право на доминирующее место в сложившейся системе психологического знания. Фрейд предлагает принципиально отличный взгляд на устройство психической организации, реанимируя, но при этом придавая новое звучание идеям Лейбница и Гербарта.

Основатель психоанализа считал, что человек нередко испытывает желания, которые вызывают внутренний неосознаваемый конфликт. Если эти желания станут достаточно интенсивными, то они могут привести к невротическому симптому. Если же глубинное желание удастся осознать, то симптом, к которому оно привело, исчезнет. Осознание в русле психотерапевтического подхода, разработанного Фрейдом, понималось как цель психоаналитической процедуры. Как точно отметил Ф.Е. Василюк, «...если бы в одночасье исчезли все бесчисленные книги по психоанализу и упразднилось все разветвленное психоаналитическое знание, а осталось бы его упование – идея об исцеляющей силе осознания, то по одной этой идее можно было бы восстановить всю теорию и технику психоанализа. Напротив, извлеки эту идею из психоанализа, и вся его грандиозная постройка рухнет...» [Василюк, 2003, с. 25].

З. Фрейд предложил топографическую модель психического аппарата. Психическая организация состоит из трех структур, каждая из которых имеет свой собственный психический статус. «Бессознательное» – структура, которая качественно отличается от сознания, – включает психические элементы, которые доступны осознанию только с большими трудностями или недоступны вообще.

«Предсознательное» включает психические элементы, потенциально готовые стать осознаваемыми. Наконец, «сознание» содержит осознаваемые элементы. Фрейд заявил: не сознание, а бессознательное представляет собой по-настоящему таинственный феномен, который требует научного изучения. Именно «бессознательное» отвечает за активность сознания и эффекты этой активности. Поэтому, чтобы объяснить осознаваемые явления, необходимо выйти за пределы сознательного опыта, пытаясь выявить его истинные, то есть бессознательные основания. По мнению Фрейда, поставить «Я» на место «Оно» – не что иное, как осознать наличие этих бессознательных оснований.

3. Фрейд впервые проявил научный интерес к фактам, которые, на первый взгляд, не заслуживали никакого внимания, а именно, к случаям оговорок, очиток, описок, неверного словоупотребления, забывания намерений, ошибочных движений и т.п. По мнению основателя психоанализа, в ряду различных ошибочных действий наиболее часто происходит забывание имен [Фрейд, 1990, с. 219]. В большинстве случаев человек в такой ситуации помнит то, что нужно вспомнить, помнит о том, что он об этом помнит, но вспомнить искомое имя не может. Правомерно ли в этом случае вообще говорить о забывании? Нет. По Фрейду, забывание не равносильно исчезновению информации из памяти. В психике существуют специальные механизмы, работа которых блокирует доступ в сознание информации, хранящейся в памяти.

Для Фрейда, судя по значительному количеству описанных им интерпретаций разнообразных ошибочных действий, не представляло особого труда найти причину любому случаю забывания или искажения ранее запомненной информации. Рациональному толкованию поддаются любые факты. Вот показательные примеры анализа Фрейдом случаев забывания из его собственной жизни.

Пациент просит Фрейда рекомендовать ему курорт на Ривьере. Фрейд тщетно пытается вспомнить название одного местечка близ

Генуи, помнит о враче, который практикует на этом курорте, но не может назвать местности, хотя знает, что знает нужное название. Фрейд вынужден обратиться за помощью к своим домашним: «Как называется местность близ Генуи там, где лечебница д-ра N, в которой так долго лечилась такая-то дама?» Оказывается, что она называется «Нерви». Фрейду тут же становится понятной причина, по которой он не мог вспомнить искомое название. «И в самом деле, – результирует он проведенный анализ, – с нервами мне приходится иметь достаточно дела» [Там же, с. 216].

Из-за сложной траектории пути анализа, который привел Фрейда к пониманию причины забывания имени одного своего пациента, описание другого случая я приведу в оригинальном изложении, дабы не были упущены важные детали. Фрейд пишет: «... Я не мог припомнить имени моего пациента, с которым я знаком еще с юных лет. Анализ пришлось вести длинным обходным путем, прежде чем удалось получить искомое имя. Пациент сказал раз, что боится потерять зрение; это вызвало во мне воспоминание об одном молодом человеке, который ослеп вследствие огнестрельного ранения; с этим соединилось, в свою очередь, представление о другом молодом человеке, который стрелял в себя, – фамилия его та же, что и первого пациента, хотя они не были в родстве. Но нашел я искомое имя тогда, когда установил, что мои опасения были перенесены с этих двух юношей на человека, принадлежащего к моему семейству» [Там же, с. 217]. Трудно оценить правдоподобность такого рода объяснений. (О чем, в частности, писал К. Поппер, сравнивая теорию Фрейда с астрологией и системой примитивных верований [Поппер, 2004, с. 65-67]). Во всяком случае подавляющее большинство интерпретаций Фрейда не допускают возможности эмпирической проверки. Действительно, как можно верифицировать вывод о том, что забывание имени пациента вызвано «опасениями, которые были перенесены с двух юношей», имеющих одинаковые фамилии и сходный негативный опыт, связанный с оружи-

ем, на человека, принадлежащего к семейству Фрейда. Несмотря на произвольность объяснительных конструкций, З. Фрейд тем не менее удалось показать: забывания как факта потери информации попросту не существует. Забывание – это скорее квазифеномен. Согласно Фрейду, стоит прежде всего говорить не о забывании, а о неосознавании или искаженном осознании бессознательного содержания психики. Неосознавание или искажение воспроизводимой информации имеет определенную причину, и цель психоанализа – выявить эту причину. (По убеждению Фрейда, в психике не происходит случайных событий. Еще и поэтому неосознавание не случайно). Осознание причины, по мысли Фрейда, устраняет само забывание, открывая доступ к осознанию заблокированного содержания памяти. Поэтому так называемое забывание является эффектом принятого решения о необходимости не осознавать ту информацию, которая находится в области бессознательного.

Специальное психическое устройство, функция которого – принимать решение о допуске в сознание бессознательного содержания, было названо Фрейдом механизмом цензуры, а устройство, ответственное за перевод информации из области осознаваемого опыта в бессознательную сферу, – механизмом вытеснения. Фрейд показал, что все вербальные и моторные эффекты, поступки и продукты деятельности человека могут объясняться влиянием прошлого, в наличный момент времени неосознаваемого, опыта.

1.5. Проблема осознания в русле исследований второй половины XX века – начале XXI века

В середине XX века в психологии складывается ситуация, приводящая к появлению не просто новых теорий, а мощных психологических течений. Одно из таких течений получило название «гуманистическая психология», другое – «когнитивная психология».

«Гуманистическая психология» в лице своих идейных вдохновителей объявляет о новом этапе в истории психологической науки.

Лидеры этого направления открыто заявляют о своих намерениях стать «третьей силой» в психологии, тем самым выражая протест как бихевиоризму, так и психоанализу. Основные принципы, разделяемые гуманистическими психологами: свободный выбор личности, ответственность за принятые решения, осознание себя, своих возможностей и жизненных целей. Гуманистическая психология представлена в первую очередь именами А. Маслоу, К. Роджерса, Р. Мэя, В. Франкла, Э. Фромма и др., которые в большинстве своем не только отстаивали новые для психологической науки идеи, но и были заняты психотерапевтической практикой, ориентированной на развитие личности.

К. Роджерс создает новый терапевтический подход, получивший название «клиенто-центрированной терапии». Принцип, лежащий в основе этого подхода, состоит в безусловном признании уникального опыта человека, его субъективного знания о самом себе, его желаний и устремлений. Через осознание происходит трансформация личности, поэтому задачей клиенто-центрированного терапевта является создание таких условий, при которых бы сам клиент смог осознать, что именно для него является значимым. Процесс осознания, таким образом, начинается с проблемной ситуации, которую необходимо обнаружить. Роджерс вслед за Маслоу считает, что изменить собственную жизнь можно лишь посредством осознания и принятия своего настоящего Я. «Мне кажется, – пишет К. Роджерс, – в глубине души каждый человек спрашивает: «Кто я в действительности? Как я могу войти в контакт с моим настоящим «Я», лежащим в основе моего поверхностного поведения?» [Роджерс, 1994, с. 153]. Искусство психотерапевта заключается в умении понять, как человек чувствует себя в своем внутреннем мире, и принять его таким, каков он есть, создав атмосферу свободы выбора. Тогда начинается подлинное освобождение от социальных масок, которые препятствовали осознанию самости. Только осознавая необходимость «быть самим собой», можно из-

менить собственную жизнь. Однако процесс осознания нередко становится тяжелым испытанием. К. Роджерс обращал внимание на то, что клиент в процессе «осознания переживаний» обнаруживает, что многие из его переживаний находятся в противоречии с его представлениями о себе. Это зачастую приводит к внутреннему эмоциональному напряжению, включению защитных механизмов, например, таких, как отрицание или искажение. Если для психоаналитиков защитные механизмы освобождают человека от тревоги и внутреннего беспокойства и, как выразился С. Мадди, «приводят к наиболее успешной жизни» [Мадди, 2002, с. 90], то для Роджерса защитные механизмы приводят к обеднению жизни, поскольку не дают личности жить в соответствии с тем, что она есть.

Тенденция самоактуализации, по мнению Роджерса, – наиболее важная для человека форма выражения потенциальных возможностей. Одним из механизмов самоактуализации служит осознание. Процесс осознания во время психотерапии Роджерс разбил на семь этапов:

- На *первом* этапе не осознаются чувства и личностные смыслы. На этой стадии не воспринимается и не признается существование проблемы. Нет желания изменяться.

- *Второй* этап характеризуется отсутствием чувства личной ответственности за проблемы. Чувства могут быть высказаны, но не осознаны.

- На *третьем* этапе клиент способен описывать чувства или личностные смыслы, отсутствующие в настоящий момент.

- На *четвертом* этапе начинается осознание противоречий между собой и своим опытом. Появляется чувство личной ответственности за проблемы, хотя это чувство может быть не стабильным.

- Чувства переживаются, «прорываются», несмотря на переживаемый страх. Начинает приходить осознание того, что при переживании чувства необходимо точно его назвать. Происходит все

более ясное осознание несоответствий в личном опыте. Это, по Роджерсу, характеристика *пятого* этапа процесса осознания.

- *Шестой* этап предполагает дальнейшую динамику осознания: клиент не отрицает заблокированное чувство и не борется с ним. В этот момент «Я» и есть это чувство.

- Наконец, на *седьмом* этапе переживание становится процессом, то есть ситуация переживается и толкуется как новая, а не как бывшая в прошлом. «Я» становится объектом направленной рефлексии. На этой стадии клиент чувствует возможность эффективного выбора. Он воспринимает себя как ответственного за свои проблемы. Он живет полной жизнью в своем «Я» как постоянно изменяющемся процессе.

Таким образом, логика осознания, согласно Роджерсу, строится в следующей последовательности. Клиент движется от ригидного истолкования своего внутреннего опыта, воспринимаемого как факты, существующие вне его, к развитию способности свободного, многовариантного истолкования смысла своих переживаний. Процесс предполагает движение к обнаружению изменений «Я» при изменяющемся опыте, к единству и цельности функционирования.

Во многом близких взглядов придерживается другой видный исследователь гуманистического направления, А. Маслоу, который разрабатывает свою концепцию самоактуализирующейся личности, а собственно процесс самоактуализации понимает как перманентный выбор жизненного пути (который потенциально множественен и существует всегда). Свобода выбора, по Маслоу, заключается в осознании самого себя, своих истинных побуждений, своей собственной природы. Осознание проявляет подлинное «Я» человека. Функция осознания для Маслоу и в целом для гуманистов состоит в экспликации неповторимой индивидуальности человека, в преодолении действия защитных механизмов, которые блокируют нежелательное, а иногда пугающее знание о самом себе. Защитные механизмы противодействуют осознанию. А. Маслоу утверждает:

«Частицы нашего «Я», отвергнутые и угнетенные нами (от страха или со стыда), никуда не исчезают. Они продолжают действовать, но теперь уже подпольно. А мы стараемся не замечать их деятельности, какое бы влияние ни оказывали они на наше общение с миром, мы считаем их чем-то чуждым нам и говорим: «Я не знаю, что заставило меня сделать это», или «Не понимаю, что на меня нашло» [Маслоу, 1997, с. 169].

А. Маслоу, как уже отмечалось, исключительную важность придает свободному выбору личности. На протяжении всей жизни человек вынужден выбирать и нести ответственность за последствия сделанного выбора. Все многочисленные частные решения, которые принимает человек, есть разновидность выбора между безопасностью и развитием. Безопасность обеспечивает защиту от страхов и негативных переживаний, связанных с открытием Я, часто усиливая «застревание» в прошлом и тенденцию к регрессу. Напротив, развитие ориентирует человека на поиск целостности своей личности, реализацию своего потенциала и принятие себя в новом, ранее не осознанном качестве. Однако было ошибочно считать, что безопасность играет в жизни человека лишь негативную роль. Согласно гуманистическим психологам, часто безопасность не менее важна, чем развитие. Развитие посредством осознания своей истинной природы возможно благодаря ощущению безопасности, в основе которой лежит уверенность, позволяющая двигаться к зрелому состоянию личности. Если существует угроза безопасности, то личность зачастую жертвует возможностью развития и отказывается от свободы. Р. Мэй считал, что человек неосознанно нацелен на защиту центра своей личности [Мэй, 2004]. Если этому центру что-то угрожает, то человек стремится предпринять все меры к сохранению образа своего Я, то есть не осознавать то, что он не хочет знать о себе. Поэтому осознание опасности, исходящей из внешнего мира, осознание последствий свободного выбора – нормальное состояние живого человеческого существа, переживающего свое

противостояние миру. Поэтому процесс саморазвития является подлинным испытанием личности и, как любое жизненное испытание, полон драматизма.

Несмотря на многозначность, а порой и метафоричность научных трудов психологов-гуманистов, можно попытаться сформулировать те основные идеи, которые были ключевым в плане понимания роли осознания в жизни человека.

- Осознание служит цели обнаружения подлинного Я человека.
- Осознание способствует самоактуализации – развитию личности в соответствии с ее потенциальными возможностями.
- Осознание приводит к лучшему пониманию себя, разрешению личных проблем, избавлению от психологических травм, открывая новые жизненные горизонты.

Хотя в гуманистической психологии, как заметил В.М. Аллахвердов, «роль осознания скорее декларируется, чем внятно логически обосновывается» [Аллахвердов, 2000, с. 221], все же представители этого направления внесли свой весомый вклад в понимание роли осознания не только как важнейшего психического механизма, но и как способа раскрытия духовных возможностей человека. Проблемы, которые впервые поставили гуманисты, по сей день актуальны для психологии, поскольку, несмотря на все изменения, связанные с «духом времени», они являются экзистенциально значимыми, так как затрагивают глубинные основания человеческого существования.

Другим мощным течением в научной психологии второй половины XX века явилась «когнитивная психология». Историки психологии указывают, что когнитивная психология до 50-х – 60-х годов существовала как бы в латентном состоянии. Фундамент нового движения создавался в течение десятилетий и, как отмечает С. Барс, «ни один человек не догадывался о ее существовании до тех пор, пока она не заявила о себе во весь голос сама» [Цит. по: Шульц, Шульц, 1998, с.484, 485]. Когнитивные психологии рас-

сма тривали психику как систему, функционально предназначенную для познания. В отличие от бихевиористов все психические процессы: восприятие, память, мышление и т.д. – они трактовали как процессы познавательные. В свою очередь познавательный процесс понимался как процесс приема и переработки информации. Таким образом, цель, которая объединяет усилия когнитивных психологов, заключается в понимании того, каким образом функционирует человеческий разум.

У истоков когнитивного движения стояли: Дж. Миллер, который образовал в 1960 году при Гарвардском университете исследовательский центр по изучению когнитивных процессов; Н. Хомский – создатель нового направления в лингвистике и, конечно, У. Найссер – автор первой фундаментальной работы «Когнитивная психология», открывшей, по словам А. Големан, «новое поле исследований». Безусловно, в русле этого направления работало значительное количество ученых. Некоторые оказались в ряду когнитивистов, разочаровавшись в идеях бихевиоризма, но многие приняли новую парадигму по внутреннему убеждению.

Одним из таких убежденных сторонников когнитивной психологии был Дж. Брунер. Являясь коллегой Миллера, он не только участвовал в создании Центра когнитивных исследований в Гарварде, но являлся также основателем научной школы. Дж. Брунер и его сторонники, провозгласив «новый взгляд» на природу восприятия, явно противопоставляли свой подход традиционным, прежде всего бихевиористским теориям. Согласно этому подходу, перцептивный процесс представляет собой не отражение стимульных воздействий, а поэтапный процесс выдвижения и проверки перцептивных гипотез об окружающем субъекта мире. Огромную роль не только в восприятии, но и в любом познавательном процессе играет прошлый опыт. Влияние прошлого опыта выражается в категориальности продуктов когнитивной активности. Познавательный процесс, по Брунеру, есть не осознаваемое субъектом накладывание категорий на восприни-

маемые объекты. Процесс категоризации – это последовательно принимаемые решения о наиболее информативных атрибутах объекта. Согласно Брунеру, сам процесс категоризации не осознается, осознается лишь результат этого процесса. Похожим образом интерпретирует подход Брунера А.И. Худяков, отмечая, что «... в теории Брунера восприятие отождествляется с категоризацией, которая представляет процесс, аналогичный «неосознанным умозаключениям» Гельмгольца» [Худяков, 2002, с. 120].

Внимание исследователей школы «Нового взгляда» привлекли данные о перцептивном игнорировании. Первоначально эти данные были получены во время клинических наблюдений и наблюдений в естественных условиях [См. Рейковский, 1979]. Для адекватного описания процесса восприятия все больше возникала необходимость выделения отдельной стадии подпорогового восприятия, предшествующей осознанию того, что было предъявлено [Рок, 1980]. Как правило, в экспериментах, призванных проверить наличие такой стадии, использовался принцип неопределенности стимульных условий (неструктурированность, семантическая неоднозначность эмоционально насыщенного материала) [Соколова, 1978, с. 622-631]. В серии экспериментов было установлено, что угрожающие, нецензурные или эмоционально негативно окрашенные слова имеют более высокий порог опознания. Этот экспериментальный эффект, состоящий в «неспособности воспринять или передать словами материал, который испытуемый рассматривает как неблагоприятный», Дж. Брунером и Л. Постманом был назван эффектом «перцептивной защиты» [Брунер, 1977, с. 55]. Это факт, заслуживающий особого внимания. Ведь для того, чтобы не осознавать слово, сознанию необходимо обнаружить и оценить это слово как такой стимул, который не следует осознавать. В противном случае не происходило бы снижения чувствительности к этим словам. С таким пониманием природы перцептивной защиты вполне согласуется мнение Ф. Олпорта, который, пытаясь объяснить дан-

ный эффект, заключает: «Если некоторый раздражитель сигнализирует об опасности и индивид избегает его, то, перед тем как его избежать, он должен его сначала воспринять» (Цит. по: Рейковский, 1979, с. 188). Это как раз и говорит о том, что принятие решения об осознании является обязательным этапом в построении когнитивного процесса.

Л.М. Веккер в свое время писал: «... В науке есть факты и есть факты. Есть действительно рядовые факты, и есть факты, за которыми скрываются фундаментальные проблемы» [Веккер, 1998, с. 545]. «Перцептивная защита» как раз представляется тем фактом, за которым стоит проблема неосознаваемой детерминации деятельности сознания. Поэтому имеет смысл несколько подробнее остановиться на анализе исследований этого феномена.

Одно из многочисленных экспериментальных исследований этого феномена было проведено Мак-Гиннесом. В своем эксперименте он тахископически экспонировал 18 слов, среди которых были непристойные слова. Стимулы предъявлялись на минимальное время экспозиции, необходимое для распознавания слова. Для оценки эмоционального воздействия, которое оказывают стимульные слова, измерялась кожно-гальваническая реакция. Было установлено, что у испытуемых, в качестве которых выступали студенты, порог опознания слов табу явно повышен по сравнению с порогом нейтральных слов. «Было удивительно наблюдать, отмечает Мак-Гиннес, как нормальная молодая девушка с ненарушенным зрением в отдельных случаях была не в состоянии прочесть «неприятное» слово, в то время как оно было ясно видно другому наблюдателю» [Цит. по: Костандов, 1978, с. 633-645]. Примечательно также то, что предположения, которые участники эксперимента выдвигали относительно значения слов табу, были ошибочны. Однако – и это стоит отметить особо – на непристойные слова регистрировались сдвиги КГР во время таких экспозиций, при которых испытуемые еще не могли осознать значение этих слов.

Факт повышения порога осознания Мак-Гиннес объяснял как «психологическую защиту», или «эмоциональную защиту», как эффект действия фильтра, который предохраняет субъекта от осознания эмоционально неприятных воздействий среды [Там же, с. 645].

Эффект перцептивной защиты вызвал большой интерес и среди психологов психоаналитического направления. Как пишет Э.А. Костандов: «Они увидели в этом счастливую для себя возможность наконец-то воспроизвести в лабораторных условиях описанный Фрейдом мистический феномен «психогенной слепоты» и тем самым придать научную респектабельность своим рассуждениям о бессознательном» [Костандов, 1977, с. 99-100].

Однако трактовка фактов неосознавания как эффектов действия перцептивного фильтра вызвала критику ряда исследователей. Высказывались мнения, согласно которым эти факты могут объясняться тем, что время распознавания слова обусловлено частотой его употребления. Такая интерпретация признается до сих пор некоторыми исследователями [См. Фейгенберг, 1986, с. 21-27]. Поскольку «нейтральные» слова в течение жизни употребляются чаще, чем «неприличные», то и порог осознания у них будет ниже. Такой взгляд на перцептивную защиту был экспериментально проверен.

Мак-Гиннес повторил свой эксперимент, используя на этот раз слова с одинаковой частотой употребления. В качестве испытуемых в эксперименте участвовали нормальные и психически больные люди. Мак-Гиннес вновь обнаружил различия во времени осознания стимулов. Эффект был наиболее выражен у больных, в то время как у нормальных испытуемых результаты были куда менее впечатляющими в сравнении с предыдущим исследованием [Рейковский, 1979].

Важные результаты в плане ответа на вопрос о влиянии частоты использования на эффект перцептивной защиты были получены в экспериментах А. Goldiamond и F. Hawkins (1958). В одном из экспериментов испытуемый должен был читать и произносить

вслух бессмысленные слоги. Затем, на втором этапе эксперимента, ему необходимо было опознать или догадаться, какой слог демонстрируется на экране. На самом деле на экране тахистоскопа на короткое время экспозиции предъявлялся стимул из теста Роршаха. Было установлено, что частота «догадок» слогов положительно коррелирует с частотой их произнесения испытуемым на первом этапе эксперимента [См. Костандов, 1977]. То, что ранее было осознано, последовало в ситуациях когнитивного выбора, то есть в ситуациях неопределенности.

К. Johnson и L. Newbigging полагают, что порог осознания определяется условной значимостью слова, то есть напрямую зависит от характера подкрепления стимула в прошлом опыте человека. По данным этих исследователей, для опознания «плохих» слов требуется большее время экспозиции, чем «хороших» или нейтральных. Исследование А.Э. Костандова не подтверждает эту гипотезу. В его экспериментах пороги опознания слов, связанных с отрицательными эмоциями, часто были явно ниже порога нейтральных слов [Костандов, 1983]. Вместе с тем в тех случаях, когда порог опознания эмоциональных слов был выше, чем нейтральных, биоэлектрические и вегетативные реакции возникали раньше, чем испытуемый способен был осознавать эмоциогенный стимул.

При анализе эффекта перцептивной защиты высказываются также идеи относительно того, что испытуемый в эксперименте может сознательно блокировать вербальную реакцию [См. Костандов, 1978, с. 633-645]. Иначе говоря, различие во времени осознания продиктовано не субъективной трудностью распознавания слова, а трудностью его артикуляции. В пользу такой точки зрения свидетельствует эксперимент, проведенный Р. Зайонцом (1962). В эксперименте сначала определили методом границ порог опознания для слов табу. Кроме этого регистрировали КГР. Затем испытуемому предъявляли лист бумаги с этими же словами и их ассоциациями. Последние, в свою очередь, являлись или нейтральными, или

словами табу. После того, как испытуемые заучивали пары слов, им с помощью тахистоскопа предъявляли первые слова из заученных пар слов. Инструкцией предписывалось реагировать не словом, которое видит испытуемый, а ассоциацией. Результаты показали, что на порог осознания значимое влияние оказывает характер реакции. Порог опознания был выше в случаях, когда испытуемый отвечал по предварительно выученной ассоциации неприличным словом независимо от того, опознавалось нейтральное или эмоциональное слово [См. Рейковский, 1979].

Лазарус и Мак-Клири провели свое исследование, которое показало, что перцептивная защита может возникать и при восприятии семантически нейтральных стимулов. У участников эксперимента предварительно вырабатывали условно-оборонительную реакцию на отдельные слоги, используя в качестве подкрепления электроток. Затем измеряли пороги зрительного опознания различных стимулов. Оказалось, что пороги опознания слогов, на которые была выработана оборонительная реакция, значительно выше, чем на другие «нейтральные» слоги, хотя понятно, что какой-либо разницы в частоте употребления этих слогов в прошлом не было. Поэтому нет оснований считать, что испытуемые блокируют ответную реакцию. Интересно также то, что при предъявлении слогов без подкрепления возникала КГР [См. Смирнов, Безносюк, Журавлев, 1995].

Говоря о накопленных экспериментальных данных, нельзя не отметить, что хотя в психологии и проведено значительное количество исследований перцептивной защиты, вместе с тем не встречаются работы, в которых бы производилось сравнение выраженности эффекта в ответ на действие различных стимулов. Такое сравнение возможно только при инвариантной экспериментальной процедуре, в которой используется вариативный стимульный материал. Другими словами, необходимо в одних и тех же процедурных условиях проверить возникновение эффекта перцептивной защиты в отношении стимулов разного типа: высокочастотных и низкочас-

тотных слов, бессмысленных стимулов, слов табу, эмоционально-значимых стимулов. Проведение такого экспериментального исследования помогло бы понять распределение в весе тех факторов (частота употребления, эмоциональная насыщенность, смысловая неопределенность, табу в культуре и т.д.), которые обуславливают эффект перцептивной защиты.

В отечественной психологии эффект перцептивной защиты активно изучал Э.А. Костандов [Костандов, 1977, 1978, 1983]. Ведутся также активные разработки в русле изучения нейрофизиологических механизмов, связанных с неосознаваемой обработкой информации [Бетелева, 1996, с. 75-84; Шеврин, 1978, с. 676-691].

Вместе с тем до сих пор не существует общепринятой трактовки эффекта перцептивной защиты. Однако важно отметить: уже в первых работах исследователей когнитивного направления было показано, что даже в случае неосознавания эмоциогенного или «запрещенного» стимула, когда время экспозиции не допускает его осознанного различения, регистрируются выраженные физиологические реакции, в частности КГР. Эксперименты, где маркером неосознаваемого понимания значения стимула выступают физиологические реакции, проводятся и в настоящее время. В частности, такой методический подход используют в своих исследованиях С.В. Квасовец и А.В. Иванов [Квасовец, Иванов, 2001, с. 86-93].

В работе И. Смирнова, Е. Безносюк и А. Журавлева «Психотехнологии» в качестве наиболее надежных индикаторов восприятия неосознаваемых стимулов упомянуты кожно-гальваническая реакция, дыхательная реакция, реакция блокады альфа-ритма в энцефаллограмме, плетизмографическая реакция. Авторы отмечают, что при наличии всех перечисленных компонентов реакции на неосознаваемый стимул невозможно зарегистрировать ее моторный компонент.

Вопрос об эффекте перцептивной защиты и вопрос о реакции человека на неосознаваемые стимулы тесно связаны между собой.

Как заметил Спенс, «восприятие «без осознания» и перцептивная защита, то есть повышение порога опознания внешнего стимула – это две стороны одной медали» [См. Костандов, 1978, с. 644].

Кроме эффекта «перцептивной защиты», когнитивисты обнаружили множество экспериментальных фактов, демонстрирующих невидимую, а зачастую и неосознаваемую когнитивную деятельность, но вместе с тем не менее реальную, чем наблюдаемое поведение. Анализ этих фактов давал возможность строить предположения о том, как обрабатывается информация, какова последовательность стадий в процессе обработки информации и какие факторы оказывают влияние на работу когнитивного аппарата на той или иной стадии. Экспериментальные данные служили основанием для последующей теоретической реконструкции логики познавательной деятельности. В этой связи показательными являются исследования С. Стернберга, который в 1966 году предложил оригинальную экспериментальную методику, названную впоследствии «парадигмой Стернберга».

С. Стернберг предъявлял испытуемым последовательность цифр, например, «3 6 8 5». После этого испытуемого спрашивали, присутствует ли определенная цифра в предъявленном наборе. Задача испытуемого как можно быстрее ответить «да» или «нет». Стернберг, варьируя количество цифр в наборе, установил линейную зависимость между размерностью ряда цифр, предъявленных для запоминания, и временем, необходимым для ответа. Объясняя полученный результат, Стернберг предложил такую последовательность стадий в процессе когнитивной деятельности: сначала тестовый стимул воспринимается, кодируется, сличается с каждой цифрой в запомненном наборе и только после этого принимается решение, которое выражается в вербальной реакции. Стернберг предположил, что результаты обработки информации на каждой из этих стадий будут обусловлены разными факторами. Действительно, ухудшение качества экспозиции стимула влияло на время вер-

бальной реакции, хотя и не меняло характер зависимости. Значит, посчитал С. Стернберг, данный фактор только влияет на восприятие стимула, но не затрагивает когнитивную деятельность на других стадиях. В свою очередь, на принятие решения влияла установка на отрицательные или положительные ответы [См. Андерсон, 2003, с. 23,24].

С. Стернберг предложил концепцию поэтапного процесса сличения. Это соответствовало доминирующим в 50-60 годы представлениям. Когнитивные психологии первого поколения, как правило, представляли когнитивную деятельность как процесс последовательной обработки информации. Первые модели селекции, как и блочные модели памяти, строились на исходном допущении об ограниченности возможностей познавательной системы в плане переработки информации. При этом осознание отождествлялось или с функцией направленного внимания («фокального внимания», в терминах У. Найссера), или с функцией воспроизведения запомненной ранее информации. М.В. Фаликман, анализируя связь сознания с вниманием и памятью, отмечает: «Отдельные авторы акцентируют крайне важный методологический парадокс: невозможно спросить человека о том, воспринял ли он нечто, осознал ли он это, без обращения его внимания на то, о чем идет речь – заметим, что здесь ... фиксируется неразрывность понятий внимания и сознания. Как отмечают другие авторы, акцентируя связь между сознанием и процессами памяти, «не могу сообщить» часто отнюдь не означает «не видел» или «не слышал»: иногда оказывается, что просто «не запомнил», хотя, возможно, соответствующее впечатление и присутствовало в сознании в предшествующий момент времени – или, по крайней мере, было воспринято» [Фаликман, 2001].

Эволюцию идей о принципах работы сознания можно проследить на примере развития взглядов на роль внимания в когнитивной активности. Исследования внимания, по мнению М.В. Фаликман, «до сих пор остаются едва ли не ядром современной когни-

тивной психологии» [Там же]. У. Найссер в конце 60-х годов даже считал, что когнитивная психология – это, в первую очередь, психология внимания [Neisser, 1967]. По мнению других когнитивистов, внимание – «первый признак, отличающий когнитивную психологию от классического бихевиоризма» [Keele, Neill, 1978, p. 3]. На самом деле проблемы когнитивной психологии во многом и являются проблемами в изучении внимания: как отбирается информация, которая осознается, что влияет на этот выбор, что происходит с информацией, которая не осознается, влияет ли воспринятая, но не осознанная информация на осознание?

В первых моделях селекции внимание рассматривалось как фильтр, установленный «на входе». Осознается только то, что определено «пропускной способностью», то есть выбрано вниманием. Отсюда и сравнения внимания с узким бутылочным горлышком, воронкой или окном со створками. Даже метафоры внимания, которые использовали когнитивисты, не предусматривали возможность активности сознания за пределами фокуса внимания.

Первая модель внимания Д. Брондбента получила название «одноканальная теория внимания». По Брондбенту, функциональное назначение внимания заключается в предупреждении когнитивной системы от перегрузки, поскольку человек способен обработать только некоторую часть той информации, которая поступает из внешнего мира. Человек не может находиться одновременно в нескольких информационных потоках, поэтому осознанию подлежит только та информация, которая после сенсорной регистрации прошла фильтр, или, иначе, была отобрана вниманием и затем транслирована на более высокие уровни обработки. «Доминирующая в современной когнитивной психологии точка зрения, – констатирует М.В. Фаликман, – заключается в том, что в сознание попадают представления только о тех объектах, которые уже прошли особую обработку посредством механизмов с ограниченной пропускной способностью. Представление о внимании как своего рода

волшебной «дверце», ведущей в сознание, является общим для огромного количества работ...» [Фаликман, 2001]. Действительно, в экспериментах К. Черри и самого Д. Брондбента было обнаружено, что при одновременном слуховом предъявлении двух текстовых сообщений, например, при использовании разработанной К. Черри экспериментальной парадигмы «дихотического слушания», испытуемый в состоянии дать отчет только о содержании того сообщения, которое контролировалось вниманием. О содержании нерелевантного сообщения испытуемый ничего не может сказать, хотя и отмечает физические характеристики иррелевантной стимуляции. Например, испытуемый уверенно говорит, что с нерелевантного канала слышал речь, а не щебет птиц, что слова зачитывались мужским, а не женским голосом и т.п.

Подход Д. Брондбента и его сторонников не смог выдержать экспериментальной критики. Экспериментальные опровержения вскоре последовали одно за другим. Н. Морей в ситуации дихотического слушания предъявляет испытуемым по нерелевантному каналу последовательность слов. Даже если по игнорируемому каналу предъявлялась фраза «переключись на другое ухо», испытуемый не способен был ее вспомнить по завершению процедуры вторения релевантного сообщения. Ситуация менялась, когда в нерелевантном сообщении содержалось собственное имя испытуемого, например, звучала фраза «Джон Смит, переключись на другое ухо». Приблизительно треть испытуемых при таких условиях стимуляции выполняли команду или могли впоследствии вспомнить эту фразу из нерелевантного сообщения [Дормашев, Романов, 1999, с. 60,61].

Э. Трейсман дихотически предъявляла одно и то же текстовое сообщение. Испытуемые в соответствии с инструкцией непрерывно повторяли слова, которые слышали с релевантного канала. Нерелевантное сообщение подавалось с задержкой в несколько секунд. Если вторимое сообщение опережало нерелевантное более чем на 10 сек., то испытуемые не могли установить идентичность сообще-

ний и не были, соответственно, способны вспомнить содержание нерелевантного сообщения. Но если временной разрыв сокращался до 5-6 сек., испытуемые обнаруживали тождественность сообщений. Следовательно, нерелевантные каналы обработки информации не блокируются полностью вниманием, человек способен воспринять не контролируемую вниманием информацию, хотя и, как выражаются когнитивисты, может быть не осведомлен об этом.

Когнитивные исследования памяти также базировались на представлении об ограниченности возможностей мнемической системы как в плане сохранения информации, так и в аспекте воспроизведения. В 60-е годы в большинстве создаваемых когнитивистами моделей память представляется тремя совместно работающими функциональными блоками. В блоке сенсорной регистрации информация хранится короткое время в полном объеме в виде модально закодированных физических признаков стимуляции. Блок кратковременной памяти – это хранилище, ограниченное по объему, где информация хранится несколько десятков секунд и кодируется в вербально-акустическом виде. Длительность хранения в кратковременной памяти обусловлена проговариванием, перекодированием, выбором способа запоминания и некоторыми другими факторами, способствующими переводу информации в долговременное хранение. Наконец, третьим функциональным блоком является блок долговременного хранилища, объем и время хранения информации в котором неограничены, а информация представлена в форме семантических кодов. Подобной дифференциации функциональных блоков придерживается Д. Бродбент [Broadbent, 1958]. Популярности трехкомпонентных моделей в определенной степени способствовали и экспериментальные исследования Дж. Сперлинга, который обнаружил существование «очень быстрой» памяти для зрительной модальности, названной впоследствии У. Найссером «иконической» [Sperling, 1960]. У. Найссер показал эвристические возможности трехкомпонентного разделения структуры мнемиче-

ской системы для объяснения гетерогенной феноменологии познавательной деятельности [Neisser, 1967].

В 1968 году Р. Аткинсоном и Р. Шиффрином была предложена трехкомпонентная модель памяти, в рамках которой описывались как структурные составляющие, так и когнитивные процессы управления [См. Аткинсон, 1980]. В 1971 году эта модель была несколько модифицирована. Признание модели Р. Аткинсона и Р. Шиффрина, по мнению Б.М. Величковского, объясняется тем, что с ее помощью удалось теоретически обобщить «множество феноменов памяти, внимания и восприятия, причем сама она прямо воспроизводила архитектуру компьютера: три вида памяти соответствуют интерфейсу, активному процессору и пассивной внешней памяти, а процессы управления – программным алгоритмам, определяющим движение и характер преобразований информации от поступления на вход системы до выдачи ответа» [Величковский, 1982, с. 80]. Классификация видов памяти на основании времени хранения информации во многом отражала обыденные представления, соответствующие возможностям воспроизведения информации с различным сроком хранения. «Такая классификация сложилась исторически на базе практического и клинического опыта», – констатирует Р. Зинц [Зинц, 1984, с. 199].

В исследовании У. Уикелгрена приводится более двух десятков фактов в пользу разделения кратковременной и долговременной памяти [Wickelgren, 1975]. Им упоминаются клинические данные об особенностях запоминания информации пациентами с корсаковским синдромом, а также приводится анализ ошибок воспроизведения в зависимости от места элемента в стимульном ряду, то есть рассматривается эффект интерференции, или, иначе, эффект края. Но еще в 60-ые годы было обнаружено, что успешность воспроизведения первых и последних элементов ряда зависит от различных факторов, что привело к разделению эффекта края на эффект первичности и эффект недавности. Например, У. Кинч и Г. Бушке по-

казали, что включение в запоминаемый список синонимов (семантическая интерференция) приводит к избирательному снижению эффекта первичности, тогда как в случае запоминания списка, состоящего преимущественно из слов, имеющих акустическое сходство (вербально-акустическая интерференция), уменьшается также эффект недавности [Kintsch, Buschke, 1969]. Различие в характере влияний было установлено также для следующих факторов: скорость предъявления материала, распределение повторений, отсрочка воспроизведения в условиях решения интерферирующей задачи и т.д. [Клацки, 1978; Линдсей, Норман, 1971].

В рамках такой модели, как модель Р. Аткинсона и Р. Шиффрина, действие выше отмеченных факторов получает следующее объяснение: эффект недавности обусловлен извлечением информации из вербально-акустической кратковременной памяти, а эффект первичности – из семантического хранилища долговременной памяти. В пользу гипотезы о фонематической основе кратковременного сохранения информации говорило также то, что даже в случае зрительного предъявления буквенного материала ошибки при его непосредственном воспроизведении имеют характер акустического, а не зрительного смещения [См. Величковский, 1982, с. 80, 81; Sperling, Speelman, 1970]. «С помощью одной модели, – замечает В.М. Величковский, – получают объяснения данные о форме репрезентации (перцептивная, вербально-акустическая, семантическая), о продолжительности различных видов памяти и об объеме хранящейся информации» [Величковский, 1982, с. 81]. Р. Аткинсон и Р. Шиффрин создали также математическую модель функционирования системы переработки информации с тремя блоками памяти. Аппарат этой модели был заимствован ими из математической теории обучения У. Эстеса, получившей развитие в 50-е годы.

Экспериментальная критика показала, что в рамках трехкомпонентных моделей типа модели Р. Аткинсона и Р. Шиффрина сделана неправомерная попытка редукции качественно различных явле-

ний к одной упрощенной структурной схеме. Как отмечает Величковский, «мифом оказалась, в конце концов, и конвергенция методических процедур» [Там же, с. 84]. Х. Рёдигер и Р. Краудер обнаружили эффект края в таких условиях, при которых весь материал должен был бы заведомо находиться в долговременной памяти [Там же]. В других исследованиях было показано, что эффект недавности сохраняется при полной нагрузке на кратковременную память, хотя согласно блочным моделям он должен был бы исчезать [Baddeley, 1976; Kintsch, Buschke, 1969].

Гипотеза об изменении специфики репрезентации в каждом из блоков памяти была поставлена под сомнение многочисленными фактами, связанными с возможностью семантического кодирования при кратковременном запоминании [Клацки, 1978; Norman, 1978]. Обнаружилась неоднозначная роль перцептивных кодов в процессе запоминания. В.М. Величковский в этой связи приводит ряд интересных данных, полученных зарубежными исследователями. В частности, автор, ссылаясь на исследование Д. Дойч по запоминанию и узнаванию тональных звуков, отмечает, что в данном эксперименте Дойч удалось показать определенное родство памяти и восприятия: память на тональные звуки «является как бы прямым продолжением восприятия – картина интерференции в кратковременной памяти, как и воспринимаемое сходство звуков, объяснялись близостью в координатах музыкальной шкалы» [См. Величковский, 1982, с. 85]. В другом исследовании было установлено, что испытуемые могут успешно (89% правильных ответов) узнавать отдельные звуки из прослушанного ими ранее набора 194 знакомых звуков: плач ребенка, скрип двери, лай собаки и т.д. [Lawrence, 1973]. В свою очередь Т. Энген и Б. Росс аналогичные результаты получили в отношении к элементам набора из 48 синтетических запахов, хотя для такого рода стимулов сложно придумать вербальные обозначения [Engen, Ross, 1973]. Л. Стэндинг обнаружил исключительные возможности зрительного узнавания сложного зрительного

материала у обычных испытуемых, не обладающих феноменальными мнемическими способностями [Standing, 1973]. В одном из исследований испытуемым предъявлялось 10000 слайдов, и, тем не менее, успешность их узнавания в ситуации вынужденного выбора составила через месяц после ознакомления 73% правильных ответов. Эксперименты, которые демонстрируют значимую роль перцептивных образов в качестве мнемотехнических средств при кратковременном и долговременном запоминании списков слов, были проведены Б. Бугельским и А. Паивлио [Bugelski, 1970; Paivio, 1971, 1977]. «Так как отличительной чертой кратковременной памяти считалось сохранение информации в форме акустического и/или артикуляционного кода, а долговременной – в форме семантического, среди вызванных данными работами вопросов был и вопрос о том, существуют ли эти блоки вообще», – указывает Б.М. Величковский [Величковский, 1982, с. 85, 86].

Результаты многочисленных исследований так и не позволили точно определить время хранения информации в кратковременной памяти. Одни авторы полагают, что кратковременная память сохраняет информацию от нескольких секунд до нескольких минут [Neisser, 1967]. Другие ограничивают время хранения несколькими часами [Величковский, 1976]. С момента выхода в свет статьи Дж. Миллера [Миллер, 1964], было предпринято множество попыток точно определить объем кратковременной памяти. Работы, непосредственно касающиеся этого вопроса, были опубликованы представителями когнитивной психологии – Д. Бродбентом, Дж. Мандлером и Г. Саймоном. Одни эмпирические данные говорили о том, что в кратковременной памяти хранятся продукты элементарного фонематического описания материала (физические характеристики стимуляции), тогда как другие свидетельствовали о сложной когнитивной обработке информации. Для разрешения этих противоречий А. Бэддели и Дж. Хич выдвинули гипотезу, согласно которой кратковременная, (или, в их терминологии, «рабочая») па-

мять в свою очередь состоит из двух блоков: центрального процессора, способного осуществлять сложные семантические преобразования информации, и артикуляционного кольца, которое выполняет буферные функции, сохраняя в течение нескольких секунд ограниченный объем продуктов фонематического анализа [Baddeley, Hitch, 1974; Hitch, 1980]. Кроме этого примера дифференциации кратковременной памяти, существуют и другие попытки улучшить трехкомпонентные теории. Например, некоторые исследователи, связывая перцептивную и мнемическую деятельность в единое концептуальное целое, вводят в описание когнитивной структуры дополнительные блоки (например, блок «зрительной памяти») [Haber, 1981; Phillips, Christie, 1977]. Нередко пересматривается последовательность включения в работу отдельных блоков. Некоторые авторы считают, что долговременная память должна включаться раньше кратковременной [Schuller, 1974].

Б.М. Величковский на основании анализа современных подходов к исследованию памяти приходит к выводу, что «теоретическая ситуация, сложившаяся в когнитивной психологии в результате осознания недостатков трехкомпонентных моделей, исключительно сложна и гетерогенна» [Величковский, 1982, с. 87]. Даже те, кто являлся создателями блочных моделей, впоследствии отказывались от своих теоретических построений. Например, Д. Норман пришел к заключению, что разделение кратковременной и долговременной памяти не оправдано (хотя Норман сохранил место сенсорного хранилища в едином процессе приема и переработки информации) [Norman, 1975, 1981]. В последних работах Д. Нормана уже нет анализа блочных теорий памяти. Вместо этого автор пишет о различных семантических образованиях памяти, обсуждая проблемы долговременного сохранения знания и обработки семантической информации. Кратковременная память трактуется автором как совокупность активированных фрагментов постоянных репрезентаций знания. Активация этих фрагментов, называемых схемами, мо-

жет осуществляться как «снизу» – сенсорной информацией, так и «сверху» – концептуальным знанием. «Данные на входе и концептуальные структуры высшего порядка, – пишет Д. Норман, – действуют в направлении активации схем. Нет набора последовательных стадий: ограничения возможностей обработки информации заданы лишь общим количеством ресурсов, находящихся в распоряжении системы. ...Мы убеждены, что задача когнитивных процессов состоит в осмысленной интерпретации мира. Значит, сенсорная информация, доступная человеку в некоторый момент времени, должна быть интерпретирована непротиворечивым образом. Промышленный опыт создал широкий репертуар структурированных контекстов или схем, которые могут быть использованы для характеристики содержания любого знания» [Norman, 1978, с. 118, 119]. Работы Д. Нормана и его сотрудников (например, Д. Румелхарта) представляют собой попытку создания теории понимания, исходя из представления о смысловой природе памяти.

Структурный подход к исследованию памяти не позволяет правдоподобно описать многие очевидные эмпирические факты. Критикуя структурные модели памяти, отечественные когнитивные психологи справедливо отмечают: «...исходным пунктом теоретического анализа памяти в концепциях этого типа оказывается физическое воздействие стимула на рецепторные поверхности органов чувств. Однако еще ни одно сенсуалистическое направление в психологии не справилось с задачей объяснения очевидной осмысленности нашей внутренней жизни. ... Из блоковых моделей процессов переработки информации человеком так же невозможно вывести сознания, как это невозможно сделать, опираясь на позитивистские представления о психике» [Зинченко, Величковский, Вучетич, 1980, с. 214, 215].

Общей характерной тенденцией, которая объединяет большинство современных подходов к описанию памяти человека, является стремление уйти от описания линейных звеньев в процессе когни-

тивной переработки информации, «линейных цепочек управления» (Б.М. Величковский) и перейти к представлению мнемической системы как структуры, имеющей иерархическое строение. Эта тенденция согласуется со многими теоретическими построениями отечественной психологии, например, с положением теории А.Н. Леонтьева об иерархическом строении деятельности, представлениями Н.А. Бернштейна и Л.М. Веккера об уровне построения психических процессов [Бернштейн, 1947; Веккер, 1998, 2000], концепцией уровневой структуры установочных явлений А.Г. Асмолова [Асмолов, 2002, с. 214–220]. Модель А. Трейсмана также предполагает последовательный перевод информации с одного уровня иерархии на другой. На низшем уровне реализуется анализ сенсорных признаков, а на завершающих этапах переработки выполняются семантические преобразования [Treisman, 1969]. К типу моделей подобного рода относится модель чтения Дж. Лябержа, в которой дифференцируются этапы сенсорной, фонематической и семантической переработки информации [La Berge, 1975].

Одной из наиболее известных теорий, в которых постулируется иерархическая организация, является концепция, разработанная канадским психологом Ф. Крэйком. Считают даже, что «на фоне частных, не связанных между собой эмпирических исследований и глобальных когнитивных моделей, не всегда понятных до конца ... их создателям, эта теория стала, пожалуй, основной теорией памяти когнитивной психологии конца 70-х годов» [Величковский, 1982, с. 89]. Теория уровней переработки Ф. Крейка, как указывает Величковский, представляет собой альтернативный подход к изучению познавательной, в том числе и мнемической, активности. Сам Ф. Крэйк считает, что концепция, разработанная им и его сотрудниками – Р. Локартом, Л. Джекоби, Л. Чермаком и др., не является законченной моделью. Авторы прежде всего призывают переориентировать исследования памяти от описания структурных компонен-

тов к описанию логики активных процессов [Craik, 1979; Craik, Lockhart, 1972; Craik, Tulving, 1975].

Согласно теории Ф. Крейка, след памяти является побочным продуктом «перцептивно-концептуальной переработки», а его прочность и сохранность – функцией глубины этой переработки. Когнитивная обработка воспринимаемой информации может осуществляться на одном из трех уровней, ответственных за выделение физических, акустических и семантических признаков. Каждый из уровней характеризуется не просто расположением в иерархической структуре, а представляет собой объединение когнитивных анализаторов. Комментируя подход Крейка, Б.М. Величковский отмечает, что каждый уровень обработки можно трактовать как совокупность видов, форм анализа, «которые, в свою очередь, также различаются по глубине: «вертолет» может быть понят как «то, на чем летают» или как «аппарат тяжелее воздуха», идея которого впервые была высказана великим Леонардо, и т.д. [Величковский, 1982, с. 89]. Глубина переработки в модели Крейка фактически отождествляется с интенсивностью слефообразования. Поэтому память – это вертикальный континуум, а не дискретные функциональные блоки. Уровень переработки во многом связан с такими феноменами, как внимание, мотивация, интенция субъекта. Исходя из этого, вполне объяснимым является тот хорошо известный в психологии памяти факт, что осмысленный материал запоминается гораздо лучше бессмысленного. Так как познавательная активность инициирована стремлением к пониманию, а осмысленный материал, естественно, понять легче по сравнению, например, с логотомами, поэтому осмысление значений слов, предметов, событий способствует более длительному сохранению в памяти воспринятой информации. Вместе с тем в рамках обсуждаемой модели не освещается вопрос о возможном механизме стирания информации, которая обрабатывалась и, соответственно, запоминалась в визуальном или слуховом качестве. Следует отметить, что доказательство факта

забывания информации независимо от способа ее кодирования всегда сопряжено с тем непреодолимым методическим препятствием, которое связано с невозможностью в экспериментальных условиях оценить сохранность информации в памяти, не прибегая к способам оценки эффективности воспроизведения или узнавания. Однако эффективность узнавания или воспроизведения не является достаточным основанием для утверждения о том, что невоспроизведенная и неидентифицированная информация в памяти не содержится.

Наряду с обработкой, ведущей к более глубокому когнитивному анализу, существует, по мысли Крэйка, и другой способ запечатления материала – временная циркуляция информации на одном уровне переработки, или, иначе говоря, «удержание в поле внимания». Такая циркуляция осуществляется центральным процессором, который имеет ограниченную пропускную способность. При этом способе запечатления можно говорить о работе кратковременной памяти. Ее объем определяется, с одной стороны, интенциональным вниманием (концентрацией внимания), с другой стороны, - модальным кодом. Другими словами, центральный процессор (который в данной модели можно было бы рассматривать как аналог сознания) работает на разных уровнях, и чем глубже этот уровень, тем больше объем удерживаемой информации и более абстрактен ее характер. Информация в кратковременной памяти сохраняется до тех пор, пока внимание не отвлекается. А потеря информации происходит со скоростью, определяемой глубиной обработки [Величковский, 1982, с. 89, 90; Craik, 1979].

Ф. Крэйк и его сотрудники несколько иначе понимают разделение кратковременной и долговременной памяти. Они считают, что в том случае можно говорить о хранении материала в кратковременной памяти, если он непрерывно осознается субъектом. Как верно заметил Б.М. Величковский, «развитие исследований, направленных на преодоление компьютерной метафоры, неожиданно

выразилось в реминисценции структуралистских представлений» [Величковский, 1982, с. 90].

Экспериментальные исследования, возникшие в рамках данного подхода, были направлены прежде всего на демонстрацию связи эффектов осознания с глубиной переработки, а не с продолжительностью пребывания в «кратковременном хранилище». Одним из фактов, обнаруженных Ф. Крэйком и Р. Локартом, является эффект отрицательной недавности [Craik, Lockhart, 1972]. В эксперименте на свободное воспроизведение испытуемым последовательно предъявлялось 10 списков по 15 слов в каждом. После каждого предъявления списка испытуемый воспроизводил его. Был установлен эффект края и главным образом эффект недавности. Когда эксперимент был завершен, испытуемого просили воспроизвести как можно больше слов из числа тех, что предъявлялись ему ранее во всех 10 сериях. В результате оценки воспроизведения оказалось, что слова, которые в отдельных списках занимали последние позиции в стимульном ряду, воспроизводятся хуже всего. Данный эффект интерпретируется как следствие поверхностной переработки последних стимульных элементов списков. Р. Аткинсон и Р. Шиффрин объяснение этого эффекта видят в недостаточном повторении последних элементов стимульного ряда [См. Аткинсон, 1980].

Теория уровней переработки вызвала не меньше критики, чем блочные модели памяти [Eysenck, 1977; Nelson, 1979]. Особенно серьезный характер, однако, имеет критика ее логических оснований. Как отмечает А. Бэддели, авторами данной концепции сначала было постулировано существование трех уровней переработки – перцептивного, фонематического, семантического, а затем экспериментальные данные, полученные на основе этого предположения, были приняты за его доказательство [Baddeley, 1978].

Согласно Б.Г. Величковскому, положение, «в котором оказалась сейчас теория уровней переработки, отчасти объясняется ее сходством с трехкомпонентными моделями памяти» [Величков-

ский, 1982, с. 95]. В некотором смысле они изоморфны друг другу [Зинченко, Величковский, Вучетич, 1980]. Например, и в том и в другом случае кратковременная память понимается в отрыве от произвольной регуляции. Ряд особенностей данного вида памяти – связь с внутренней речью, опосредованность, гибкость единиц функциональной организации материала и т.д. – напротив, говорит о необходимости его понимания как произвольного образования [Величковский, 1982, с. 96]. Думается, что и кратковременную память следовало бы считать высшей психической функцией (в терминах Л.С. Выготского). Кроме того, теория перцептивно-концептуальной переработки не согласуется с экспериментальными данными, которые накоплены в когнитивной психологии внимания. Модель уровневой обработки информации тем самым скорее объясняет не сам процесс когнитивной деятельности восприятия и связанного с ней запоминания, а ограничения, наложенные на работу сознания при извлечении информации, то есть процесс осознания.

В рамках когнитивной психологии было проведено множество экспериментов, демонстрирующих возможность неосознаваемой переработки информации, включая семантическую обработку [См., например, Neely, 1991, р. 264-336]. Вот дословное описание процедуры одного из таких исследований: «Вслед за некоторыми словами, предъявляемыми на контролируемое вниманием ухо, следовал удар тока. Повторное предъявление этих слов вызывало изменения КГР. После выработки условной кожно-гальванической реакции испытуемых просили оттенить (сконцентрировать на нем внимание, – А.А.) одно из сообщений. Неожиданно слово, на которое была выработана условная реакция, предъявлялось по игнорируемому каналу. Оказалось, что, когда это случалось, регистрировалось изменение КГР. В одном из экспериментов (фон Райт и др.) изменение КГР происходило в результате предъявления не только условного слова, но и его синонимов и омонимов» [Солсо, 1996, с. 123].

Аналогичный эксперимент, поставленный в парадигме дихотического слушания, был проведен П. Форстером и Э. Гоувером [Forster, Govier, 1978, p. 1031-1058]. В предварительной серии опытов предъявление слова «корабли» сопровождалось ударом тока до тех пор, пока это слово без сопровождения электротоком не вызывало условно-оборонительной реакции, которая фиксировалась по изменению КГР. Затем в тексте нерелевантного сообщения предъявлялось слово, близкое по смыслу («лодки»). В этом случае наблюдалось выраженное изменение амплитуды КГР.

В приведенных примерах испытуемый, не осознавая, понимал не только сообщение, предъявляемое по релевантному каналу, но также и сообщение, на которое по инструкции не требовалось обращать внимания, то есть то, которое проходило по игнорируемому каналу. И хотя испытуемый после экспериментальной процедуры ничего не мог сказать о содержании игнорируемого сообщения, что согласуется с результатами, полученными еще в экспериментах К. Черри, то есть не мог воспроизвести содержание того, что он слышал, тем не менее, слова игнорируемого сообщения обрабатывались сознанием. А это означает, что они осмысливались с учетом той акцентуации семантической области памяти, которая была вызвана подкреплением электротоком соответствующего слова-мишени. Данное объяснение было бы неубедительным, если бы КГР-реакцию (по всей видимости, измерялась амплитуда фазической КГР) вызывало то слово, которое и подкреплялось в подготовительном этапе эксперимента, то есть само слово-мишень. Однако изменения КГР вызывали синонимы этого слова, то есть слова, которые входили в область смысла подкрепляемого слова, но имели другое фонетическое строение. Кожно-гальваническая реакция – это не просто реакция потоотделения. Потоотделение – побочный результат изменений в психической, главным образом, эмоциональной сфере человека. Чтобы произошло изменение КГР в момент восприятия слова-синонима, находящегося в игнорируемом

канале, сознание должно идентифицировать смысл, релевантный этому слову, установить смысловую связь, то есть произвести сравнение со смыслом, который соответствует значению слова-мишени, и диагностировать смысловое сходство, то есть определить слово-синоним как эмоциогенный стимул на основании родственной смысловой близости со словом-мишенью. В противном случае выделение этого слова как «информации» из «шума» не контролируемого вниманием сообщения не могло произойти. Но описанная последовательность когнитивных операций как раз и свидетельствует о том, что сознание способно реализовывать понимание вне поля фокусированного внимания, и такое латентное понимание не может быть обнаружено методами воспроизведения, узнавания, то есть методами, призванными установить факт осознания в ходе процедуры оценки продуктивности воспоминания. Если сознание всецело связывать с функцией осознания, что типично для когнитивистов, то результаты описанного, а также других экспериментов, выполненных в рамках когнитивной психологии внимания, было бы объяснить весьма затруднительно.

Интерес когнитивных психологов к неосознаваемым познавательным процессам возник не сразу. Первые модели селекции, предложенные когнитивистами, не предусматривали возможность обработки информации вне осознаваемого контроля. Когнитивисты, изначально приняв постулат об ограниченности пропускной способности переработки информации, стремились найти экспериментальные доводы в защиту своей позиции. Но, проведя множество экспериментов, им так и не удалось обнаружить ни «ограниченной емкости канала передачи информации» (Д. Брондбент), ни «ограниченности ресурсов» (Д. Канеман). Эксперименты свидетельствовали в пользу того, что человек перерабатывает гораздо больше информации, чем способен осознать. Не случайно в когнитивной психологии на смену моделям ранней селекции пришли теории поздней и множественной селекции. Кроме того, как показали ре-

зультаты исследований Н. Морея и У. Найссера, колоссальное значение в плане расширения познавательных возможностей человека имеет практика. У. Найссер даже был вынужден в итоге признать, что «... тренированные испытуемые могут делать то, что кажется одинаково невозможным как новичкам, так и теоретикам» [Найссер, 1981, с. 110].

Давая оценку результатам многолетних научных поисков психологов когнитивного толка, В.М. Аллахвердов делает вывод о том, что «... исследования когнитивистов сыграли немалую роль в том, что все известные и якобы структурно заданные сознанию ограничения на информационные процессы были экспериментально опровергнуты» [Аллахвердов, 2000, с. 228].

В настоящее время все чаще в работах по когнитивной психологии можно встретить термины «бессознательное познание», «имплицитное научение», «когнитивное бессознательное», «неосознаваемое» [См. Kihlstrom, 1987]. Вопрос состоит уже не в том, есть ли бессознательные процессы или их нет. Интерес современных когнитивных психологов направлен на определение того, какую функцию они выполняют и насколько они «умны» в сравнении с процессом осознания. Ведущие когнитивисты, занятые проблемой неосознаваемого, все большее значение стали придавать бессознательным алгоритмам обработки информации. Способность к неосознаваемому приобретению процедур и структур знания, равно как и неосознаваемую способность к осознанию, все чаще рассматривают как важнейшие свойства когнитивной системы. Так, А. Ребер, Р. Аллен и С. Реган отмечают: «... некоторые действия разума управляются тем, что лежит за пределами сознания. По существу каждое задание на приобретение сложного знания выполняется в значительной степени при отсутствии сознательного контроля. Мы включаем сюда такие моменты, как социализация, рост уровня культуры, формирование компетентных суждений, приобретение статуса эксперта в академической области, изучение сложной игры

подобно шахматам, приобретение родного языка. Знание в этих случаях всегда скрытое. ...Другие действия разума, которые использует сознание в качестве операторов, имеют глубокие бессознательные системы управления. Если вы попросите испытуемого дать достоверный отчет о феноменологии вращения фигуры и объяснить основные когнитивно-перцептивные процессы, при помощи и по правилам которых выполняется такое вращение, всякое ощущение осознанности пропадает» [Reber, Allen, Regan, 1985].

П. Левиски и Т. Хилл обратили внимание на парадоксальную ситуацию, сложившуюся в современной когнитивной психологии и даже посвятили анализу этой ситуации отдельную работу [Lewicki, Hill, 1989]. Авторы отмечают, что хотя большинство исследователей когнитивного направления признают доказательность экспериментальных данных, иллюстрирующих процесс приобретения знаний вне осознания, по сей день таким данным не придается должного значения. Эти экспериментальные свидетельства обсуждаются так, как будто бы «...они представляют интерес лишь как одно своеобразное свойство из множества, присущих человеку, наряду с подсознательным восприятием и гипнозом» [Там же]. Авторы считают, что такой взгляд на неосознаваемые процессы искажает действительную картину. «Такое положение дел кажется действительно парадоксальным, – указывают П. Левицки и Т. Хилл, – потому что в то же время, способность человеческого сознания к бессознательному получению информации является основным метатеоретическим допущением всей когнитивной психологии.Это допущение настолько необходимо, что оно присутствует практически во всех исследованиях человеческого мышления, опубликованных за два последних десятилетия и косвенно упоминается в большинстве экспериментальных теорий, разработанных в когнитивной психологии» [Там же]. Проблема неосознаваемой обработки информации всестороннее освещение получила в работах А. Ребера [См., например, Reber, 1989, p. 219-235].

В большинстве случаев носители сознания не имеют никаких предположений относительно того, как у них формируются алгоритмы обработки информации, эстетические взгляды или мотивационные намерения. Даже элементарный акт распознавания формы или размера объекта требует набора сложных геометрических преобразований, которые не могут быть осознанны. С. Пинкер в своей работе «Язык как инстинкт» приводит множество аргументов в пользу наличия у человека неосознаваемых алгоритмов, ответственных за «ментальную грамматику» [Пинкер, 2004]. Рассмотрев данные, накопленные психологией, лингвистикой, антропологией, биологией и другими науками, занимающимися проблемами сознания и языка, автор приходит к выводу, что большая часть нашей ментальной жизни происходит неосознанно, и «...мы настолько же не осознаем процесс функционирования языка, насколько муха – причину откладывания ею яиц» [Там же, с. 13]. В свою очередь Р. Лачмен, Г. Лачмен и Е. Баттерфилд отмечают неосознанность процесса мышления: «...большинство наших поступков основывается на бессознательном. Это исключение, а не правило, когда мыслительный процесс происходит осознанно, но при всей его естественности, сознательное мышление кажется единственно возможным. Оно не единственно возможно, оно в меньшинстве [Lachman, Lachman, Butterfield, 1979, p. 207]. Аналогичную точку зрения высказывают П. Левински и Т. Хилл, говоря о том, что «...когда исследователи предпринимают попытку узнать напрямую от субъектов, как образуются суждения или решения, люди обычно беспомощны, как если бы их попросили объяснить, как они узнают знак «больше» или распознают образы» [Там же].

Д. Дернер приводит примеры неосознаваемого принятия решения об осознании, что, по убеждению автора, свидетельствует о наличии у человека имплицитного знания, то есть знания, о котором субъект осознанно не предполагает [Дернер, 1997]. По Дернеру, такое знание встречается довольно часто. Следующие примеры явля-

ются иллюстрацией этого мнения. Любитель музыки, слушая незнакомое ему музыкальное произведение, говорит: «Это Моцарт», но при этом, он не может сказать, откуда он это знает, просто «звучит по-моцартовски». Врач с большой уверенностью диагностирует у пациента определенное заболевание, не зная, как он это делает. «Точнее, – замечает Дернер, – он не мог выразить это, хотя каким-то образом он это знал» [Там же, с. 54]. Оказалось, что врач обращал внимание на профиль нижней части тела пациента, то есть на определенную форму сокращения мускулатуры, не осознавая этого.

Убедительные примеры того, что основные виды сложной когнитивной деятельности осуществляются за пределами осознания, приведены также в работах П. Левицки и его коллег [Lewicki, 1970, 1986a, 1986b; см. также Lewicki, Czyzewska, Hoffman, 1987; Lewicki, Hill, Bizot, 1988].

Многочисленные исследования, проведенные в русле когнитивного подхода, убедительно показали, что *явления сознания имеют место даже тогда, когда сам человек в результате интроспективного анализа не может о них судить*. В класс неосознаваемых явлений сознания необходимо включать механизмы работы сознания. Указание на то, что сам носитель сознания не способен описать то, как эти механизмы функционируют, не может свидетельствовать об их отсутствии.

Когнитивная психология, признавая экспериментальные факты, а не отвлеченные рассуждения, сыграла решающую роль в понимании того, что все содержание сознания в рамках текущего настоящего нельзя отождествлять с осознаваемым содержанием. Результаты экспериментов свидетельствуют: сознание имеет «латентное содержание», о котором не представляется возможным субъективно судить ни в какой момент времени, следующий за моментом его существования в сознании. Поэтому к разряду неосознаваемых явлений следует причислять и неосознаваемое содержание сознания.

Неосознаваемое содержание сознания и неосознаваемые процессы, предваряющие интегральные результаты когнитивной деятельности, вместе с тем участвуют в установлении конечного эффекта осознания как результата принятого сознанием решения о том, что и как следует осознавать.

1.5.1. Опыт отечественной психологии

Заметный вклад в историю психологии сознания внесли отечественные ученые. Можно даже констатировать, что психология сознания была традиционной областью исследований в отечественной психологии второй половины XX века. Не претендуя на полноту обзора существующих подходов, охарактеризуем из них лишь наиболее показательные для отечественной психологической науки.

А.Н. Леонтьев, рассматривая явления сознания с позиции разработанного им деятельностного подхода, утверждал, что индивидуальное сознание как форма субъективного отражения объективной реальности, присущая только человеку, может быть понято исключительно как продукт общественных отношений, в которые включен индивид и неотъемлемым элементом которых является его предметная деятельность. Поэтому А.Н. Леонтьев считал невозможным существование индивидуальной психики как формы осознанного отражения вне системы этих отношений и вне влияния со стороны общественного сознания. Сознание можно понимать, по Леонтьеву, как «открывающуюся субъекту картину мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [Леонтьев, 1983, с. 166]. В этом определении сознание явно отождествляется с осознанием. Однако, описывая структуру индивидуального сознания, Леонтьев, по сути, говорит о неосознаваемых компонентах.

Структура сознания в концепции Леонтьева представляет собой единство трех его элементов: чувственной ткани, значений и личностного смысла. Понятие «чувственная ткань» было введено Леонтьевым на основании анализа результатов исследования ин-

вертированного зрения. В этих исследованиях были представлены экспериментальные доказательства того, что чувственная ткань сохраняется в качестве своеобразного фона при последовательных преобразованиях сенсорной информации. В этой связи Леонтьев отмечал, что в начале эксперимента, сразу после надевания инвертирующих призм, субъекту представлена лишь чувственная ткань зрительного образа, лишенная осознаваемого предметного содержания, тогда как в условиях нормального зрения чувственная ткань и предметное содержание слиты между собой. При продолжении эксперимента с инверсией происходит процесс перцептивной адаптации, то есть «восстановление предметного содержания зрительного образа в его инвертированной чувственной ткани» [Там же, с. 174]. Элементы чувственной ткани сознания, согласно Леонтьеву, составляют содержание конкретных осознанных образов реальности, которые могут быть как непосредственно воспринимаемыми, так и возникающими в воспоминаниях и воображении. Специфическую функцию чувственной ткани образов сознания Леонтьев видел в том, что «они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту, вследствие чего мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его сознания – как объективное «поле» и объект его деятельности» [Там же, с. 172]. Хотя чувственная ткань не осознается, именно она обеспечивает, по мысли Леонтьева, осознание объектов во внешнем мире. В сознании индивида эта особая функция чувственных образов находит косвенное выражение в безотчетном переживании индивидом «чувства реальности». (То, что ранее было названо «субъективной очевидностью происходящего»). Однако при нарушении рецепции внешних воздействий эта функция проявляется в явном виде. Так, в условиях инвертированного зрения субъект способен дифференцировать реальное поле восприятия, которое представлено сознательно значимыми образами, и свое внутреннее, феноменальное поле, представленное собственно чувственной тканью. Природу чувст-

венных образов автор теории деятельности усматривал в их предметности. Чувственные образы порождаются в процессах практической предметной деятельности и сохраняют свою изначальную предметную отнесенность также при усложнении форм деятельности. А.Н. Леонтьев полагал, что чувственные образы человека обладают таким качеством, как означенность, и важнейшими элементами, образующими человеческое сознание, он считал значения. Вместе с тем сознание не может быть редуцировано ни к одной из образующих сознания, в том числе и к плану значений. А.Н. Леонтьев писал: «Сознание ... не может быть сведено к функционированию усвоенных извне значений, которые, развертываясь, управляют внешней и внутренней деятельностью человека» [Там же, с. 177]. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы действия, в процессе которых люди познают и преобразуют объективную реальность. Поэтому Леонтьев считал значения, абстрагированные от их функционирования в индивидуальном сознании, столь же «не психологичными», как и ту реальность, что лежит за ними. Значения становятся предметом изучения психологии, лишь будучи взяты в этих внутренних отношениях внутри систем деятельности и сознания. Эту проблему особенностей функционирования значений, с одной стороны, в системе общественных отношений, в общественном сознании, а с другой стороны – в деятельности индивида, в его индивидуальном сознании, Леонтьев пытался решить, предлагая различать осознаваемое объективное значение и его значение для субъекта, или «личностный смысл». Кроме движения значений в системе общественных отношений, значения совершают и другое движение, а именно функционирование в процессах деятельности и сознания конкретных индивидов. В этом движении «значения индивидуализируются и «субъективируются», но при этом они отнюдь не утрачивают своей общественно-исторической природы, своей объективности» [Там же, с. 180]. Одна из сторон движения значений в сознании конкретных индивидов

выражается в том, что они «возвращаются к чувственной предметности мира», в то время как в своем «надындивидуальном» движении значения лишены чувственности, их индивидуализированное существование «необходимо предполагает их отнесенность к чувственным впечатлениям» [Там же, с. 180]. При этом чувственно-предметная отнесенность значений в сознании субъекта может быть не только прямой, но и опосредованной сложными цепями мыслительных операций.

Другой аспект движения значений в индивидуальном сознании Леонтьев видит «в той особой их субъективности, которая выражается в приобретаемой ими пристрастности и открывает себя лишь при анализе внутренних отношений, связывающих значения с еще одной «образующей» сознания – личностным смыслом» [Там же, с. 180].

Таким образом, «в индивидуальном сознании извне усваиваемые значения как бы раздвигают и одновременно соединяют между собой оба вида чувственности – чувственные впечатления внешней реальности, в которой протекает его деятельность, и формы чувственного переживания ее мотивов, удовлетворения или не удовлетворения скрывающихся за ними потребностей» [Там же, с. 183]. Личностные смыслы и чувственная ткань сознания, в отличие от значений, не имеют объективного, «непсихологического» существования. Внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с объективной реальностью. Личностный смысл, в свою очередь, связывает их с реальностью самой жизни субъекта в этом мире, с ее мотивами, создавая, по выражению Леонтьева, «пристрастность человеческого сознания» [Там же, с. 183]. Решающим обстоятельством, превращающим значения в психологическую категорию, является то, что в процессе функционирования внутри индивидуального сознания «значения реализуют не самих себя, а движение воплощающего в них себя личностного смысла» [Там же]. В своей психологической ипостаси, то есть в системе сознания

субъекта, «значения вообще не существуют иначе, как реализуя те или иные смыслы, так же как его действия и операции не существуют иначе, как реализуя ту или иную его деятельность, побуждаемую мотивом, потребностью» [Там же, с. 183]. Также Леонтьев подчеркивал, что личностный смысл всегда предметен, отнесен к чему-то, а «чистый», непредметный смысл не имеет никакого смысла. Воплощение смысла в значениях Леонтьев считает сложным процессом, происходящим отнюдь не автоматически и порой даже мучительно. В качестве частных выражений этого процесса он приводит явления «рационализации» людьми их действительных побуждений, переживание муки перехода от мысли к слову.

Итак, согласно А.Н. Леонтьеву, сознание человека, как и сама его деятельность, не является простой суммой своих составляющих. Сознание представляет собой взаимное внутреннее движение образующих его элементов, включенное в движение деятельности, и, в целом, в общее движение реальной жизни человека в обществе. Именно это «внутреннее движение», будучи неосознаваемым, открывает субъекту осознаваемую картину предметного мира.

Социальная обусловленность сознания – одна из ключевых идей, заложенных в культурно-историческом подходе Л.С. Выготского. Социальная ситуация выступает у Выготского необходимым условием, при котором единственно возможно формирование и развитие сознания. Опыт социального взаимодействия играют определяющую роль в процессе формирования сознания. По мнению Выготского, развитие сознания на ранних стадиях онтогенеза подчиняется общему генетическому закону культурного развития, который гласит: «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах: сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая» [Выготский, 1983, с. 145]. В этой связи, по мысли Выготского, сознания как автономной структуры не существует вне кон-

текста социального взаимодействия и поведения человека в процессе этого взаимодействия: «...сознание есть проблема структуры поведения» [Выготский, 1982, с. 83], «... сознания как определенной категории, как особого способа бытия не оказывается. Оно оказывается очень сложной структурой поведения» [Там же, с. 98]. Как заметил М.Г. Ярошевский, комментируя подход Выготского к проблеме сознания, «психика, принимаемая за незримый внутренний мир сознания, имеет зримое основание в объективно данном поведении» [Ярошевский, 1996, с. 352].

Сознание, понимаемое Л.С. Выготским как проблема поведения, таким образом, вторично по отношению к социальному. Одной из специфических форм социальных взаимодействий является прежде всего речевое общение. «Речевые рефлексy», по Выготскому, лежат в основе осознанности. Л.С. Выготский прямо указывает на тождественность «механизмов сознания и социального контакта» [Выготский, 1982, с. 96]. Собственно сам механизм осознания и формируется благодаря использованию знаков в качестве психологических орудий в процессе межличностного общения. Примечательно, что проблему осознания некоторые авторы рассматривают как наиболее теоретически значимую для Л.С. Выготского. К такому выводу приходит, например, А.Г. Чеснокова, которая, проведя сравнительный анализ концепций Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна, заключает, что в рамках этих подходов «проблема осознания ставилась как центральная для психологии сознания» [Чеснокова, 2003, с. 4].

Стихия социальных контактов, язык как система опосредованного отображения действительности определяют условия в том числе и для осознания собственного Я. Иными словами, самосознание в русле концепции Выготского возникает также как эффект социализации: «Мы сознаем себя, потому что мы сознаем других, и тем же самым способом, каким мы сознаем других» [Выготский, 1982, с. 96].

Важная идея, принадлежащая Выготскому, касается того, как следует изучать сознание. Интроспекция является наименее надежным инструментом исследования. Понять осознание посредством самого осознания невозможно. «Никакого самонаблюдения», – писал Л.С. Выготский [Там же, с. 91]. Объективность результатов исследования деятельности сознания – это не просто возможность непосредственного наблюдения фактов поведения, а такой анализ поведенческих реакций и эффектов работы сознания, который бы позволил реконструировать ненаблюдаемое, то есть саму работу сознания. Поэтому психолог, изучая сознание, должен действовать «...как сыщик, обнаруживающий преступление, которого он никогда не видел» [Там же, с. 62].

А.Р. Лурия во многом разделяет позиции Леонтьева и Выготского, также считая, что сознательная деятельность человека является «продуктом общественно-исторического развития» [Лурия, 1979, с. 264]. Фундаментальную особенность сознания, своего рода опознавательный признак сознания, Лурия усматривает в способности человека к опосредованному отражению действительности: «В отличие от животных, человек обладает новыми формами отражения действительности – не наглядным, чувственным, а отвлеченным опытом. Такая особенность и характеризует сознание человека... Эта черта – способность человека переходить за пределы наглядного, непосредственного опыта и есть фундаментальная особенность его сознания» [Там же, с. 13]. Отвлеченный опыт – вероятно, осознанный опыт. И именно осознанность, по мнению Лурия, является индикатором человеческого сознания.

В духе традиции, заложенной идеями Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Н.А. Бернштейна, свое понимание феномена сознания предлагает В.П. Зинченко, который выделяет два слоя сознания: бытийный слой и слой рефлексии. Бытийный слой структурирован такими образующими, как чувственная ткань образа и биодинамическая ткань действия. Понятие «биодинамическая ткань действия»

Зинченко вводит для объяснения эффектов чувствительности «живого движения» во время его реализации. Для того чтобы действие не оказалось «слепым», необходимо, чтобы оно было восприимчиво в каждый момент времени. Биодинамическая ткань как раз и обеспечивает обратную связь, позволяя осуществлять текущую коррекцию этого действия. Такая открытость действия к внешним влияниям дает возможность субъекту быть гибким в реализации различных программ действия. По мнению Зинченко, процесс такой настройки действия не осознается сознанием, а является истинным бытием сознания в процессе взаимодействия с внешним миром. Рефлексивный слой сознания состоит, по соображениям Зинченко, из значений и смыслов. Значение определяется Зинченко как культурная образующая рефлексивного сознания. Значения – это конвенции, усвоенные индивидуумом в процессе социализации. «Понятие значения фиксирует то обстоятельство, что сознание человека развивается не в условиях робинзонады, а внутри культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения и мировосприятия, который индивиду необходимо не только усвоить, но и построить на его основе собственный опыт» [Зинченко, 1991, с. 23]. Зинченко выделяет три вида значений: операциональные, предметные и вербальные, причем указывает их связь с другими компонентами сознания. Операциональные значения относятся к биодинамической ткани, предметные соотносятся с чувственной тканью, а вербальные связаны со смыслом. Чувственная ткань придает жизненность образу, «представляет собой строительный материал образа». При построении образа всегда используется некоторая часть чувственной ткани, так как – и об этом Зинченко пишет во многих своих работах – любая психическая структура имеет всегда избыточное количество степеней свободы и образ всегда является более многомерным, более емким, чем объект отражения. Чувственная ткань образа и биодинамическая ткань действия, согласно Зинченко, могут трансформироваться друг в друга: «развернутое во времени движе-

ние ... трансформируется в ... образ пространства, как бы лишенный координаты времени... В свою очередь, пространственный образ может развернуться во временной рисунок движения» [Там же, с. 25]. Взаимодействие биодинамической ткани действия и чувственной ткани образа, их взаимопроникновение обеспечивает взаимобратимость пространства и времени. А для того, чтобы это происходило, необходима исключительно точная, скоординированная работа сознания. Избыточность в работе этих взаимосвязанных систем устраняется при осуществлении сенсомоторной координации. В силу того, что такие координации становятся жесткими, однозначными, субъект способен решать «смысловую задачу». Только преодоление этой избыточности, по мнению Зинченко, придает разумность человеческому действию, обеспечивает эффективность предметной деятельности. Такой ход рассуждений приводит Зинченко к оригинальной мысли: для того, чтобы человек был способен адекватно ситуации реализовать программу своих действий, «образ действия должен вписываться в образ мира или в образ нужной для осуществления поведения его части» [Там же, с. 25]. В другой работе это соотношение образа мира и образа ситуации Зинченко иллюстрирует следующей метафорой: «Чтобы преодолеть избыточность мира, нужно уже иметь образ искомого, притом не расплывчатый, а, при всей его собственной избыточности, в высшей степени определенный, иначе выплеснешь с водой и ребенка. Работа внимания может быть уподоблена работе скульптора, который отсекает от «дикого камня» все лишнее, кроме того, что он видит внутри него. Когда же скульптор ошибается, отсекая что-то от своего образа, он испытывает физическую боль. Значит, в глыбе мрамора находится искомый образ, а в этом образе находится сам скульптор. Он не ищет образ в глыбе, а освобождает его (и себя) из нее» [Зинченко, 1995, с. 5]. Сопоставление образа мира (модели мира) с образом действия возможно только благодаря тому, что действие реализует уже известные психике смысловые программы. Вместе с тем известный принцип

С.Л. Рубинштейна, согласно которому сознание и деятельность образуют единство, помогает понять возможности расширения диапазона моторных программ. Сознание в той же степени в действии проявляется (и пусковым механизмом такой внешней реализации сознания является сличение результатов отражения ситуации со следами памяти, что, по сути, и есть согласование образа мира и образа действия), в какой и формируется в русле деятельности.

Понятие «смысл», по мысли Зинченко, указывает на факт «укорененности индивидуального сознания в бытие человека. ... Сознание есть не только знание, но и отношение» [Зинченко, 1991, с. 23]. Поэтому понятие «смысл» призвано подчеркнуть то, что знание, которым обладает человек как носитель сознания, не является безличным. Зинченко, таким образом, выделяет в структуре сознания два уровня: осознаваемый и неосознаваемый. Однако при этом не поясняет, каким образом сознание функционирует на этих уровнях, в частности, как происходит осознание вследствие работы рефлексии.

А.В. Петровский, в свою очередь, предлагает рассматривать понятие «сознание» через призму «категориального строя психологической науки». Этот категориальный строй был описан М.Г. Ярошевским в качестве базиса, на который опираются основные психологические понятия. Категории этого базиса представляют собой «наиболее общие и фундаментальные определения, охватывающие наиболее существенные свойства и отношения изучаемых явлений» [См. Петровский, Ярошевский, 1998, с. 14]. Базисные категории, которые были выделены и описаны применительно к множеству психологических понятий, стали «системообразующими», позволяющими строить категории более высокого порядка, то есть категории метапсихологические [Там же, с. 14]. Базисными категориями, представляющими собой своего рода «молекулы» психологического знания, у Петровского выступают: «образ», «мотив», «действие», «отношение», «переживание», «индивид». К метапсихологическим категориям, которые Петровский сравнивает с «ор-

ганизмами», относятся, соответственно, «сознание», «ценность», «деятельность», «общение», «чувство», «Я». «В каждой метапсихологической категории, – пишет А.В. Петровский, – раскрывается некоторая базисная психологическая категория через соотнесение ее с другими базисными категориями» [Там же, с. 17]. При этом базисная категория, являющаяся логическим субъектом какой-либо метапсихологической категории, является «категориальным ядром», а категории, посредством которых данная ядерная категория превращается в метапсихологическую, обозначаются Петровским как «оформляющие».

«Сознание», по А.В. Петровскому, представляет собой метапсихологический эквивалент категории «образ». При этом Петровский обращает особое внимание на связь понятия «образ» с понятием «идея». «Идея есть образ (мысль) в действии, продуктивное представление, формирующее свой объект. В идее преодолевается оппозиция субъективного и объективного. ... Выявляя в образе то, что характеризует его со стороны его действительности (а значит, мотивов, отношений, переживаний индивида), мы определяем его как сознание» [Там же, с. 19]. Таким образом, опираясь на понятие категориального строя психологии, Петровский определяет сознание как «целостный образ действительности (что в свою очередь означает область человеческого действия), реализующий мотивы и отношения индивида и включающий в себя его самопереживание, наряду с переживанием внеположности мира, в котором существует субъект» [Там же]. В сферу явлений сознания, согласно пониманию Петровского, следует включать и самосознание. Логическим ядром определения категории «сознание» является базисная категория «образ», а оформляющими категориями – «мотив», «отношение», «переживание», «индивид».

Согласно мнению А.Г. Спиркина, сознание как особая способность к отражению действительности, имеет отличительные признаки. Это:

- 1) высшая функция мозга;
- 2) свойственная только человеку;
- 3) реализуемая с помощью механизмов речи;
- 4) состоящая в целенаправленном отражении объективного мира, регуляции действий и оценки их результатов [Спиркин, 1960, с. 7]. Не трудно заметить, что все перечисленные «признаки» ассоциируются со способностью к осознанию.

Иную трактовку феномена сознания предлагает В.И. Панов. Он связывает сознание с феноменологией психических состояний. Оригинальным представляется авторское определение сознания: «Сознание – это, во-первых, множество психических состояний, которые способен переживать данный индивид, а, во-вторых, это психические состояния, которые из психических образований, функционально ограниченных во времени и пространстве, превратились в настолько постоянные структуры сознания, что стали антиципировать, то есть предопределять и опережающе опосредовать протекание и процессов, и состояний психики данного индивида» [Панов, 2000]. Поясняя свою позицию, В.И. Панов уточняет представление о переходе психических состояний в структурные образующие сознания: «Психическое состояние тогда становится структурой сознания, когда оно становится постоянной чертой личности (характера) человека, предопределяющей его восприятие и поведение в различных ситуациях. Следовательно, сознание по своей «психологической» структуре совпадает с психическим состоянием, т.к. оно тоже суть не что иное, как системное (функционально-структурное) единство восприятия, переживания и поведения человека. Но при этом такое единство, которое уже постоянно характеризует данного человека и, как говорят психологи, антиципирует все его действия и поведение» [Там же]. Именно процесс трансформации различных психических процессов в устойчивые психические состояния, синтез этих процессов выражает «фундаментальную онтологическую особенность развития сознания как становления психической формы бытия ин-

дивида» [Там же]. По существу, становление сознания, по В.И. Панову, происходит как такое изменение психики индивидуума, когда «его процессы восприятия, переживания и поведения функционально объединяются (интегрируются) в психические состояния, а психические состояния превращаются в структурные компоненты сознания» [Там же]. В.И. Панов не предлагает свое понимание феномена осознания, но анализ его позиции, думается, дает основания заключить, что осознание возникает как следствие латентных процессов, которые сами в осознании не даны.

Занимаясь изучением проблемы экологического сознания, В.И. Панов считает, что данная проблема обусловлена не только угрозой экологического кризиса и вытекающей из этого необходимостью формирования экологически ориентированного сознания, но и явлениями культурно-исторического плана, а именно эволюцией человеческого сознания. Автор усматривает проявления эволюции сознания в настоящее время в следующем:

1. Эволюционная смена парадигм общественного сознания: от экономической XIX-XX веков к экологической XXI века.

2. Поиск ответа на вопрос о природе человека и постепенное осознание триединности его сущности – как существа биологического, социального и духовного.

3. Эволюция человека как субъекта (носителя) сознания: от индивидуального субъекта и субъекта семьи до субъекта этноса, государства, Планеты, Космоса [Панов, 2002].

Свое понимание сознания предлагает Н.И. Чуприкова. Она описывает феномен с точки зрения его эмпирических характеристик. Эти характеристики представляют собой комплекс способностей индивидуума к различению, например, к различению «Я» и внешних вещей, вещей и их свойств, свойств собственной личности, пространственно-временных координат и т.д. [Чуприкова, 1999]. Н.И. Чуприкова, естественно, имеет в виду осознанное различение. Данная трактовка сознания очень близка подходу

В.И. Молчанова, который, определяя сознание как «различие различий» отмечает: «Сознание – это опыт различия. Мы отличаем светлое от темного, теплое от менее теплого и холодного, сухое от влажного, ... прямой смысл от метафоры, предмет от другого предмета, контуры предмета от его «массы», мы отличаем причину от следствия, посылку от вывода, теорию от реальности, относительно которой она – теория, душевность от вежливости... Мы различаем «сферы бытия»: предметы, ценности, модусы сознания, способы познания, эмоции, религии, течения в философии, исторические эпохи, культуры... Из перечисленных различий следует выделить, конечно, различие модусов сознания, которые сами «состоят» из различий» [Молчанов, 2004, с. 58]. При этом Молчанов, следуя феноменологической традиции изучения сознания (Ф. Brentano, Э. Гуссерль), рассматривает сознание как процесс смыслообразования: «Сфера смыслообразования ... и есть, собственно, сфера сознания» [См. Феноменологическая концепция сознания..., 1998, с. 5]. Стоит отметить, что реализация самой функции различения никогда не осознается. Осознается различенное: объект, свойство чего-либо, «сферы бытия» и т.д. К тому же различение, по всей видимости, могут осуществлять и животные, и даже персональный компьютер, который ничего не осознает.

В вероятностной теории смысла В.В. Налимова сознание рассматривается как текст, состоящий из вероятностно взвешиваемых смыслов. Текст, по определению автора, «характеризуется дискретной (семиотической) и континуальной (семантической) составляющей» [Налимов, 1989, с. 107]. Понятие «текст» Налимов использует не только в отношении структуры сознания, но также и в отношении описания любого рода реальности, биосферы, социосферы и т.д. В его теории эволюционирующий мир представляется множеством различных текстов. Текст – носитель смыслов. В силу этого смысл у Налимова имеет не психический статус, а космологический, и тем самым приобретает силу мирнеобходимого начала.

При описании ноосферы текстами становятся сознания людей. Эти тексты имеют индивидуальные и коллективные проявления. Таким образом, Налимов описывает сознание как иерархическую систему, которая имеет несколько уровней. Первый уровень – уровень логического мышления. Это и есть поверхностный уровень сознания, на котором существуют осознаваемые проявления. Смыслы на этом уровне сознания раскрываются через аристотелевскую логику. Второй уровень – «это уровень предмышления, где вырабатываются те исходные постулаты, на которых базируется собственно логическое мышление» [Там же, с. 103]. Третий уровень, согласно Налимову, образован коллективным бессознательным, где «осуществляется встреча с архетипами». Эти первые три уровня и есть уровни собственно сознания. Таким образом, второй и третий уровни в модели Налимова, фактически отождествленные с неосознаваемым, включены в структуру индивидуального сознания. Четвертым уровнем сознания, находящимся за пределами психического мира человека, является телесность, которая выступает физическим носителем индивидуального сознания. Пятый уровень – это уровень метасознания, который принадлежит уже не индивидуальному, а транслично-стному, космическому сознанию. По мнению Налимова, именно на этом уровне происходит порождение тех творческих импульсов, которые затем воспринимаются на уровнях индивидуального сознания. Именно благодаря пятому уровню человек способен устанавливать взаимодействие не только с объектами и другими людьми, но и с миром в целом, расширяя тем самым границы своего сознания и вступая в диалог с творческим началом мира. Шестой уровень – это нижний слой космического сознания.

Как отмечает автор, одним из самых важных уровней является второй уровень, так как происходящее там и есть «внутренний – семантический облик человека». В то время как первый уровень – уровень логического мышления представляет собой сознание, существующее только в рамках формальной логики и потому имею-

щее редуцированный к правилам вывода вид. Семантическая триада «смысл – текст – язык» является универсальной структурой понимания любого явления, в том числе индивидуального сознания. Любая знаковая система может восприниматься как язык в том случае, когда есть наблюдатель – субъект познания. Поэтому в отношении собственного сознания человек оказывается в роли самоинтерпретатора текста, носителем которого он является. Причем текст является гибким, подвижным, способным к изменению, «все время создающимся заново». Этот характерный атрибут сознания связан с тем, что сами смыслы являются динамическими образованиями, поэтому, хотя и существуют возможности, предоставленные языками человеческого общения для формализации смысла, редукция последних неизбежна при анализе, выполненном в рамках любой теоретической модели знания. Но, как справедливо указывает Налимов, «за строгость мысли приходится дорого платить – потеря гибкости в переоценке смыслов, легко допускаемая в бейесовской логике (бейесовской логикой описывается процесс смыслопорождения на втором уровне сознания – А.А.), теряется в надводной, видимой нами части айсберга сознания (на первом уровне сознания – А.А.)» [Там же, с. 119]. В силу этого любая попытка строгого определения понятия «смысл» не может быть признана удачной. (Это в полной мере относится и к понятию «сознание»). В подтверждение своей позиции В.В. Налимов приводит слова философа Я.Э. Голосовкера: «Смысл мы понимаем. Попытка определить смысл приводит к ограничению ... нашего понимания смысла» [Голосовкер, 1987, с. 148]. На основании этого Налимов делает вывод, что сознание может быть описано только с точки зрения своей структуры, так как строение сознания неизменно при любом изменении смыслового содержания. Сделать же качественный же анализ самих смыслов не представляется возможным.

Теория В.В. Налимова не является собственно психологической моделью сознания. В своих описаниях автор смешивает раз-

личные языки: язык математики, философский язык, язык психологии, метафорический язык. Поэтому и сама концепция приобретает эклектический характер.

Системное описание сознания было предложено в отечественной психологии В.А. Ганзеном [Ганзен, 1974, 1984]. В.А. Ганзен придерживается позиции, согласно которой построение научной психологической теории должно удовлетворять общеметодологическим критериям выбора базиса описания изучаемой реальности, то есть, иначе, иметь общенаучные основания. В качестве такого общенаучного базиса Ганзен рассматривает структуру фундаментальных общенаучных категорий: «субстрат», «пространство», «время», «информация», «энергия». Субстратом может выступать все, что является предметом познания, в частности, предметом психологического изучения. Это не единственный базис описания, который может быть использован при анализе психических явлений. Так, например, в качестве базиса может рассматриваться набор понятий, характеризующих отношения в структуре гармонического целого: единство, уравновешенность, повторяемость, соразмерность, соподчиненность [Ганзен, 1984, с. 45]. Общенаучные базисы описания можно считать своего рода основаниями анализа явлений. Это те плоскости, на которые проецируется предмет анализа. Могут иметь место и собственно психологические базисы, которые объединяют основные понятия (образуя определенное понятийное ядро психологии), характеризующие различные стороны психики. «Под психологическим базисом, – указывает В.А. Ганзен, – понимается система понятий, лежащих в основе описания психических явлений» [Там же, с. 67].

Опираясь на представление о двух ведущих функциях психики – отражении и регуляции, В.А. Ганзен предлагает описание функциональной структуры сознания. Хотя Ганзен и говорит о функциональной структуре психики, однако, заключая, что «явления сознания делятся на осознаваемые и неосознаваемые» [Там же,

с. 65], он, фактически, описывает организацию сознания. Именно взаимосвязь отражения и регуляции обеспечивает целостность психики в норме, «единство всех психических проявлений». Вместе с тем, благодаря взаимообусловленности этих функций возможна интеграция человека со средой. Таким образом, функциональная структура сознательной психики может быть описана в общенаучных категориях и представлена в следующем вербально-графическом виде:

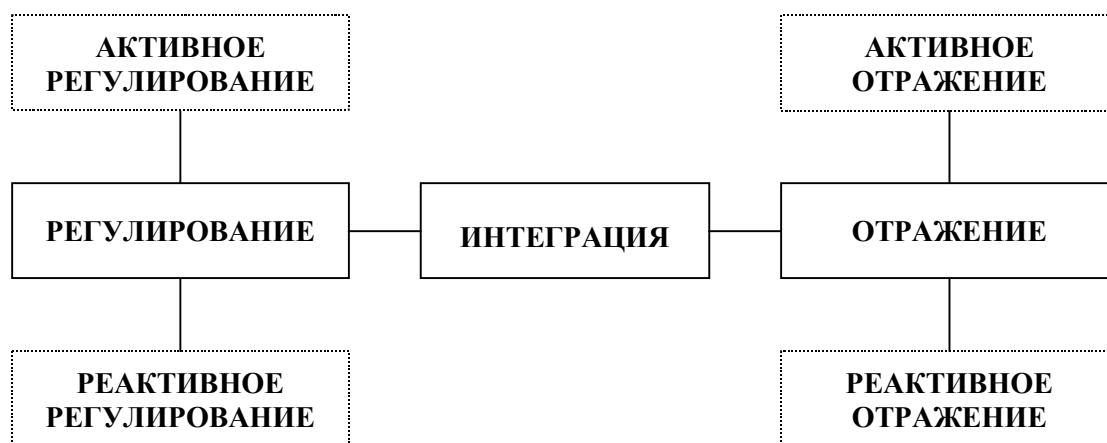

Рис. 1. Модель функциональной структуры психики [Ганзен, 1984]

Группируя множество понятий, которыми описывают основные явления психической жизни человека, В.А. Ганзен выделяет следующие базовые триады, которые соответствуют формам регуляции и отражения, а именно:

- *перцепция* + ощущение + восприятие – функция реактивного отражения;
- *мышление* + представление + речь – функция активного отражения;
- *аффект* + эмоция + чувство – функция реактивного регулирования;
- *воля* + мотив + действие – функция активного регулирования.

Первое понятие в этой триаде является объединяющим для двух остальных. Так, например, «...аффект (здесь – целостная пси-

хическая реакция) существует в двух формах – эмоции и чувства» [Там же, с. 63]. Объединяющее понятие, таким образом, обозначает психический процесс, который реализован в явлениях, описываемых двумя видовыми понятиями. Функцию интеграции выполняет сознание. В свою очередь, сознание включает в себя внимание и память в качестве сквозных процессов, без которых интеграция невозможна. Память интегрирует всю информацию в едином хранилище, внимание интегрирует человека со средой в актуальный момент времени. Таким образом, образуется пятая триада:

- *сознание* + внимание + память – функция интеграции.

Функциональная структура сознания представлена на Рис.2:

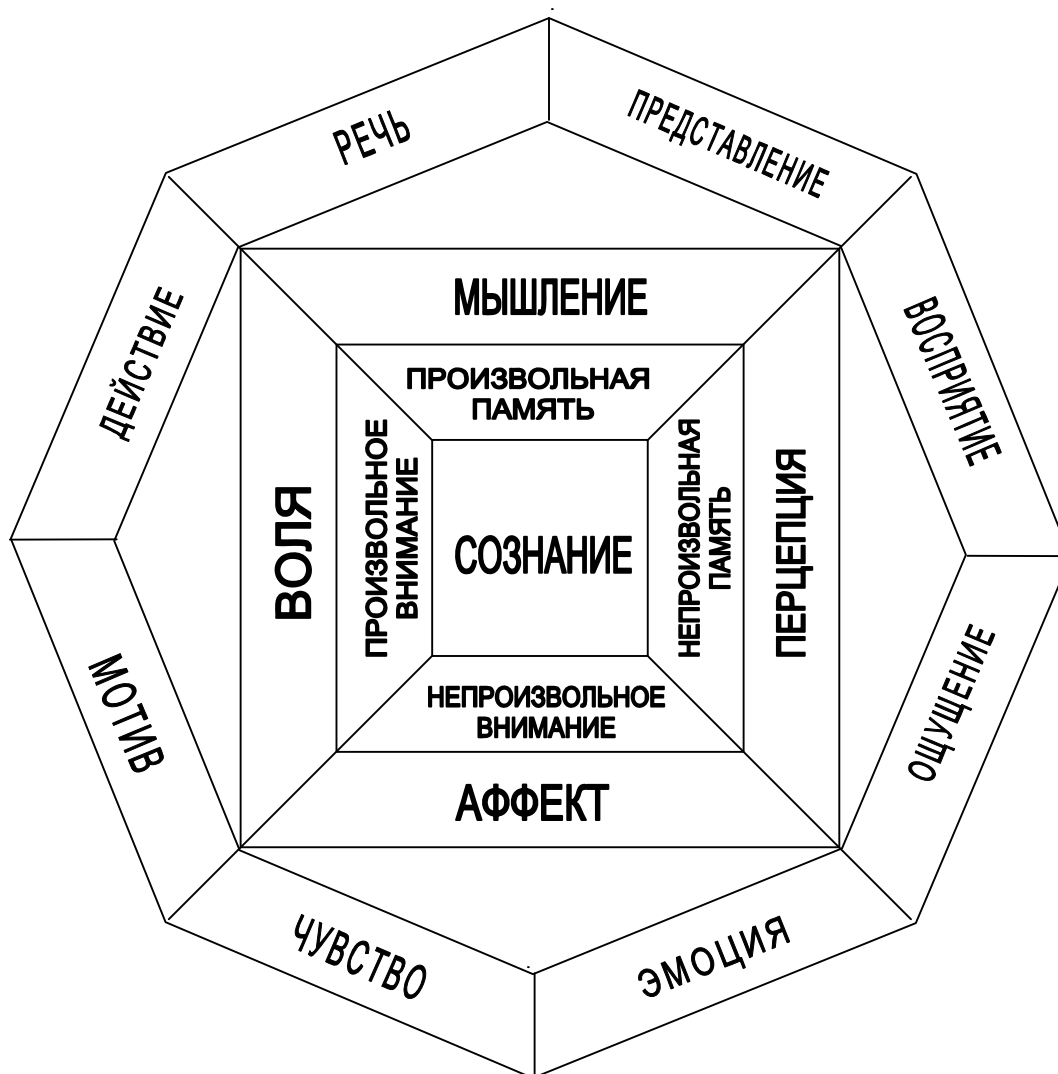

Рис. 2. Модель структурно-функциональной организации сознания [Ганзен, 1984]

Предложенная Ганzenым модель описания наиболее полно отражает феноменологию сознания и включает в себя описание как процессов, так и механизмов сознания. Кроме того, данное описание позволяет прийти к выводу о том, что в случае наличия сознания у человека все психические процессы и состояния не могут рассматриваться безотносительно к факту наличия сознания. Это справедливо не только в отношении мышления, представления, восприятия, но и в отношении эмоциональных проявлений и даже сенсорной чувствительности. Сам Ганзен к такому заключению не приходит, однако предложенная им модель предполагает именно такой вывод. По существу, модель описания В.А. Ганзена предполагает поиск ответов на следующие вопросы. Чем являются продукты психической активности, например, ощущение, образ, мысль или действие, в отношении к факту существования сознания? В какой мере они есть то, что они есть, если есть сознание, ведь их обнаружение, их относительная независимость в опыте возможны благодаря тому, что они осознаются сознанием? Каким образом это осознание влияет на характер ощущаемого, воспринимаемого, мыслимого и т.д.?

Развивая идеи В.А. Ганзена, А.О. Прохоров связывает в единый концептуальный план рассмотрения смысловую организацию сознания и психические состояния субъекта. «Смысловая организация сознания, – отмечает А.О. Прохоров, – посредством структурирования различных элементов внешней, предметной и социальной среды в ситуацию, сосредотачивает эти воздействия относительно субъекта и, обеспечивает избирательность отражения, связывает пространственные, временные, информационные и энергетические характеристики в единый узел – систему «ситуация-смысл-состояние» [Прохоров, 2004, с. 16].

В.Л. Райков отстаивает идею множественности сознания. Необходимо разграничивать не просто разные стороны, свойства, аспекты единого явления сознания, а разные сознания. Например, ав-

тор «мозаичной теории сознания» говорит о сознании догенетическом, генетическом, ситуативном, профессиональном, творческом, эмоциональном, вербальном и пр. и полагает, что высшие животные также обладают сознанием. Поэтому следует скорее говорить не о сознании, а об иерархии сознаний [Райков, 2000, с. 48]. Появление сознания в физическом мире можно расценивать, по Райкову, как действие фундаментального закона природы. Сознание – это программа «жизнесуществования живого существа с окружающим» [Там же, с. 3]. У человека разные сознания взаимодействуют посредством вербального сознания, которое является своеобразным «переводчиком», например, с «языка» эмоционального сознания на «язык» перцептивного сознания как частного случая ситуативного. Вербальное сознание, естественно, имеет только человек. Помимо «перевода», к функциям вербального сознания Райков относит: контроль над ситуацией, ее оценку, принятие осознанного решения, знаковое опосредование [Там же, с. 58]. Именно вербальное сознание обеспечивает «планирование действий», «...формирует социальное развитие человека» [Там же, с. 274]. Однако, как пишет автор, вербальное сознание «...всегда будет опираться на сознание ситуационное, эмоциональное и профессиональное» [Там же, с. 58]. Интерпретируя основные положения теории Райкова, можно сделать вывод о том, что именно «вербальное сознание» ответственно за эффекты осознания, притом, сами эти эффекты подготовлены неосознаваемой активностью других форм сознания.

В.М. Аллахвердов предлагает свой оригинальный вариант решения проблемы сознания. Для того чтобы подчеркнуть отличие авторского подхода от существующих концепций, в том числе гуманитарного и мистического свойства, Аллахвердов использует для его обозначения название «психологика». Согласно Аллахвердову, «психологика рассматривает психику в целом как логическую систему и тем самым претендует на логическое описание психической деятельности» [Аллахвердов, 2000, с. 13]. Сам по себе этот тезис не

может вызывать возражений, поскольку любое научное описание и объяснение должно быть логичным. Однако автор, формулируя данное базовое положение своей теории, имеет в виду не только необходимость теоретической реконструкции психики как логического аппарата, работа которого опирается на самоочевидные основания, чувствительна к противоречиям, подчиняется правилам вывода и направлена на доказательство истинности или ложности тех или иных положений, но и логическую природу самих психических явлений. «Психика, – считает Аллахвердов, – написана на языке логики» [Там же, с. 119]. Думается, все-таки логичным (или нелогичным) может быть описание психического, а не сама психика. И из тезиса о том, что «логическое описание психики может претендовать на истинность», вовсе не следует однозначный вывод, что «психика не только может трактоваться как логическая система, но она и на самом деле есть логическая система» [Там же, с. 119]. Вместе с тем, по Аллахвердову, логика необходима, но недостаточна для изучения сознания естественнонаучными методами. Логические описания в психологии как естественнонаучной дисциплине должны экспериментально проверяться, так как «логик много, а реальность одна». Следствием данного принципа является утверждение о том, что психическая деятельность сознания регулируется универсальными законами. В.М. Аллахвердов одним из первых в отечественной психологии предпринимает попытку объединить разрозненные эмпирические данные по принципу их соответствия определенным закономерностям в работе сознания. При этом «психология ставит перед собой задачу обнаружить и логически обосновать экспериментальные законы работы сознания в целом, а не частные законы восприятия, мышления и т.п.» [Там же, с. 254]. Законы, которые формулирует Аллахвердов, носят индуктивный характер, то есть представляют собой эмпирические обобщения. Например, таким, в трактовке Аллахвердова, является закон Фрейда-Фестингера, который гласит: «Механизм сознания, столкнувшись с

противоречивой информацией, начинает свою работу с того, что пытается исказить эту информацию или вообще удалить ее с поверхности сознания» [Там же, с. 320]. Благодаря законам, описывающим деятельность сознания, целый массив экспериментальных данных, собранных в разных областях психологии, может получить законосообразное объяснение, то есть объяснение с единой позиции. Всего В.М.Аллахвердов в работе «Сознание как парадокс» формулирует 14 эмпирических законов, относящихся к разным аспектам деятельности сознания. Чем же является сознание в системе психологии? Прежде всего автор дифференцирует «сознание как явление», которое трактуется в духе традиционного понимания осознанности. Явления сознания непосредственно переживаются носителем картины мира и самого себя как самоочевидные. Кроме явлений сознания, следует также говорить о работе механизма сознания. Этот механизм порождает или трансформирует информацию в осознаваемые переживания. Таким образом, Аллахвердов полагает, что работа сознания самим сознанием не осознается. Осознанию подлежат только результаты этой работы. Для того чтобы объяснить принцип работы механизма сознания, Аллахвердовым вводится исходная логическая идеализация. В соответствии с такой идеализацией допускается, что «ни на объем воспринимаемой мозгом информации, ни на объем ее хранения в памяти, ни на скорость ее восприятия и переработки не наложено никаких существенных физических или физиологических ограничений» [Там же, с. 262]. Это не означает, что реальный мозг человека в действительности не имеет ограничений, в частности, на объем и скорость перерабатываемой информации. Введенная идеализация, по утверждению автора, предполагает объяснение природы любых ограничений, наложенных на работу познавательной системы человека не физиологией и анатомией, а «логикой психической деятельности» [Там же, с. 264]. Познавательная деятельность, осуществляемая сознанием, имеет ограничения настолько мощнее физиологических, что по-

следние не имеет смысла принимать во внимание при объяснении феноменологии психического. Каким же образом функционирует сознание в теоретической модели Аллахвердова? Логику работы сознания можно описать следующим образом. Поскольку явления сознания порождаются в результате неосознаваемых, протосознательных процессов, в осознании любое событие «оправдывается ... неслучайными причинами» [Там же, с. 290]. То есть сознание не знает случайности и абсолютно всему происходящему приписывает смысл. Любой случайный выбор интерпретируется как принципиально необходимый и осмысленный. По Аллахвердову, протосознательные процессы используют механизм случайного выбора догадок о том, какова окружающая нас действительность. Порожденная случайным образом и затем осознанная догадка упорно защищается сознанием от опровержений. Сознание строит так называемый «защитный пояс осознаваемых гипотез». Догадки, естественно, не всегда оказываются верными. В этом случае возможны разные стратегии, выбираемые сознанием. Например, сознание может изменить критерии соответствия ожидаемого воспринимаемому. Согласно закону Ланге, подтверждая свои ожидания, сознание начинает работу с применения самых слабых критериев соответствия [Там же, с. 495]. И если сознание выбирает какое-то решение, это решение принимается за очевидное. Вместе с этим фиксируется точность соответствия, которое было установлено в процессе сличения. При получении противоречивой информации сознание стремится или избавиться, или исказить эту информацию. Исходя из сказанного, становится ясно, что сознание дольше перерабатывает ту информацию, которая не соответствует актуальным ожиданиям. Напротив, «та информация, которая полностью соответствует ожиданиям, вообще перестает осознаваться» [Там же, с. 497]. Поскольку любые стимулы, ситуации, явления могут быть осмыслены по-разному, можно говорить, согласно автору психологии, о психологической омонимии. Это означает, что «любое значение может

быть приписано любому знаку» [Там же]. Отсюда В.М. Аллахвердов выводит представление о двух видах значений: негативно и позитивно выбранных. То, что осознается, является позитивно выбранным значением в поверхностном слое сознания. Одновременно с этим в базовом слое или содержании сознания любой стимул (знак) опознается как член каких-то других классов, помимо того класса, которому принадлежит позитивное осознаваемое значение. Аллахвердов подчеркивает: «Негативно выбранное отнесение стимула к классу не тождественно отсутствию отнесения к этому классу» [Там же, с. 498]. Законы последействия, предлагаемые Аллахвердовым, описывают эффекты повторного осознания (закон последействия фигуры) и эффекты повторного неосознания (закон последействия фона). Эмпирическими индикаторами реакции неосознания являются, например, устойчивый пропуск ответов на определенный ранее неосознанный (выбранный негативно) стимул или же устойчивая ошибка невоспроизведения стимула. Базовое содержание сознания, таким образом, выполняет фактически функцию памяти, сохраняя актуально негативные, но потенциально позитивные значения. «В базовом содержании, – пишет Аллахвердов, – заранее должны присутствовать все варианты позитивного выбора – не только настоящего, но и будущего» [Там же, с. 499]. Иногда то, что ранее осознавалось, может выбираться негативно. Тогда происходит революционная перестройка понимания ситуации: значение из базового содержания сознания становится позитивно выбранным, то есть осознается. Инсайт, по мнению Аллахвердова, как раз демонстрирует такой симультанный переход от одного значения к другому, ранее не осознанному.

В.М. Аллахвердов считает, что сознание множественно, и правомерно выделять сенсорное, моторное, сенсомоторное и мотосенсорное сознание. Требование независимости их работы продиктовано необходимостью проверки результатов, полученных в ходе деятельности разных сознаний. Независимая проверка деятельно-

сти моторного и сенсорного сознаний производится в сенсомоторном и мотосенсорном сознаниях [Аллахвердов, 1993, с. 310-321; 2003, с. 235-247]. В целом теория сознания В.М. Аллахвердова не только имеет достаточно устойчивый эмпирический базис, но и является наиболее логически цельной.

При анализе подходов к изучению сознания нельзя оставить без обсуждения проблему понимания, так как понимание отражает родовую гносеологическую функцию сознания. Важность феномена понимания как собственно психологической проблемы трудно переоценить. Понимание имманентно присуще всем формам сознательной активности, поэтому описание логики функционирования психических механизмов понимания – это и есть, по существу, объяснение того, как работает аппарат сознания. Фундаментальную сложность проблемы понимания отмечает В.П. Зинченко, точно заметив: «Легче разгадать понимаемое, чем понимание» [Зинченко, 1998, с. 98].

В отечественной психологии понимание изучается в совершенно разных контекстах. Поэтому термин «понимание» используют и когнитивные психологии, и социальные психологии, и экзистенциальные психологии [Бодалев, 1982; Величковский, 1982; Пирьев, 1988 и др.]. Среди психологических исследований следует особо отметить работы В.В. Знакова, в которых понимание рассматривается не только в контексте познавательной активности субъекта, но и в процессе социального взаимодействия, в ситуациях общения и совместной деятельности [Знаков, 1994, 2000, 2001, 2002, 2005].

В.В. Знаков считает, что на современном этапе развития научно-психологической мысли можно говорить о двух главных подходах к изучению феномена понимания: «познавательном и экзистенциальном» [Знаков, 1994]. Исследователь полагает, что анализ понимания с точки зрения психологии познания, которая рассматривает его как познавательную процедуру, «направленную на смыслообразование, приписывание смысла знанию», дает представление

лишь об отдельных характеристиках понимания. Как указывает Знаков, «это метод скорее аналитического расчленения, чем синтетического объединения разных и нередко противоречивых данных о целостном феномене» [Там же]. Поэтому проблему понимания следует решать с позиции психологии человеческого бытия, согласно которой «понимание нужно субъекту для того, чтобы понять мир и самого себя: определить, что он есть, какое место занимает в мире». Изучение конкретных ситуаций, в которые включается человек в своей жизнедеятельности, подразумевает опыт целостного понимания этих ситуаций в «экзистенциальном ракурсе рассмотрения» [Там же].

При объяснении феномена понимания В.В. Знаков выделяет два существенных аспекта. Во-первых, автор указывает на то обстоятельство, что «понимая факты, события, ситуации, мы всегда выходим за непосредственные границы понимаемого и включаем его в какой-нибудь более широкий контекст». Во-вторых, «для того, чтобы что-либо понять, нам всегда нужно соотнести понимаемое с нашими представлениями о должном, то есть ... с такими ценностными представлениями понимающего субъекта, которые представлены в принимаемых им социальных, групповых, моральных нормах поведения» [Там же]. Эти два аспекта в совокупности определяют психологическую специфику феномена человеческого понимания.

В.В. Знаков ставит проблему взаимообусловленности понимания и самопонимания. Он справедливо замечает: «Понимание всегда одновременно является и самопониманием. Независимо от того, на что направлено понимание – на изучение человека, общества или природы, – это всегда процесс самопонимания. ... Любой акт понимания осуществляется в двух направлениях. Даже если мы пытаемся понять что-то внешнее, какую-то объективную реальность, мы выражаем самих себя, познаем, расширяем и понимаем свой внутренний мир» [Знаков, 2002]. Понимание выполняет важней-

шую функцию, поскольку основной экзистенциальной потребностью человека является стремление понять смысл своего существования, осознать свое место в мире. Говоря о самопонимании как «осмыслении полученных в ходе самопознания знаний, придании им смысла, их упорядочении, объяснении, рассмотрении возможных причин и следствий», В.В. Знаков выделяет три основных направления психологического анализа этого феномена: во-первых, понимание субъектом «своих индивидуально-психологических особенностей – знаний, умений, мотивов, достижений, планов и т.п.», во-вторых, понимание им «конкретного характера и причин того, как он понимает других людей», и, в-третьих, «рефлексивное понимание», состоящее в том, как субъект понимает то, как к нему относятся и как его оценивают другие [Знаков, 2001]. Так как в мире человека понимание различных явлений осуществляется «изнутри социокультурной среды как самопонимание, то есть понимание субъектом себя как члена культурно-языковой общины, ... проблема, – отмечает В.В.Знаков, – заключается в поисках того целостного контекста, в который субъект включает все, что должно приобрести для него смысл. ... Этот контекст следует искать как во внешнем мире, общении с другими людьми, так и во внутреннем мире субъекта». Социально-психологическим механизмом понимания мира и себя в этом мире, согласно Знакову, является социальная идентификация, проявляющаяся в избирательности социальных взаимодействий. Социальные контакты необходимы для подтверждения субъектом собственного мнения о себе путем сопоставления понимания себя с его пониманием другими, занимающими различное положение в социальной иерархии [Знаков, 2000].

Анализируя ситуации, требующие от субъекта понимания чего-либо, В.В. Знаков выделяет три формы понимания, возникновение которых обусловлено особенностями конкретной ситуации и спецификой решаемой субъектом задачи:

1) «*понимание-узнавание*» объекта, события, ситуации, возникающее при решении задачи на распознавание»;

2) «*понимание-гипотеза*», возникающее в том случае, если «*понимающий субъект выдвигает гипотезу, делает предположение о том, к какой области относится объект*»;

3) «*понимание-объединение*», возникающее ... при решении задачи на объединение, конструирование целого из частей» [Знаков, 2002].

Автор особо подчеркивает, что «*смысловой анализ и понимание коммуникативной ситуации зависит от личностного и субъективного значения, которое она имеет для человека*» [Знаков, 2000]. В связи с этим рассматривается проблема объективных и субъективных условий понимания. К таким условиям относятся:

1) целевое условие понимания, заключающееся в том, что «*человек обычно понимает только то, что соответствует его прогнозам, гипотезам, целям*»;

2) мнемическое условие, которое состоит в факте того, что «*человек понимает только то, что он может соотнести со своими знаниями, что не противоречит его прошлому опыту*»;

3) эмпатическое условие заключается в том, что «*нельзя понять другого человека, не вступив с ним в личностные отношения, не проявив эмпатию по отношению к нему*»;

4) нормативное условие: «*для достижения взаимопонимания в коммуникативных ситуациях люди должны исходить из одних и тех же постулатов общения и соотносить предмет обсуждения с одинаковыми социальными образцами, нормами поведения*» [Знаков, 2002].

В.В. Знаков в своем подходе стремится соотнести понимание как смыслообразующий акт: «*...понимание опосредует процесс получения знания, наделяя его смыслом. ... Совершенные догадки, предположения, умозаключения, найденные ответы на вопросы и образуют различные конкретные операциональные смыслы знания*

для познающего субъекта» [Знаков, 1994, с. 33], «любое понимание всегда основано на той или иной интерпретации» [Там же, с. 41] и понимание как способ существования человека в мире, как модус экзистенции, тем самым сближая психологию познания и персонологию.

Как известно из истории психологии, попытки определить психические структуры или функции этих структур без учета исходного материала, который выступает содержанием психического опыта, оказались бесперспективными. Реально работающую научную теорию нельзя построить без анализа материала психики [Веккер, 2000]. Смысл как раз и является элементарной частицей материи психической реальности. Согласно такому пониманию, содержанием психики (а не только сознания) является смысловой материал. Таким образом, данным определением утверждается, что психика человека «написана» на языке смыслов. Положение о смысловой природе человеческой психики получило ранее обоснование в авторских монографиях «Человек как смысловая модель мира» (2000) и «Основы смысловой теории сознания» (2003).

Понятия «сознание», «смысл» и «понимание» предполагают друг друга и не могут рассматриваться обособленно. «Вне понимания также нет смысла, как и понимание – есть усвоение некоторого смысла», – отмечает Н.А. Менчинская [Менчинская, 1962, с. 155]. Опыт осознания мира есть опыт понимания в мире, а событие понимания есть событие сознательной жизни.

Положение о смысловом субстрате психики человека разделяют многие отечественные ученые. О том, что любое внешнее, в том числе и речевое, воздействие, которое имеет значение, представлено в сознании субъекта познания как смысл этого воздействия, писал А.Н. Леонтьев, понимая процессы «означивания смыслов» и «осмысления значений» как перевод содержания сознания из интрапсихической в интерпсихическую форму и наоборот. Вспомним и Л.С. Выготского, который рассматривал внутренний мир челове-

ка как смысловую систему, находящуюся в динамическом равновесии [Выготский, 1996а, с. 20]. Неслучайно Л.С. Выготский считал, что в основе теории высших психических функций должно «лежать учение о системном и смысловом строении сознания человека» [Выготский, 1960, с. 386]. А.И. Худяков, в свою очередь, вполне солидарно с Выготским, утверждает: «Сознание... – семантическое (смысловое) образование» [Худяков, 2001, с. 170].

Существует множество эмпирических фактов, демонстрирующих невозможность непонимания. Анализ экспериментальных данных позволил В.М. Аллахвердову обобщить законом Юма («сознание не знает беспричинных явлений») множество известных в психологии эмпирических эффектов [Аллахвердов, 2000, с. 290]. Убеждение «все происходящее имеет смысл» сохраняется за счет игнорирования противоречий, поиска объяснений, понимания собственного непонимания. Поскольку любые формы активности сознания представляют собой процессы понимания, сознание не знает ни беспричинных, ни бессмысленных явлений.

Следует отметить, что исследования феномена сознания в современной зарубежной науке отличаются несколько иной направленностью и спецификой решаемых проблем по сравнению с опытом изучения сознания в отечественной психологии. На это, в частности, в своем обзоре, посвященном анализу зарубежных подходов, указывает Г.В. Акопов [Акопов, 2003]. По классификации Д. Чалмерса, в западноевропейской и американской науке все проблемы, интересующие исследователей сознания, можно дифференцировать на три тематические группы:

- 1) философия сознания;
- 2) философия теории психических явлений;
- 3) наука о сознании [Chalmers, 1996].

Собственно психологические проблемы, таким образом, относятся, согласно этой классификации, к общей проблематике науки о сознании. Действительно, в зарубежной психологии, кроме фило-

софски ориентированных разработок проблемы сознания, большое количество работ посвящено исследованию когнитивных механизмов сознания [Mandier, 1975; Eilan, 1995; Freeman, 1994; Gazzaniga, 1993; Hameroff, Penrose, 1996; Libet, 1993]. В рамках этого направления тематика исследований весьма многообразна: сознание и время, сознание и искусственный интеллект, визуальное сознание, когнитивные модели сознания, сознание и физика и т.д.

В целом для современной науки о сознании характерно стремление понять не только происхождение и структуру сознания, но прежде всего объяснить принципы, лежащие в основе функционирования сознания. Это означает, что модель сознания нового образца должна будет включать в себя представление о функциональных механизмах, работа которых обеспечивает «внутреннюю» психомеханику сознания. Думается, что при построении такой модели одним из важнейших вопросов, на который должен быть получен ответ, является вопрос о том, каким образом сознание взаимодействует с памятью (в аспекте сохранения информации), так как объяснить эффекты осознания без учета прошлого опыта не представляется возможным.

Выводы

1. Сознание дано носителю познавательной и моторной активности как факт непосредственной данности содержания сознания, как осознаваемый актуальный опыт.
2. Чтобы объяснить, как возникают осознаваемые переживания, нужно выйти за пределы осознаваемого опыта.
3. Сознание имеет семантическое содержание.
4. Содержание сознания непрерывно изменяется.
5. Явления сознания имеют место даже тогда, когда сам человек в результате интроспективного анализа не может о них судить.
6. Не все содержание сознания сознанием осознается в текущий момент времени.

7. Сама познавательная деятельность (работа) сознания сознанием не осознается.

8. Сознание способно неосознанно перерабатывать информацию вплоть до уровня значения.

9. Воспринятая, но не осознанная информация влияет на характер осознаваемого.

10. Память хранит гораздо больше информации, чем человек способен узнать или вспомнить.

11. Теория сознания нового образца должна будет включать в себя представление о функциональных механизмах, работа которых обеспечивает «внутреннюю» психомеханику сознания. В рамках такой теории одним из главных является вопрос о том, каким образом сознание взаимодействует с памятью (в аспекте сохранения информации), так как объяснить эффекты осознания без учета прошлого опыта невозможно.

12. Принятие решения об осознании является важным этапом в построении когнитивного процесса.

13. Осознание служит цели обнаружения подлинного Я человека; способствует самоактуализации – развитию личности в соответствии с ее потенциальными возможностями; приводит к лучшему пониманию себя, разрешению личных проблем, избавлению от психологических травм, открывая новые жизненные горизонты.

ГЛАВА 2. Виды неосознаваемого влияния на принятие решения об осознании/неосознавании¹

В данной главе систематизированы основные виды детерминирующих влияний на принятие решения об осознании/неосознавании. Показаны возможности предложенной структуры описания в плане обобщения эмпирического материала.

В психологии существует не так много исследований, посвященных изучению механизма принятия решения. Хотя, казалось бы, очевидно, что сознанию для реализации акта понимания значения слова, предмета, ситуации или поведенческих проявлений другого человека требуется предварительно принять решение о возможном способе понимания и лишь затем осознать сделанный выбор. Поскольку любое явление реальности может быть истолковано множеством различных способов, в каждый момент времени субъект познания неосознанно решает задачу выбора одного из возможных способов интерпретации явления. В силу этого сам выбор должен осуществляться до момента осознания. Об этом в общетеоретическом контексте рассуждает Г. Бейтсон: «Содержимое экрана сознания систематически отбирается из колоссального разнообразия ментальных событий. Однако о правилах и предпочтениях этого отбора известно очень мало» [Бейтсон, 2000, с. 409]. Описание логики работы механизма принятия решения об осознании представляется важной задачей научно-психологического исследования, решение которой поможет понять неосознаваемые детерминанты деятельности сознания. Можно вполне согласиться с Ю.М. Забродиным и А.Н. Лебедевым, которые считают, что «необходимо выделить оператор принятия решения как отдельный и достаточно общий оператор, который в различных ситуациях как бы видоизме-

¹ Некоторые фрагменты текста этой главы ранее опубликованы в монографии: Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. СПб., Изд-во «Речь», 2003. 140

няется в зависимости от ситуации и от внутреннего состояния наблюдателя, детерминируя смысл оптимального поведения человека» [Забродин, Лебедев, 1977, с. 109]. С такой позицией согласуется вывод В.Ю. Карпинской, которая, изучая механизмы восприятия неоднозначных стимулов, приходит к заключению: «Принятие решения об осознании – необходимый этап при получении двойственной и иллюзорной информации. Каждый раз в двойственном изображении наблюдатель выбирает только один из двух возможных вариантов. Только один вариант осознается в каждый момент времени. Активная роль сознания ... заключается, в том числе в принятии решения о том, что будет осознано из поступившей сенсорной информации. Сам по себе процесс осознания предполагает необходимость принятия решения о том, что будет осознано, а что нет» [Карпинская, 2006].

Как работает механизм принятия решения? Какие детерминанты определяют его работу? Ответы на эти вопросы должны пролить свет на закрытую для внешнего наблюдения и субъективного анализа психомеханику сознания.

В настоящей главе описаны несколько видов неосознаваемого влияния на принятие решения об осознании (неосознавании). Классификация, лежащая в основе данного описания, имеет несколько оснований:

1. Временная отнесенность фактора, детерминирующего принятие решения об осознании.

На этом основании выделены следующие виды влияния:

- *влияние прошлого опыта на осознание;*
- *влияние актуальной информации на осознание.*

2. Осознанность информации, влияющей на принятие решения об осознании.

Данное основание предполагает такую дифференциацию:

- *влияние на осознание осознанной информации;*
- *влияние на осознание не осознанной информации.*

Другим основанием, на котором строится классификация, является:

3. Иррелевантность актуальной информации, влияющей на осознание.

Этим критерием разграничения предусматривается описание двух видов детерминирующих влияний:

- *влияние на осознание воспринятой, но неосознаваемой нерелевантной информации;*
- *влияние на осознание осознаваемой (частично осознаваемой) нерелевантной информации.*

Поскольку неосознавание предлагается трактовать как результат специально принятого сознанием решения о неосознавании, еще одним основанием для разведения видов влияния является

4. Осознание / неосознавание как результат принятого сознанием решения.

В данном случае предметом анализа будут выступать такие виды влияния:

- *влияние на принятие решения об осознании;*
- *влияние на принятие решения о неосознавании.*

Таким образом, построенная иерархическая классификации описывает 6 основных видов неосознаваемого влияния на принятие решения об осознании (неосознавании) и дает возможность описать с единой позиции разрозненные факторы, обуславливающие эффекты когнитивной деятельности сознания.

2.1. Зависимость принятия решения об осознании от ранее не осознанной информации

Рассмотрим сначала те эмпирические данные, которые согласуются с представлением о латентном содержании сознания, то есть таком содержании, которое сознанием не осознается. Кроме того, эти данные призваны продемонстрировать, что неосознавае-

мое содержание сознания в один момент времени непосредственным образом влияет на конечные эффекты осознания в последующие моменты времени. Таким образом, анализ эмпирических данных будет производиться с целью показать, что осознание всегда возможно только в контексте предваряющих процессов сознавания. Процессы сознавания играют роль преднастройки конечных эффектов осознания. Чтобы что-то осознать или не осознать, сознанию необходимо идентифицировать в процессах сознавания то, что нужно или не нужно осознать, то есть принять специальное решение об осознании. Только после этого может запускаться механизм, отвечающий за осознание.

Прежде чем обратиться к анализу эмпирических данных, необходимо сделать одно уточнение. *О влиянии латентного содержания сознания на эффекты осознания в данном контексте говорится только тогда, когда воздействие, которому соответствует латентное содержание, по времени предшествует объекту осознания.* В наиболее характерной для таких случаев экспериментальной ситуации стимул предъявляют на короткое время экспозиции так, что испытуемые не могут осознать его характерные свойства или даже не могут субъективно судить о факте воздействия. Таким образом, многие описанные ниже экспериментальные случаи являются по существу прайминг-эффектами, или, иначе, эффектами семантического предшествования.

Хотя прайминг и определяют как «изменение способности опознать или извлечь из памяти объект в результате особой предшествующей встречи с этим объектом» [Schacter, Buckner, 1998, p. 185], данный эффект в более расширенной трактовке означает влияние стимула (как правило, вербального стимула) на последующие осознаваемые реакции испытуемого (ассоциативные реакции, выбор одного из изображений двойственной фигуры, сенсомоторные реакции, выбор типа решения когнитивной задачи и т.д.). Прайм-стимул, оказывающий влияние на результаты последующей когни-

тивной деятельности, может осознаваться, а может предъявляться и на неосознаваемом уровне. На другом основании различают положительный и отрицательный прайминг-эффекты. В случае положительного прайминга происходит повышение эффективности решения когнитивных задач, например, сокращение времени или увеличение результативности решения. При эффекте отрицательного прайминга говорят о снижении эффективности познавательной деятельности. В частности, отрицательный прайминг некоторые авторы усматривают в задержке реакции на целевой стимул, который в предыдущей пробе выступал в качестве игнорируемого стимула (дистрактора) [Tipper, Driver, 1988]. Иногда явление рассматривают как родственное слепоте к повторению [См. Фаликман, 2001].

Изучению прайминг-эффекта посвящено значительное количество работ [См., например, Merikle P.M., Reingold, 1990; Merikle, Joordens, 1997; Chua, Goh, Kek, 1996; Фаликман, 2001 и др.]. Как указывает М.Г. Филиппова: «В зарубежных исследованиях методика прайминга комбинируется с рядом специально разработанных экспериментальных процедур: «задачей лексического решения», «задачей дополнения основы слова до целого», «задачей идентификации» и т.д. ...Прайминг-эффект проявляется вне зависимости от того, осознает ли испытуемый стимул-прайм, который задает контекст для решения когнитивных задач, что делает методику прайминга незаменимым инструментом для оценки влияния неосознанно воспринятой информации на сознательную деятельность [Филиппова, 2006]. Действительно, в ряде исследований установлено, что неосознаваемая стимуляция не только обрабатывается на семантическом уровне, но и детерминирует последующие осознаваемые реакции испытуемых [Palmer, Jonides, 1988].

Показательными в этом отношении являются исследования, проведенные А. Марселом [Marcel, 1983, p. 238-300]. В одном из своих экспериментов он предъявлял в течение 10 мс либо слово, либо пустое поле, а затем в течение 30 мс – хаотически располо-

женные буквы для маскировки следа в иконической памяти. Вслед за маскировкой испытуемому надо было решить одну из двух задач. В задаче обнаружения от него требовалось только указать, предъявлялось слово или нет. В так называемой задаче лексического решения испытуемым предъявляли ряд букв и просили как можно скорее определить: слово это или случайный бессмысленный набор букв. В некоторой части проб предшествующее слово было семантически связано со словом буквенного ряда. Результаты показали, что в задаче обнаружения испытуемые с равной вероятностью давали положительные ответы, как в случае предъявления слова, так и в ситуации предъявления пустого поля, то есть не осознавали даже факта предъявления стимульного слова. Но несмотря на это, в задаче лексического решения был обнаружен выраженный эффект семантического предшествования: опознание буквенного ряда как слова происходило значительно быстрее, если оно было по смыслу связано с предшествующим словом [См. Дормашев, Романов, 1999, с. 92]. Следовательно, предъявленное в течение всего 10 мс слово, не выходя на уровень осознания, семантически перерабатывается, то есть создается! Сделанный вывод подтверждают результаты экспериментов, в которых предшествующее слово было двусмысленным. Например, предъявление на подпороговом уровне слова palm (пальма, ладонь) ускоряла лексическое решение (опознание) как для буквенного ряда mapl (клен), так и для буквенного ряда wrist (запястье) [Там же, с. 93].

Эмоционально значимые слова, предъявляемые на неосознаваемом уровне, могут влиять на впечатления испытуемого о последующих, осознано воспринятых изображениях. В одном из экспериментов испытуемому несколько раз предъявляли на достаточное для осознания время изображение мужчины с нейтральным выражением лица. Между предъявлениями демонстрировали на подпороговом уровне отдельные слова: «счастливый» и «сердитый». При предъявлении слов испытуемый обычно воспринимал лишь неко-

торое колебание изображения мужчины. Оказалось, что подпороговое предъявление слов прямо влияет на оценку «нейтрального» лица – испытуемые воспринимают его как приятное при предъявлении слова «счастливый» и описывают как неприятное в случае, когда предъявлялось слово «сердитый». [См. Костандов, 1977, с. 103, 104]. Аналогичное влияние неосознаваемых вербальных стимулов на оценку нейтрального изображения было обнаружено и в других исследованиях. Например, в одном из экспериментов при помощи специальных очков неосознаваемые слова предъявлялись на один глаз, а изображения лица – на другой. Результаты показали явное влияние не осознанных стимулов на интерпретацию выражения лица [Там же].

Нетипичную экспериментальную процедуру для исследований прайминг-эффекта предложила М.Г. Филиппова. Она применила оригинальный методический прием: в качестве прайма использовала одно из неосознаваемых изображений реверсивной фигуры. В эксперименте ставилась цель обнаружить влияние неосознаваемых значений многозначных фигур на результаты решения когнитивных задач. Стимулы предъявлялись испытуемым на экране монитора. Экран был разделен на две части. В одной части экрана на несколько секунд предъявлялась прайм-фигура, в другой – условие когнитивной задачи. В качестве прайм-фигуры использовались различные, в том числе двузначные, изображения. После предъявления прайма испытуемый должен был отнести стимул к одной из категорий: «бессмысленный рисунок», «объект определенного класса» (мужчины, женщины, животные, птицы, насекомые, природа, предметы), назвав свое обозначение стимула. Двойственные фигуры могли быть отнесены к двум классам объектов. После идентификации фигуры испытуемые решали серию когнитивных задач. В ходе решения ранее предъявляемое изображение появлялось снова в левой части экрана. Предполагалось, что изображение может задавать контекст для решения когнитивных задач. Причем, если

предъявлялись многозначные праймы, фигура постепенно изменялась, принимая вид того изображения, значение которого не было осознано испытуемым ранее (для двойственных изображений – одного из двух его значений, для незавершенных – его завершенного варианта). Однозначные и бессмысленные праймы не изменялись. В процессе решения когнитивных задач испытуемый мог в любой момент времени исправить ранее введенное обозначение стимульной фигуры. «Момент исправления ответа испытуемым, – указывает М.Г. Филиппова, – считался моментом осознания «нового» значения, что позволило сравнить решение задач до и после осознания. После выполнения ряда заданий (от 8-ми до 16-ти) ... испытуемый приступал к опознанию следующего изображения в левой части экрана и т.д. ... Поскольку нас интересовало решение задач испытуемыми до и после осознания «новых» значений, первоначально изображения-праймы предъявлялись в условиях, затрудняющих осознание второго значения (с использованием размытия и движущейся маски). Затем были использованы условия, способствующие осознанию испытуемым первоначально не обнаруженных значений (изображение приобретало однозначную интерпретацию)» [Филиппова, 2006]. Результаты эксперимента показали, что ранее не осознанные значения стимульных фигур оказывают отрицательный прайминг-эффект на решение связанных с ними когнитивных задач. Оказалось, что если испытуемые в процессе решения не осознали другое значение двойственной фигуры, то задачи, решение которых было связано с этим значением, выполнялись дольше всего. Автор исследования так поясняет полученные результаты: «Сравнив скорость решения когнитивных задач в зависимости от характера их связи с многозначным изображением-праймом, мы выяснили, что задачи, связанные с его неосознанными значениями, испытуемые решали дольше остальных типов задач. Например, если при предъявлении двойственного изображения «саксофонист/женщина» испытуемый увидел саксофониста, то задачи, ответами на которые

являлись стимулы «женщина» или «платье» (связанные с неосознанным значением прайма), испытуемые решали значительно дольше, чем задачи, ответами на которые являлись стимулы «саксофон» или «концерт» (связанные с осознанным значением прайма), а также дольше, чем задачи, ответами на которые являлись стимулы «собака» или «остров» (не связанные с праймом)». На основании полученных данных М.Г. Филиппова делает вывод: «Поскольку статистически значимые отличия есть даже между временем решения этих задач (связанных с неосознанным значением прайма) и задач, не связанных с праймом ..., можно сказать, что наличие неосознанных значений многозначных стимулов не просто «не способствует», а скорее, препятствует решению когнитивных задач» [Там же, с. 165-181].

Влияние неосознанной информации на эффекты осознания было также продемонстрировано М. Иглом. В его эксперименте испытуемым предъявлялись картинки, на которых был изображен один и тот же подросток в трех различных ситуациях: в первом случае мальчик подносит господину торт, на второй картинке он наносит человеку удар ножом, на третьей подросток спокойно стоит в одиночестве. Графически первые две картинки сходны, хотя кардинально отличаются по смысловому сюжету. Испытуемым на подпороговом уровне экспонировали одно из этих сюжетных изображений. Естественно, при малом времени экспозиции испытуемые не осознавали смысла стимульного изображения. Затем уже достаточно долго испытуемым предъявляли нейтральное изображение для того, чтобы они охарактеризовали личность подростка. Если нейтральная ситуация следовала вслед за дракой, то испытуемые оценивали спокойно стоящего подростка отрицательно; если же ей предшествовала сцена с тортом, то они чаще давали этому же подростку положительную характеристику [См. Дормашев, Романов, 1999, с. 91, 92].

Б.М. Величковский описывает эксперимент, проведенный автором совместно с В.И. Похилько и А.Г. Шмелевым. В эксперименте использовалась зрительная маскировка предъявляемых слов посредством движения слова по горизонтали с угловой скоростью 80 градусов в секунду. Испытуемый при таких условиях стимуляции видит лишь «смазанный» стимул, который не в состоянии осознать. Между тем предъявляемые таким образом слова влияли на эффекты выполнения последующих заданий. Например, испытуемые могли уверенно ассоциировать неосознанно воспринятое слово «ветер» со словом «буран», а не «вечер» [Величковский, 1981, с. 182].

Б.И. Хачапуридзе в эксперименте по проверке степени влияния неосознаваемых раздражителей на формирование у субъекта установки использовал подпороговое предъявление отдельных фраз («загляну в зеркало», «разрежу бумагу», «рассмотрю альбом»). В течение десяти минут определенная фраза предъявлялась порядка 700-800 раз. После этого экспериментатор говорил испытуемым: «Сейчас я подниму занавеску, а вы проделаете какое-нибудь действие над одним из предметов, который вас больше привлекает к себе». Результаты показали, что часто испытуемые совершали то действие, которое было предписано значением неосознаваемой фразы. Чистый эффект внушения (при учете контрольных показателей) составил 30-40% [См. Костандов, 1977, с. 102].

В проведенных исследованиях зависимости эффектов осознания от предваряющей неосознанной информации используются, как правило, вербальные, то есть осмысленные стимулы. Исследовательский интерес представляет зависимость осознанной переработки информации различного типа от специфики ранее не осознанной стимуляции. Для этой цели можно использовать в качестве неосознаваемых праймов наряду со словами числовые ряды и бессмысленные стимулы. Такой эксперимент возможно провести с использованием парадигмы задачи «лексического решения».

Примером влияния неосознанного опыта на осознание может также служить феномен фантомных конечностей. Известно, что после ампутации руки или ноги человек может продолжать чувствовать конечность: ощущать в ней боль, считать, что в состоянии двигать ею, и, даже забывая, что она удалена, пытаться ею пользоваться. У взрослых почти всегда при ампутации наблюдается «фантом конечности». Иногда описанные ощущения проходят быстро, иногда сохраняются на годы. Со временем характер переживания фантомных конечностей меняется. Например, фантомная рука может постепенно сокращаться до размеров культи, так, что, в конечном счете, она ощущается как маленькая рука. М.Л. Симмел провела исследования этого феномена [Симмел, 1997]. Ее основная гипотеза состояла в том, что фантом представляет собой инерционное действие сформированной ранее «схемы тела». Это означает, что могут возникать фантомы только тех частей тела, которые человек имел время освоить. В связи с этим возник вопрос: «Бывают ли фантомы тех частей тела, которые отсутствовали у человека со дня рождения?» Ответ оказался отрицательным. Однако из этого факта не следует, что в процесс овладения «схемой тела» включено обучение в обычном смысле слова. Может быть, фантом возникает при ампутации конечности, которую человек имел хотя бы очень непродолжительное время после рождения? Симмел предположила, что это не так. Только длительное пользование рукой, накопление двигательного и осязательного опыта создают достаточно прочную схему, которая сохраняется и после ампутации. Из этого предположения следовало, что чем старше человек к моменту ампутации, тем вероятнее возникновение фантома. В результате тщательных опросов перенесших ампутацию Симмел показала закономерное увеличение частоты фантома с возрастом. Начиная с 9 лет ампутация всегда ведет к возникновению фантома. Отмечая, что перцептивное и познавательное развитие у детей обнаруживает ту же зависимость от возраста, Симмел делает вывод, что овладение «схемой тела» является частным

случаем относительно сложного процесса научения [Симмел, 1997]. Стоит подчеркнуть: «имплицитного научения». Едва ли есть основания говорить, что образ «физического Я» формируется в онтогенезе осознанно. Есть и другая группа факторов, подтверждающая связь фантома с процессом формирования «схемы тела». Работая с прокаженными, Симмел обнаружила, что фантом не возникает, если части тела (преимущественно пальцы рук и ног) постепенно разрушаются. Такой процесс у прокаженных идет очень медленно, часто растягивается на 10 и более лет и не сопровождается характерной фантомной болью. Однако, когда остатки зараженных пальцев ампутруются, фантом возникает почти всегда. Симмел объясняет это следующим образом: «В процессе разрушения схема продолжает соответствовать физической реальности благодаря постепенным изменениям, которые она претерпевает вместе с изменениями тела. При ампутации же физическое изменение организма происходит так быстро, что схема не успевает измениться, и сохранность ее порождает фантом» [Там же].

В принятой терминологии, феномен фантомных конечностей есть осознаваемый эффект, вызванный инерционным действием прошлого, ранее не осознанного опыта овладения «схемой тела».

Таким образом, одним из видов влияния на конечные эффекты осознания является воздействие ранее не осознанной информации. Естественно, что сами эффекты осознания должны быть связаны с тем, что и как субъект будет осознавать в последующем опыте. Поэтому важным видом влияния является воздействие ранее осознанной информации на эффекты осознания. Рассмотрим теперь эмпирические данные, демонстрирующие этот вид влияния.

2.2. Влияние на осознание ранее осознанной информации

Представление о влиянии на осознание ранее осознанного опыта вполне согласуется со здравым смыслом. Действительно, житейская практика показывает, что, как правило, осознается то, что бы-

ло осознанно ранее, а характер осознания соответствует тому, как воспринимался объект или какое-то событие в прошлом опыте осознания. Неудивительно, что эффекты этого вида влияния часто обнаруживают в разных по тематике психологических исследованиях. Так, например, в психологии восприятия достаточно хорошо изученным, хотя и не вполне понятым феноменом, выражающим собой зависимость осознания от прошлого осознанного опыта, является константность. Константность как неосознаваемое включение прошлого опыта осознания в актуальный перцептогенез проявляется в относительной независимости перцепта от актуальных условий восприятия. Диапазон максимальной адекватности образа связан с устойчивостью и сохранностью этого образа в условиях изменяющихся воздействий непосредственно действующих раздражителей. Границы интервала изменений, в которых сохраняется инвариантность пространственно-временной структуры образа, цветоразличения и светлоты образа, определяет предел соответствия перцепта и объекта восприятия. Тот диапазон, в рамках которого перцепт относительно независим от изменений актуальных условий восприятия, обычно называют диапазоном полной константности [Веккер, 1974]. На одном из оснований классифицируют константность относительно пространства самого объекта, константность – по модальности, константность – по интенсивности. То, что это свойство не представлено на доперцептивном уровне, показывает его производность от изначальных характеристик ощущения. Таким образом, любой объект восприятия опознаётся не только на актуальном фоне, но и в контексте прошлого осознанного опыта. Поэтому перцептивный акт представляет собой апперцепцию, то есть восприятие, опосредованное прошлым субъективным опытом индивидуума. Врожденное это или приобретенное свойство? Очевидно, что приобретенное, так как это свойство второго порядка, которое формируется в процессе онтогенеза. Анализ случаев зрительного восприятия людей, постоянно живших в лесу, свидетель-

ствуется о том, что те, кто никогда не видел в своей жизни предметы, находящиеся на большом расстоянии, воспринимают удаленные предметы как маленькие. Нарушение константности величины создает такую иллюзию восприятия размеров объекта, когда объект оценивается не как удаленный, а как маленький. Константность величины – не единственный вид константности. Так, например, константность формы выражается в сохранении инвариантной пространственной структуры объекта при различных условиях восприятия. Глядя под углом на колесо велосипеда, мы воспринимаем его как круглое, хотя в этот момент на сетчатке глаза оптическое изображение имеет форму эллипса. Константность светлоты можно проиллюстрировать следующим примером: белый лист бумаги при лунном освещении и черный уголь при солнечном свете отражают приблизительно одинаковое количество световых лучей. Однако лист бумаги воспринимается как белый, а уголь – как черный, хотя в этих случаях имеет место равенство видимых светлот. Как показали исследования П.А. Шеварева, посвященные изучению интенсивностной характеристики зрительного образа, равенство видимых светлот «наблюдается и в том случае, когда освещенности поверхностей одинаковы, и в том случае, когда эти освещенности неодинаковы» [Шеварев, 1948].

Хрестоматийными примерами влияния сформированных в раннее осознанное опыте мнемических контекстов на работу механизма принятия решения об осознании являются эксперименты, проведенные в 1958 году Ф. Бэгби. В одном из экспериментов испытуемым давали десять пар диапозитивов для просмотра через стереоскоп. Одну группу испытуемых составляли американцы, другую – мексиканцы. С одной стороны диапозитива помещали изображение объекта, характерного для мексиканской культуры (бой быков, черноволосая девушка, пeon). С другой стороны – изображение объекта, который хорошо был знаком американцам (игра в бейсбол, фермер, девушка-блондинка). Изображения в паре имели сходство

по конфигурации, структуре, распределению светотени. В подавляющем большинстве случаев американцы осознавали только то, что было им хорошо известно, а мексиканцы, в свою очередь, только изображения, которые по смыслу близки их опыту. Например, в паре «игра в бейсбол – бой быков» американцы осознанно воспринимали только первое изображение, мексиканцы – только второе [См. Ительсон, 2000, с. 424, 425].

В исследовании О.В. Науменко эффект последействия ранее осознанной информации проявился в повторении ранее выбранных ответов на предъявляемые в качестве стимулов арифметические выражения. Эксперимент включал в себя две серии. В первой экспериментальной серии от испытуемых требовалось как можно быстрее выбрать правильный вариант ответа из двух предложенных. Стимульные задачи были достаточно сложными и не могли быть осознанно решены за отведенное время. Например, испытуемым надо было как можно быстрее выбрать из двух вариантов ответа тот, который являлся корнем третьей степени пяти- или шестизначного числа, например, « $\sqrt[3]{373248} =$ ». Варианты ответов, приведенные под условием каждой задачи, всегда содержали один правильный. По сути, испытуемому надо было угадать, какой ответ верен. Оказалось, что выбор, осуществляемый испытуемыми, не отличается по частоте от случайного, то есть приблизительно в 50 % процентах случаев выбирался верный вариант решения примера. Через одну неделю во второй серии эксперимента тем же испытуемым предлагались те же задачи, но уже с тремя вариантами решения: правильным, «старым» неправильным и «новым» неправильным. Последовательность примеров в списке была изменена. От испытуемых снова требовалось выбрать правильный ответ, но уже из трех вариантов решения. Оказалось, что испытуемые были склонны повторять сделанные ранее, то есть, в первой серии, выборы, хотя этого не осознавали. Повторный выбор правильного ответа значительно отличался от случайного выбора. Автор исследования указывает:

«Реже всего испытуемые во второй серии выбирают тот ответ, который они не выбрали в первой серии, то есть реже всего происходит изменение правильного ответа на предшествующий («старый») неправильный ($p < 0,005$) и неправильного на правильный ($p < 0,005$). Среди всех правильных ответов, выбранных во второй серии, в 68 % случаев в первой серии был выбран правильный, в 32 % – неправильный ответ» [Науменко, 2006]. Данный экспериментальный результат может интерпретироваться двояко. Повторение уже сделанного ранее выбора вместе с тем означает устойчивое отвержение ранее отвергнутого варианта решения. Тем самым обнаруженный экспериментальный факт может рассматриваться и как проявление позитивного выбора, и как эффект неосознанного негативного выбора. (Анализ эффекта неосознанного негативного выбора приведен в следующем разделе).

Зависимость тех или иных осознаваемых реакций от ранее осознанного опыта, по-видимому, лежит в основе плацебо-эффекта. Во всяком случае, эффект «плацебо» возникает лишь при условии, когда человек осознает наличие определенного фактора, хотя в реальности действие этого фактора отсутствует.

В медицине одним из наиболее признанных определений «плацебо» является следующее утверждение: «Плацебо – любой компонент лечения, который намеренно используется ввиду его неспецифического, психологического или психофизиологического действия или который используют ради его ожидаемого, но неизвестного больному и врачу, направленного неспецифического влияния на больного, симптом или болезнь» [Shapiro, 1978, p. 441]. По всей видимости, этот эффект чаще имеет место у гипнабельных лиц, а также у лиц, которые имеют определенные личностные особенности, например, низкий уровень интернальности [См. Годфруа, 1996, с. 192].

Некоторые исследователи отмечают, что независимо от характера терапии – и это при всем многообразии психо- и фармакотера-

певтических подходов – показатели ее успешности различаются незначительно. Поэтому правомерно говорить и о каком-то общем факторе, определяющем эффективность терапевтических сеансов. Нередко высказываются предположения, что эффект плацебо обнаруживается в психотерапевтических подходах, которые идеологически несовместимы между собой. Успех лечения во многом определяется тем, насколько пациент верит терапевту и насколько терапевт верит в эффективность того, что он делает. Порой и прямо заявляют о том, что вообще психотерапия – одна из форм сильного плацебо [Wilkins, 1984, p. 570–573]. Иллюстрацией этих мнений могут служить следующие примеры.

М. Каздин и А. Уилкоксон показали, что больных фобией, которые испытывают непреодолимую боязнь змей, можно вылечить, «заставив их поверить, что на проецируемых на экран «пустых» диапозитивах имеется подпороговое изображение предмета их страхов» [См. Там же]. Терапевтический эффект увеличивается, если пациента знакомить с ложными записями физиологических реакций, которые якобы отражают позитивную динамику его выздоровления [Там же, с.191]. Иначе говоря, если усиливать осознание воздействия, то эффект становится более выраженным.

В работе И.П. Лапина приведены многочисленные эмпирические данные, относящиеся к эффекту плацебо. Вот лишь некоторые из них.

Один из наиболее известных целителей Северной Америки XIX века Квимби признавал, что после назначения множества лекарств, оказавшихся в конечном итоге бесполезными, ... он пересмотрел свои взгляды на врачевание и пришел к выводу, что «успех лечения не зависит ни от какого лекарства, а только от веры больного во врача и в лечебное средство» [Цит. по: Лапин, 2000, с.16].

Когда восьми наркоманам вводили внутривенно плацебо (физиологический раствор), субъективные и сердечно-сосудистые эффекты были качественно сходны с теми, что возникали после инфу-

зии 40 мг кокаина. Перед следующей инфузией физиологического раствора пациентов инструктировали, что им вводят плацебо («плацебо с инструкцией»). В этом случае и субъективные ответы, и учащение пульса, и подъем артериального давления были значительно менее выражены, чем перед первой, «слепой», инфузией физиологического раствора. Авторы исследования расценили разницу между показателями перед «слепой» инфузией и перед «инструктированной» инфузией как свидетельство условно-рефлекторной природы ощущений пациентов и сдвигов в функциях сердечно-сосудистой системы [Там же, с. 79, 80].

Специальное исследование по изучению эффекта плацебо установило, что при плацебо-терапии достоверно снижается интенсивность 17 из 90 симптомов: «нервность и внутренняя дрожь», «излишнее беспокойство», «мысли о конце жизни», «ощущение тупика», «отсутствие интереса ко всему», «ощущение непонимания другими», «трудность в принятии решения» и др. Плацебо уменьшало главным образом трудности межличностного общения, психастенические расстройства и тревожные симптомы [Plevova, Volleloucky, Bastecky, 1979, p. 150, 151].

Существуют и обратные плацебо-эффекты («ноцебо»), которые демонстрируют зависимость осознаваемых проявлений негативного характера от ранее осознанных воздействий. Такие эффекты связаны с ухудшением самочувствия, обострением заболевания, появлением нежелательных симптомов: тревоги, бессонницы, апатии, головной боли и т. д. [См. Лапин, 2000, с. 65, 66]. Стормс и Нисбетт обнаружили обратный эффект плацебо в исследовании студентов, страдающих от бессонницы. Одной группе испытуемых давали плацебо (сахарную пилюлю) «успокаивающего действия», другим – «возбуждающего действия». «Успокаивающее плацебо» имело обратный эффект. Испытуемые заявляли, что для того чтобы уснуть, им потребовалось приблизительно на 40 % времени больше, чем обычно. Почему возникает обратное действие плацебо? Авторы ис-

следования предлагают такое объяснение: обнаружив свое обычное возбуждение, испытуемые, получившие «успокоительное», заключили, что «бессонница сегодня разыгралась еще сильнее, чем обычно, и даже успокаивающее не действует». Отсутствие положительного эффекта они склонны были расценивать как свидетельство своей возрастающей неспособности справиться с бессонницей. «Возбуждающее плацебо» парадоксальным образом успокаивало. Испытуемые гораздо быстрее засыпали, относя свое привычное возбуждение на счет действия пилюли, а не своих проблем; даже приняв возбуждающую таблетку, они не делались более беспокойными, чем обычно [См. Росс, Нисбетт, 1999, с. 376, 377].

В контексте данного рассмотрения эффект плацебо есть результат влияния ранее осознанной информации на неосознаваемое принятие решения об осознании.

В некотором смысле родственным эффекту плацебо является действие установки. Влиянию сформированной у субъекта установки на эффекты осознания (обнаружения стимула, узнавания, оценивания, принятия решения и т. д.) посвящено большое количество психологических работ. В ряде исследований показано, что действие установки может быть различным. (Что также делает эффекты установки схожими с эффектами плацебо). Кроме того, сами установки могут быть дифференцированы на виды. Так, например, Д. Узнадзе различал установки на количественные отношения и установки на качественные свойства [Узнадзе, 2001, с. 92]. Влияние ранее осознанного опыта на неосознаваемое принятие решения об осознании наиболее очевидным образом обнаруживает себя в эффектах действия установки на качественные свойства. В одном из своих экспериментов Д. Узнадзе наглядно продемонстрировал этот вид влияния. Эксперимент включал в себя две серии: установочную и критическую. Сначала проводилась установочная серия, во время которой испытуемым тахистоскопически предъявлялся ряд слов (30), которые читались только по-латыни, – по 5 букв в каждом

слове. Затем, в критической серии, – русские слова, которые можно было читать и по-латыни, например, «почва», «топор», «рупор» и т.п. Оказалось, что установка на чтение латинских слов проявилась при осознании слов в критической серии. «Первое, что обращает на себя внимание, – отмечает Узнадзе, – так это то, что здесь совершенно определенно фиксируется установка на чтение латинских слов: читая ряд слов, испытуемый настраивается читать по-латыни. Следующие затем русские слова играют роль критических, и оказывается, что испытуемый читает их согласно выработанной раньше установке, как латинские слова, например, вместо прекрасно ему известного слова «топор» испытуемый читает «моноп», вместо «порча» он говорит «нопра» и т.д.» В эксперименте Узнадзе все 100 % испытуемых обнаружили эффект последствия установки. Показательно также и то, что в 25 % случаев действие установки сохраняется через один месяц, в 60% – случаев через однодневный интервал, а в тот день, когда проводятся установочные опыты, у всех испытуемых без исключения имеет место последствие. Это, по мнению Д. Узнадзе, говорит о стабильности установки на качественные данные [Узнадзе, 2001, с. 102].

Аналогичным эффекту действия установки на качественные данные является пример влияния осознанного опыта на эффект восприятия неоднозначного стимульного изображения. Если испытуемым последовательно предъявлять двузначные числа, например, 23, 54, 14, 67 и т.п., а затем предъявить стимул, который может интерпретироваться и как число «13», и как буква «В», то в подавляющем большинстве случаев испытуемые воспримут этот стимул как «13». Если же перед предъявлением этого же стимула экспонируется буквенный ряд (А, Л, К, М, Н и т.д.), испытуемые видят не число «13», а букву «В».

В когнитивных исследованиях нередко используют экспериментальную методику «лексического решения». Выше уже были описаны исследования, в частности, исследование А. Марсела, где была

использована эта экспериментальная парадигма. Чаще к задачам «лексического решения» прибегают в целях изучения влияния неосознанной информации на эффект работы сознания в ситуации выбора одного из двух вариантов ответа: «правильное слово» или «бесмысленный набор букв». Д.А. Суинни провел серию экспериментов, в которых использовал в качестве осознаваемого прайма двусмысленные слова. В одном из таких экспериментов он предъявлял испытуемым предложения типа следующего: «Человек не удивился, обнаружив в углу комнаты несколько пауков, тараканов и жучков». Слово «жучки» (bugs) является омонимом и означает либо насекомых, либо подслушивающие устройства. Д.А. Суинни заинтересовало, как семантическая неопределенность этого слова, притом, что оно было уже воспринято в соответствующем контексте, будет влиять на лексическое решение [Swinney, 1979, p. 645-659]. После прослушивания предложения испытуемым предъявляли пары слов. Первое слово в паре – «жучки». Вторым членом пары были слова «муравей», «шпион» либо нейтральное слово, например, «шить». Было установлено, что слова «муравей» и «шпион» распознаются быстрее, чем нейтральные слова, то есть те, которые не ассоциируются ни с одним значением слова-омонима. Правда, этот эффект имеет место, если межстимульный интервал между праймом и оцениваемым словом составлял не более 400 мс. Интересно отметить, что при таких параметрах процедуры эксперимента не было обнаружено различий в скорости распознавания слов «муравей» и «шпион». Дж. Р. Андерсон, обсуждая этот результат, делает вывод, что «... предъявление слова «bugs» сразу активировало оба значения слова «bugs» [Андерсон, 2002, с. 384]. Если интервал между словом-праймом и оцениваемым словом превышал 700 мс, то лучше распознавалось слово «муравей». Таким образом, можно сказать, что независимо от предшествующего контекста на начальных этапах когнитивной обработки активируются все значения слова с лексической неопределенностью и лишь затем совершается неосознаваемый вы-

бор того значения, которое соответствует ранее осознанному контексту. Сходную интерпретацию результатов описанного эксперимента предлагает Дж. Р. Андерсон: «...два значения неоднозначного слова на мгновение активны, но под влиянием контекста очень быстро выбирается подходящее значение» [Там же]. С. Пинкер – один из крупнейших современных психолингвистов – дает такую трактовку описанному эксперименту: «... мозг с ходу выдает обе словарные статьи для слова «жучок», несмотря на то, что одну из них было бы разумно заранее отклонить. Неподходящее значение не задерживается в сознании надолго. ... Возможно, именно поэтому люди отрицают, что они хоть как-то принимают во внимание неподходящее значение» [Пинкер, 2004, с. 201, 202].

Примеры воздействия ранее осознанной информации на осознаваемые когнитивные эффекты можно множить бесконечно. Начиная от сенсорных эффектов, которые выражаются в фактах инерции сенсорных впечатлений (послеобразах), и заканчивая социально-психологическими феноменами, (например, эффект первого впечатления), – везде мы встречаемся с прямым влиянием ранее осознанного опыта на деятельность сознания. Само по себе это не удивительно, так как опыт осознания является главным основанием для организации субъектом собственного поведения и планирования своих действий.

2.3. Неосознавание как следствие влияния ранее не осознанной информации

Прежде чем рассмотреть эффекты последствия ранее не осознанной информации, то есть те экспериментальные факты, которые иллюстрируют зависимость принятия решения о неосознавании (невоспроизведении, неузнавании, неосознанном игнорировании информации, ошибочном осознании) от ранее не осознанного опыта, следует логически обосновать невозможность забывания в смысле стирания следа или потери информации с течением време-

ни, а также проанализировать те эмпирические случаи, которые согласуются с такой точкой зрения. Только в этом случае можно говорить о неосознавании, во-первых, как о закономерном явлении и, во-вторых, как о результате специально принятого сознанием решения (в частности, на основе ранее полученной неосознанной информации) о неосознавании.

2.3.1. Сохранение информации при невозможности ее осознания

Обыкновенно считается, что, если человек что-либо забыл, следовательно, он этого не помнит. Хотя, когда мы что-либо забываем, – а об этом мы судим на основании того, что не можем вспомнить в определенный момент времени, – мы помним о том, что именно забыли. Это отчетливо понимал еще Блаженный Августин, который задался вопросом: «Как можно пытаться вспомнить то, что забыто?». «Когда сама память теряет что-то, как это случается, когда мы забываем и силимся припомнить, то где производим мы наши поиски, как не в самой памяти? – спрашивает Августин. – И если случайно она показывает нам что-то другое, мы это отбрасываем, пока не появится именно то, что мы ищем. А когда это появилось, мы говорим: «Вот оно!» Мы не сказали бы так, не узнай мы искомого, и мы не узнали бы его, если бы о нем не помнили. Мы о нем, правда, забыли. Разве, однако, оно не совсем выпало из памяти и нельзя по удержанной части найти и другую? Разве память не чувствует, что она не может целиком развернуть то, к чему она привыкла как к целому? Ущемленная в привычном, словно охромев, не потребует ли она возвращения недостающего?» [Августин, 1998, с. 23].

Августин впервые описал известный в психологии памяти феномен «на кончике языка», обратив внимание на то обстоятельство, что при невозможности вспомнить какое-то хорошо известное имя, человек в момент попытки воспроизвести это имя вместе с тем ясно

осознает, что это имя он помнит, но вспомнить не может. «Если мы видим знакомого или думаем о нем и припоминаем его забытое имя, – говорил Августин, – то любое, пришедшее в голову, с этим человеком не свяжется, потому что нет привычки мысленно объединять их. Отброшены будут все имена, пока не появится то, на котором и успокоится память, пришедшая в равновесие от привычного ей сведения. А где было это имя, как не в самой памяти? Если даже нам напомним его кто-то другой, оно все равно находилось там. Мы ведь не принимаем его на веру, как нечто новое, но, вспоминая, только подтверждаем сказанное нам. Если же это имя совершенно стерлось в памяти, то тут не помогут никакие напоминания. Забыли мы его, однако, не до такой степени, чтобы не помнить о том, что мы его забыли. Мы не могли бы искать утерянного, если бы совершенно о нем забыли» [Там же, с. 23, 24].

В данном случае мы имеем дело с интересным проявлением памяти: «забыл, но помню, что именно забыл». В настоящее время не существует доказательств того, что информация (а информация, хранящаяся в человеческой памяти, является по своей природе смысловой информацией), однажды попавшая в память, с течением времени может бесследно исчезнуть. Вместе с тем психологами еще не предложены доказательства того, что информация, однажды запомненная, с течением времени никуда не исчезает. Хотя в научной литературе нередко встречаются высказывания на этот счет. Например: «Память непрерывна в том смысле, что никоим образом нельзя искусственно уменьшить ее содержимое, стереть что-либо». Авторы этого утверждения настаивают на том, что на современном этапе развития психологической науки не существует средств, которые бы позволили стереть ту или иную зону памяти, или, иначе, «вызвать амнезию в полном смысле слова, амнезию абсолютную» [Смирнов, Безносюк, Журавлев, 1995, с. 65].

Обращаясь к первым в психологии исследованиям памяти, следует отметить, что некоторые открытые Эббингаузом эмпириче-

ские закономерности еще не в полной мере осмыслены. Взять хотя бы экспериментальный факт, который уже отмечался в контексте историко-психологического анализа: спустя время после того, как испытуемый заучил некоторый материал, ему предлагается воспроизвести искомый стимульный ряд. Испытуемый при всем желании не может вспомнить ни одного стимульного элемента. Вроде бы тривиальное явление. Но оказывается, что для того, чтобы повторно заучить тот же самый материал, испытуемому требуется гораздо меньше времени, чем ранее. А это означает, что испытуемый все же помнит о том, что не помнит!

Как же устроена память, если можно помнить, будучи не способным вспомнить? Попробуем если не ответить на этот вопрос, то во всяком случае определить возможный путь решения, идейный контур, помогающий обозначить вероятное направление поисков.

Со времен Г. Эббингауза общеизвестно, что удержание информации в памяти зависит от времени. Чем больше интервал удержания, тем ниже продуктивность воспроизведения. Однако невозможность в актуальный момент времени воспроизвести некоторую искомую информацию не должно расцениваться как свидетельство отсутствия этой информации в памяти. Но обычно именно по эффективности воспроизведения или узнавания судят о сохранности заученного материала. Действительно, если испытуемый не воспроизводит или не узнает ранее предъявленную информацию, то, казалось бы, это должно служить подтверждением факта забывания, так как других эмпирических критериев сохранности информации не существует. В житейской практике именно так и рассуждают, говоря о сохранности в памяти информации. Хотя ясно, что эффективность воспроизведения характеризует исключительно способность субъекта к произвольному извлечению некоторого информационного материала, хранящегося в памяти, и никоим образом не может выступать в качестве релевантного опытного референта отсутствия в памяти этого материала. Как ни парадоксально,

забывание как эмпирический феномен не может являться предметом эмпирического исследования. Если субъект даже не помнит о том, что хочет вспомнить, нет оснований полагать, что когда-то ранее запомненная информация не содержится в его памяти. «Пусть человек уверен, что он ничего не помнит, – замечает В.М. Аллахвердов, – на самом деле он все же вполне может что-то хранить... в своей памяти. Даже когда наше сознание забывает, оно на самом деле помнит что-то из забытого, помнит то, что как бы не помнит» [Аллахвердов, 1998, с. 117].

Известно, что могут быть разные формы обоснования: как индуктивные, так и дедуктивные. Выберем сначала индуктивный путь и рассмотрим несколько показательных эмпирических примеров.

Простейшим случаем, демонстрирующим сохранность в памяти определенной информации при субъективной неспособности к ее произвольному воспроизведению, служит выполнение элементарного диагностического задания с использованием метода узнавания. Так, например, если человеку предъявить 20-25 слов, то едва ли он запомнит все слова ряда с первого предъявления. Если этому же испытуемому после воспроизведения предложить другой ряд, который составлен как из новых слов, не входящих в первый стимульный ряд, так и из тех, которые не были воспроизведены, то испытуемый, как правило, всегда легко опознает те слова, которые предъявлялись ему в первом стимульном ряду.

В 1941 году Х. Барт обнаружил свидетельство возможности сверхдлительного сохранения запомненного материала, запечатленного в ранние детские годы. Каждый день в течение трех месяцев, начиная с пяти месяцев, ребенку читали три отрывка на греческом языке. Между 18-м и 21-м месяцами ему ежедневно прочитывались три других отрывка. Так продолжалось до 3-х летнего возраста ребенка, и при этом для каждых последующих трех месяцев брались новые отрывки. В общей сложности был прочитан 21 отрывок. В возрасте 8,5 лет испытуемый выучил 7 из этих отрывков и

3 новых. Было установлено, что старые отрывки заучиваются на 30 % быстрее новых. Сохранение материала в памяти оценивалось по разнице в количестве повторений, необходимых для заучивания старых и новых отрывков. В возрасте 14 лет (то есть спустя примерно 11 лет) сохранение составило 8 %, а в 16 лет различий уже не было отмечено [См. Зинченко Т.П., 2000, с. 103, 104].

В 1973 году Л. Стэндинг провел следующий эксперимент. Испытуемым показывали серию слайдов с фотографиями лиц. Каждый стимул предъявлялся один раз в течение пяти секунд. Спустя два дня Стэндинг проверил эффективность воспроизведения. Использовался метод узнавания. Испытуемым показывали две фотографических картинки – одну старую и одну новую – и просили указать, какая из фотографий предъявлялась ранее. Даже, когда Стэндинг довел исходное количество слайдов до 10000 (!), частота ошибок была очень низкой [См. Роуз, 1995].

Анализ клинических наблюдений показывает, что при невозможности воспроизвести ранее запомненный материал, больные, страдающие амнезией, все же сохраняют этот материал в памяти. С.С. Корсаков, изучая расстройства памяти, главным образом случаи «забывания недавнего прошлого», приходит к заключению, что «при потере памяти способность фиксации все-таки остается» [Корсаков, 1998, с. 75]. Красноречивы выводы, которые делает Корсаков, обобщая свои клинические наблюдения: «Для человека, изучающего законы нормальной душевной жизни, описываемые мною случаи могут представить интерес со стороны следующих пунктов: 1) поразительно, что иногда впечатления недавнего исчезают из памяти больного почти моментально. Только что событие кончилось, и больной уже не может его вспомнить; 2) оказывается, однако, что, хотя больной и решительно не может вспомнить того, что только что случилось, но след от этого остается в психике больного и через некоторое время, может быть через год, вдруг неожиданно всплывает в сознании. То, что больной моментально по-

забывает, потом делается способным к воспоминанию. При этом оказывается часто, что целый ряд следов, которые решительно не могут быть восстановлены в сознании ни активно, ни пассивно, *продолжают жить в бессознательной жизни* (курсив А.А.), продолжают направлять ход мыслей больного, подсказывают ему те или другие выводы и решения» [Там же, с. 74].

В 1911 году Э. Клапаред описал любопытные факты, связанные с поведением больных, имеющих корсаковский синдром. Клапаред в течение нескольких дней здоровался с одним больным и незаметно колол его в момент рукопожатия иглой. Больной перестал подавать Клапареду руку. Вместе с тем он не узнавал его и не помнил ни факта укола, ни факта того, что с ним здоровались [См. Зейгарник, 2000, с. 132]. А.Н. Леонтьев вырабатывал у подобных больных условный рефлекс на болевой раздражитель, хотя больные не помнили этого и не могли осознать этого факта [Там же, с. 132].

В одном из экспериментов сравнивались больные, страдающие амнезией, и нормальные испытуемые. Им предлагалось запомнить список слов. После заучивания испытуемых просили воспроизвести все, что они запомнили. Амнестические испытуемые выполняли задание хуже, чем обычные. Затем испытуемым предъявлялись три первые буквы слова, которое они заучивали, и давалось задание закончить слово. Вероятность случайного совпадения составляла 10 %. Однако испытуемые правильно выбирали слово более чем в 50 % случаев. Кроме того, не было значимых различий по этому признаку между нормальными и амнестическими испытуемыми, которые не могли получить сознательный доступ к этим словам [Андерсон, 2002].

Б.В. Зейгарник приводит любопытный клинический случай, описанный Э.А. Коробковой. Больному во время клинической беседы показывают часы и спрашивают, как этот предмет называется. Хотя он и отвечает, что не знает, но через некоторое время говорит:

«Я прежде знал, у меня тоже были часы, а сейчас я забыл, как это называется» [Зейгарник, 2000, с. 45, 46].

Многочисленны случаи так называемой феноменальной памяти. Известно, что поразительную музыкальную память имели Моцарт и Бетховен, феноменальной зрительной памятью обладали художники Н. Ге и Г. Дорэ. А. Македонский знал всех своих солдат по именам, а феноменальную память на лица имел А.В. Суворов. Универсальная память была у Шеришевского. Его уникальные способности несколько десятков лет изучали А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия. В литературе описаны и другие примеры сверхдолговременного хранения информации [См. Солсо, 1996, с. 264-272].

В гипнологии используют специальные техники индуцирования особых состояний сознания. Путем внушения, в частности, удается достичь *эффекта возрастной регрессии*. К.И. Платонов рассматривал поведение испытуемых в состоянии гипноза как подлинную репродукцию переживаний, соответствующих внушенному возрасту. В качестве проявлений, указывающих на это, автор упоминает представления, отношения к окружающему, интонацию голоса, характер речи, почерка и рисунка. При использовании тестов Бине-Симона К.И. Платонов получил результаты, соответствующие внушенному возрасту. Позицию подлинности вызываемых в гипнозе состояний поддерживают А. Форель, В.В. Средневский, Р. Труэ, Э. Фромм [См. Психологические исследования творческой деятельности, 1975, с. 150]. Произвольное сознательное подражание образцам детского поведения не приводит к решению некоторых тестов тем способом, который использует ребенок в соответствующем возрасте.

В состоянии гипноза возможно также восстановление «забытого» испытуемым языка, на что указывает Т.П. Зинченко [Зинченко, 2000, с. 104].

А.Р. Лурия, анализируя поведенческий рисунок взрослых испытуемых, находящихся в состоянии возрастной регрессии, заклю-

чает, что их поведение – это не «разыгрывание детской ситуации, а реальное всплывание тех следов, которые отразились в раннем детстве и которые, казалось бы, исчезли» [Лурия, 1970, с. 13].

В состоянии возрастной регрессии даже изменяются психофизиологические показатели в соответствии со спецификой внушенного возраста. «Полученное электроэнцефалографическое исследование состояний детского возраста является принципиальным и важным доказательством объективности гипнотической регрессии возраста», – констатируют специалисты по гипнозу [См. Психологические исследования..., 1975, с. 170].

В гипнозе воспроизводится объективная симптоматика прошлых заболеваний: гипнорепродукционная болезнь по П.Т. Булатову и П.И. Булю. Эти симптомы не могли воспроизводиться без гипноза [Там же, с. 150, 151].

В 1893 году немецкий психиатр Крафт-Эбинг заинтересовался вопросом: «Как долго сохраняются в памяти двигательные навыки, эмоциональные состояния, заученные интеллектуальные приемы и т.п.?» Он погружает в гипнотический сон 33-летнюю женщину и внушает ей, что, когда она проснется, ей будет три года. После пробуждения женщина ведет себя так, как это было свойственно ей в трехлетнем возрасте [См. Лебедев, 1977, с. 68, 69]. Крафт-Эбинг считал, что в гипнозе возможно подлинное изменение личности человека, соответствующее внушаемому образу.

Так, например, пациентку в зрелом возрасте, проходившую психотерапевтический курс, в состоянии гипноза «вернули» в четырехлетний возраст. От близких ей людей стало известно, что в детские годы она любила играть золотыми часами с крышкой, которые давал ей сосед. Хотя в обычном состоянии сознания она это не помнила, в ситуации регрессии возраста, когда терапевт без слов показал ей свои золотые часы с крышкой, она тотчас признала в нем своего бывшего соседа [Эриксон, 1999, с. 39].

В.И. Лебедев, со ссылкой на исследования Н.А. Березанской, приводит примеры ответов взрослых испытуемых, которым внушили в гипнозе, что им пять лет:

«Испытуемая О.

- Почему солнце не падает?

- Потому что большое.

Испытуемая Т.

- Почему солнце не падает?

- Потому что оно к звездочкам привязано.

Испытуемая С.

- Почему луна не падает?

- Ее прибили.

- А кто прибил?

- Дядя с самолёта.

Испытуемая Т.

- Речка живая?

- Да, она по камешкам бегаёт.

- Гора живая?

- Нет, она стоит. Стоит, и все.

- Поезд живой?

- Да, он людей возит.

Испытуемая О.

- Луна живая?

- Нет. Она светит плохо. Она совсем не нужна. У нас фонари есть.

- Что более живое - ящерица или ветер?

- Я не знаю, что такое ящерица.

- А что более живое - кошка или ветер?

- Я знаю сказку про ветер, про мороз и про месяц. Они все братья и в избушке жили. Ветер живой» [Там же, с. 70].

По характеру этих ответов можно судить, что они точно соответствуют интеллектуальному развитию детей пятилетнего возраста.

та. Интересно то, что никто из профессиональных актеров, которых просили перевоплотиться в пятилетних детей и отвечать на вопросы так, как могли бы отвечать дети в этом возрасте, не справился с этой задачей.

Во время первого сеанса гипнотерапии пятилетнюю девочку посадили на стул, а затем терапевт повторил несколько раз слова внушения: «засыпай», «спи крепко». В это время в руках девочки была ее любимая кукла. Девочка затем не получала никаких инструкций от гипнотерапевта. В постгипнотическом состоянии ей было сказано, что, если когда-нибудь в будущем терапевт спросит ее о кукле, она должна будет положить ее в кресло, сесть рядом и подождать до тех пор, пока кукла не заснет. Несколько дней спустя гипнотизер встретился с девочкой в то время, когда она играла. В этот момент кукла лежала в своей игрушечной кроватке. Терапевт, как бы между прочим, задал девочке вопрос о кукле. В ответ на это она взяла куклу из кроватки, показала ее, а потом стала объяснять, что кукла устала и хочет спать, положила ее в кресло, села рядом и стала наблюдать за куклой. Когда ей задали вопрос, что она делает, она ответила: «Жду» [Эриксон, 1999].

Испытуемому в возрасте 46 лет внушают сначала, что ему восемь лет, и просят написать какую-нибудь фразу. Затем внушают, что ему пятнадцать лет, и тоже просят что-нибудь написать. При сравнении этих записей с почерком сохранившихся школьных тетрадей было обнаружено, что они идентичны почерку в соответствии с внушенным возрастом. В.И. Лебедев приводит примеры еще более экзотических экспериментов, когда человеку внушается, что ему меньше года. «Зрачки при этом сужаются, движения глазных яблок становятся несогласованными – каждый глаз двигается независимо от другого, а иногда глазные яблоки надолго застывают в положении косоглазия («плавучие» и «косые» глаза новорожденных)» [Лебедев, 1977, с. 69, 70]. Интересно, что декоординации глазных яблок не наблюдается при прямом гипнотическом внуше-

нии: «Ваши глаза двигаются независимо друг от друга». Кроме этого, при репродукции состояния новорожденности удавалось вызывать спонтанный сосательный рефлекс, характерный детский «плач» новорожденных без слез с соответствующей мимикой, выраженные хаотичные некоординированные движения верхних и нижних конечностей, сгибание рук в кистевых и локтевых суставах и приведение их к туловищу, что напоминало позу эмбриона. Испытуемый «в состоянии новорожденности» не реагировал на приказы гипнолога, например, открыть глаза, лежать спокойно, не называл своего имени, не мог фиксировать глазами поднесенный к лицу яркий предмет, то есть репродуцировал «бессознательное состояние детства». Требовался специальный приказ гипнолога: «Ты взрослый», чтобы вывести испытуемого из этого состояния. После гипнотического сеанса имела место тотальная амнезия [См. Психологические исследования..., 1975, с. 170, 171].

Выводы, которые делают исследователи, сводятся к следующему: в состоянии гипноза возможно восстановление в памяти впечатлений первых недель рождения и изменение уровня психической активности человека. Эксперименты с внушенным грудным возрастом показывают, что в мозгу имеется хранилище «долговременной бессознательной памяти», из которого при специальных условиях можно извлекать необходимую информацию. Между тем пока остается загадочным факт того, каким образом при регрессии возраста испытуемый способен сохранять контакт с гипнологом и как при воспроизведении состояний, относящихся, например, к первым годам жизни, «выключается» последующий онтогенетический опыт.

Понятно, что в привычных для человека состояниях сознания описанные выше эффекты невозможны. Но при рассмотрении интересующей нас темы важен сам факт сохранения как онтогенетически ранних паттернов психомоторной активности, так и способности к воспроизведению первого прижизненного опыта. Послед-

нее имеет еще и особый смысл: человек помнит саму способность к воспроизведению событий прошлого. Почему в состоянии гипноза человек способен вспомнить то, что ни при каких условиях невозможно в привычных состояниях сознания? На этот вопрос еще нет убедительных ответов. Ясно одно, что в подобных состояниях многократно увеличиваются возможности доступа сознания к содержимому памяти. Это происходит, по-видимому, за счет нейтрализации работы тех механизмов, которые в обычных состояниях сознания ограничивают сферу содержимого памяти, потенциально допускающую осознание. Воспоминание (не как процесс, а как результат этого процесса) есть следствие работы механизма осознания, и следует предположить, что гипнотическое внушение непосредственно влияет на режим работы этого механизма.

Существуют и другие факты, подтверждающие наличие в памяти той информации, которую, как правило, в обычном режиме работы сознания невозможно вспомнить (правда, нередко удается узнать). Как поэтически выразился Иштван Харди, «память – это прекрасное озеро души, из неизмеримых глубин которого могут выплывать на поверхность все новые и новые сокровища...».

Эмпирические свидетельства сохранности мнемических следов при блокаде сознательного доступа к искомому содержанию памяти, тем не менее, не позволяют экстраполировать частное заключение о наличии определенного мнемического материала на все возможные случаи запоминания, так как в экспериментальных процедурах испытуемый всегда имеет дело с каким-то определенным стимульным материалом. Иначе говоря, результаты любого эксперимента дают лишь необходимые, но недостаточные основания для уверенного вывода относительно сохранности всех мнемических следов. Для подтверждения этого необходимо иметь не эмпирические, а логические основания. С тем чтобы определить такие основания, для начала рассмотрим вопрос о том, что обуславливает эффективность запоминания.

Еще Г. Эббингауз выделял следующие факторы, влияющие на продуктивность запоминания: степень осмысленности запоминаемого материала, установка на запоминание, интерес или субъективная значимость информационного материала, структурированность и объем материала, способ запоминания [Эббингауз, 1998, с. 252-258]. Кроме указанных факторов, могут иметь существенное значение также время, за которое происходит запоминание; новизна информации; характер деятельности, предшествующей запоминанию, и деятельности, заключенной между запоминанием и последующим воспроизведением; эмоциональный настрой испытуемого; положение элемента в предъявляемом ряду (фактор края) и пр. [Зинченко Т.П., 2000, с. 94-103]. Допустим, что таких факторов n -ое количество. И едва ли возможно, даже приблизительно, установить число всех возможных независимых переменных, влияющих на продуктивность запоминания. Важно, что эти факторы в совокупности определяют эффективность запоминания, или, иначе, прочность мнемического следа. Прочность следа памяти правомерно трактовать как *интенсивностную характеристику следообразования*. Эффективность запоминания определяется глубиной того смыслообразования, которое формируется в ходе запоминания [Агафонов, 2000, с. 184]. В свою очередь, глубина следообразования будет зависеть от степени выраженности, а следовательно, и от меры влияния на процесс запоминания вышеперечисленных факторов. Для доказательства сохранности мнемических следов не имеет значения, какова прочность следа. Иными словами, не столь существенно знать, каким образом определяется и какова величина интенсивности следа. Если след образован, то $I > 0$, где I – глубина мнемического следа (интенсивность). Понятно, что, если $I = 0$, говорить о каком-либо содержании памяти не приходится. Если в памяти ничего не отложилось, то в ней ничего и не сохранится. (В связи с обсуждаемым вопросом можно вспомнить позицию А.Н. Леонтьева, который говорил: «А бывает ли исчезновение хранимых следов? Действитель-

но. А может быть, *никогда не бывает?* (Курсив А.А.) ...Все дело в том, что меняется возможность воспроизведения, а след существует независимо. Раз он образовался, то он существует. Это необратимый процесс – слефообразование. Припоминание – вот где проблема стоит» [Леонтьев, 2000, с. 277]).

Величина интервала удержания, без сомнения, оказывает существенное влияние на эффективность воспоминания. «Время, – отмечают А.М. Вейн и Б.И. Каменецкая, – как будто заставляет бледнеть изображения, сложенные в хранилище нашей памяти, затрудняя их воспроизведение» [Вейн, Каменецкая, 1973, с. 123]. Но при этом нельзя утверждать, что время удержания влияет на *сохранность* мнемического материала. Длительность хранения может определять лишь степень доступности для осознания этого материала в определенный момент времени. Тем самым разрешающая способность сознания в отношении доступа к любым событиям прошлого, событиям, о которых «знает» память, регулируется временем хранения информации об этих событиях.

Теперь можно выразить эту зависимость в следующем виде:

$$P = \frac{I}{t},$$

где t – время интервала удержания. Очевидно, что $t > 0$, так как воспроизведение запомненной информации может происходить только *после* момента запоминания;

I – глубина слефообразования;

P – вероятность воспроизведения (осознания).

С увеличением времени уменьшается способность к произвольному воспоминанию. Запишем данное утверждение в другом виде:

$$\lim_{t \rightarrow \infty} \frac{I}{t} = 0$$

Отсюда видно, что при $t \rightarrow \infty$ $P \rightarrow 0$. Это означает, что в любой момент времени сохраняется потенциальная способность к

воспроизведению, то есть $P \neq 0$, ибо $I > 0$, хотя вероятность актуализации этой способности уменьшается с увеличением времени хранения информации в памяти. (Еще Н.Н. Ланге высказывал предположение, что «забвение растёт пропорционально логарифму времени, протекшего со времени восприятия» [Ланге, 1996, с.223]).

На основании выше сказанного оправдано будет ввести понятие «*нижний порог воспоминания*» и выделить в памяти три относительно независимые зоны [Агафонов, 2000, с. 184, 185].

Первая мнемическая зона состоит из таких следообразований, к которым путь для осознания всегда открыт. В момент времени t_x человек произвольно способен воспроизвести ту информацию, которая была запомнена в момент времени t_0 . Эта зона фактически и является *надпороговой зоной воспоминания*. Содержимое этой зоны всегда может быть осознано. Для осознания – это зона открытого доступа.

Вторая мнемическая зона состоит из таких следов, доступ к которым ограничен. Однако при попытке воспроизвести информацию, которая содержится в этой зоне, человек всегда помнит о том, что именно он хочет вспомнить, хотя при этом вспомнить не может. Это как раз тот случай, которому соответствует феномен «на кончике языка». Это – *пороговая зона воспоминания*. Вместе с тем для осознания это зона ограниченного доступа.

Третья мнемическая зона образована из таких следов, которые память хотя и хранит, но доступ к ним для осознания всегда закрыт. Иными словами, в каждый момент времени сознательное усилие, направленное на воспроизведение этого содержания памяти, является невозможным, так как человек, храня в памяти эту информацию, не осознаёт то, что ему нужно вспомнить. Другими словами, человек помнит, но не может вспомнить то, что он помнит, так как он не помнит, что именно он должен вспомнить. Третья мнемическая зона, таким образом, является для осознания зоной закрытого доступа.

Три мнемические зоны образуют структуру бессознательного, если последнее трактовать как *память в аспекте сохранения информации*.

Сформулируем теперь итоговый вывод: *при сохранении мнемических следов способность к их осознанию (воспроизведению) зависит от отношения интенсивности следообразования ко времени интервала удержания следа в памяти*. Эмпирическими аналогами «интенсивности следообразования» могут рассматриваться: «значимость информации», «яркость впечатления», «субъективная важность» и т.п. Таким образом, продуктивность как узнавания, так и воспроизведения является функцией двух переменных: прочности или интенсивности следа и времени интервала удержания. Данное утверждение является лишь догадкой, объяснительной гипотезой, поэтому требует своей специальной экспериментальной проверки. (Проверку этого предположения см. раздел 3.6).

В каком бы виде запомненная информация в памяти ни сохранялась, она никогда из памяти не исчезнет, даже несмотря на то, что после момента запоминания пройдет продолжительное время. «Человеческая память, – пишет Д. Дернер, – может быть очень прочной, но способность доступа к ней – низкой. ... Чем дальше в прошлое мы возвращаемся, тем информационно беднее становится наш «протокол памяти» о событиях» [Дернер, 1997, с. 225].

Воспоминание – это активная когнитивная деятельность, в рамках которой не репродуцируется, а реконструируется прожитый опыт. В силу этого становятся объяснимыми искажения, нередко сопутствующие процессу воспоминания. Вместе с тем надо отметить, что неординарные, яркие эпизоды своей жизни, включая и события самого раннего детства, человек в состоянии восстановить в памяти даже по прошествии десятков лет. Именно о таких переживаниях обычно говорят: «оставило глубокий след в памяти». В этой связи можно вспомнить слова Г. Эббингауза, который писал: «Переживания, сопровождаемые сильным удовольствием или неудо-

вольствием, неискоренимо ... запечатлеваются и часто после многих лет вспоминаются с большой отчетливостью» [Эббингауз, 1998, с. 258]. Но едва ли в обычном состоянии сознания можно произвольно вспомнить содержание скучного разговора, который состоялся неделей раньше, если, конечно, этот разговор не являлся субъективно значимым.

Память как идеализированное явление сохраняет всю запомненную информацию. Но каков когнитивный смысл помнить все? Допустим, память располагает критериями, согласно которым часть информации следует сохранять для будущего, а часть – нет. Такого рода допущение требует специальной логики обоснования функционального назначения таких критериев селекции. Кроме того, необходимо объяснить, почему, если они действительно существуют и являются инвариантными относительно любых частных эмпирических случаев, они именно такие, а не другие. Во всяком случае, одним из таких критериев не может служить «полезность информации». Запоминание всегда происходит в актуальный момент текущего настоящего (это актуально работающий механизм сознания), поэтому нельзя знать наперед, что окажется полезным, а что – бесполезным с точки зрения будущего. Ведь будущего всегда еще нет. Не будет ли более рациональным другой вариант решения этой проблемы: возможно, человек и должен запоминать все, поскольку не может знать, что ему понадобится в будущем, иначе говоря, запоминать «на завтрашний день», впрямь, на всякий случай. Ведь поставленный в начале вопрос можно сформулировать и иначе: «Зачем человеку запоминать для того, чтобы затем забыть?»

В реальности, то есть в том или ином эмпирическом случае, как на объем запоминаемой информации, так и на время ее хранения могут быть наложены определенные ограничения. Рассмотрение памяти как эмпирического явления предполагает широкий спектр допущений о возможных факторах, обуславливающих невозможность воспроизведения. Память же, взятая в рассмотрении как

идеализация, а не как эмпирический предмет изучения, сохраняет всю когда-либо поступающую в нее запомненную информацию. Как показывают выше приведенные примеры, информация сохраняется с отметкой о времени её поступления. (К аналогичному выводу, кстати, приходит Е.Н. Соколов [Соколов, 1969, с. 5]). На работу памяти как идеального образования, в отличие от работы памяти конкретного эмпирического субъекта, не могут быть наложены какие-либо ограничения. Исследуя эффекты работы памяти, мы хотя и имеем дело со вполне определенными испытуемыми, которые обнаруживают свои индивидуальные особенности, предметом изучения все же является сам феномен памяти, а не память тех или иных ее эмпирических носителей. Память эмпирического субъекта нам интересна настолько, насколько ее исследование дает знание о памяти вообще.

Как ни парадоксально, труднее объяснить фактическую возможность забывания, чем сверхдлительную сохранность мнемических следов. Во-первых, по причине того тривиального факта, что в эксперименте и, естественно, в житейской практике мы имеем дело только с опытными данными воспроизведения и узнавания. А воспроизведение, узнавание и сохранение информации – это разные виды мнемических явлений. Во-вторых, при наличии опровергающих случаев (а их описано неисчислимое количество), то есть фактов сверхдлительного сохранения информации, допущение о возможности забывания не в качестве явления, тождественного невоспроизведению, а как причины невоспроизведения становится несостоятельным. Ссылка на индивидуальные особенности при такого рода объяснениях не является весомым аргументом, так как, если хотя бы один человек обнаруживает феноменальную память, значит, пределы возможностей сохранения информации для человека *в принципе* не определены природными законами. В противном случае следует считать тех, кто обладает феноменальной памятью, не совсем людьми, или более чем людьми, ведь они демонстрируют

способности, невозможные для подавляющего большинства людей. *О минимальных возможностях памяти как идеального явления следует судить по максимуму возможностей памяти эмпирического субъекта.* Следовательно, гипотезу о сохранности мнемических следов при невозможности осознания (воспроизведения и/или узнавания) может подтверждать всего один единственный эмпирический случай. Аналогичным образом рассуждал К. Левин, объясняя возможность установления психологического закона на материале одного-единственного эмпирического случая [Левин, 2001].

2.3.2. Последствие неосознанной информации

В монографии «Опыт теоретической психологии» В.М. Аллахвердов описал открытый им феномен неосознанного негативного выбора [Аллахвердов, 1993, с. 26], который, по мнению исследователя, проявляется и в работе памяти, и в восприятии, и в процессе мышления. Эффект неосознанного негативного выбора выражается в повторении ранее сделанной ошибки или в фактах устойчивого (тенденциозного) неосознавания (неузнавания и/или невоспроизведения) ранее неосознанного. Данный эффект был обнаружен в серии самых разнообразных экспериментальных исследований.

Например, в экспериментах самого В.М. Аллахвердова было показано, что при воспоминании информации имеет место устойчивое невоспроизведение тех или иных стимульных единиц. В одном из экспериментов испытуемый получал задание запомнить как можно больше предъявленных стимулов. Стимульный материал использовался в разных вариантах: согласные буквы, пары «буква-цифра», «согласная-гласная», двузначные числа, предъявляемые на слух, названия игральные карт и т.д. Результаты показали, что *при невоспроизведении определенных стимульных знаков эти знаки имеют тенденцию вновь не воспроизводиться, если они включены в новый стимульный набор.* Другими словами, невоспроизведение — это не факт забывания, не когнитивная ошибка, связанная с ограни-

чениями ресурсов памяти, а закономерное следствие принятия сознательного, но неосознанного решения, что нужно воспроизводить, а что – нет. Для того чтобы не вспомнить, необходимо помнить, что не следует вспоминать! «Отсутствие воспроизведения не есть воспроизведение, равное нулю. Скорее, – заключает В.М. Аллахвердов, – его стоит трактовать как «отрицательное воспроизведение»» [Там же, с. 32].

Эффект Аллахвердова был обнаружен в оригинальном исследовании Н. Ивановой. Испытуемым – участникам студенческого хора – предъявляли в качестве стимула звук на рояле. В ответ они должны были нажатием на соответствующую клавишу точно воспроизвести этот звук. Оказалось, что испытуемые чаще случайного делают одну и ту же устойчивую ошибку. Например, при предъявлении «ми» малой октавы испытуемый ошибочно нажимал клавишу «до» первой октавы. Если же ему предъявляли через какое-то время звук «до» первой октавы, то он чаще случайного отвечал нажатием клавиши «ми» малой октавы. Для такой устойчивой ошибки необходимо помнить соответствие звуков (помнить свою ошибку), что предполагает точное различение каждого звука [См. Аллахвердов, 2000, с. 275-276].

В другом исследовании, проведенном Н.В. Морошкиной, испытуемые получали простейшее задание, которое заключалось в чередовании выполняемых операций сложения и вычитания. Стимулами являлись пары однозначных чисел. Числовые пары предъявлялись последовательно. Результаты эксперимента обнаружили тенденцию к повторению одних и тех же ошибок. Иначе говоря, испытуемые совершали ошибки в одних и тех же примерах, и это притом, что сами примеры были элементарной сложности, например, «7+2». Последствие ранее сделанной ошибки свидетельствует о факте того, что неосознанный ошибочный ответ запоминается и неосознанно выбирается при повторном решении того же примера [Морошкина, 2006, с. 142-157].

В интересном исследовании Н.А. Ивановой было продемонстрировано последствие ошибки в процессе научения [Иванова, 2006, с. 123-134]. Испытуемые в эксперименте должны были решать довольно простую задачу: поражать мишени, которые двигались на экране компьютера слева – направо. Снаряд, которым следовало поражать мишени, устанавливался в случайном порядке в разных позициях внизу экрана. Испытуемые несколько дней подряд выполняли эту задачу и в общей сложности должны были осуществить 200 выстрелов по мишеням. Все ошибки отклонения от центра мишени фиксировались в пикселях. В конце экспериментальной серии испытуемые показывали среднее отклонение в пределах 5 – 10 пикселей. Вместе с тем примечательно то, что если испытуемый совершал ошибку запаздывания, отклонившись от центра мишени влево, или ошибку упреждения, отклонившись вправо, то он повторял точно такое же отклонение в тех задачах, когда требовалось поражать мишень снова с той же самой позиции. Данный экспериментальный факт означает, что при повторении ранее сделанной ошибки испытуемый, не осознавая того, демонстрирует поразительную точность. В.М. Аллахвердов, обсуждая описанный эксперимент, отмечает, что «точность повторения ошибки при научении может уже в начале процесса превосходить точность решения задачи, с трудом достигаемую ими в конце» [Аллахвердов, 2005].

Эксперименты В.М. Аллахвердова и его коллег убедительно продемонстрировали, что неосознавание – не случайное явление. При повторном неосознавании ранее воспринятой информации требуется помнить о том, что следует не осознавать. Естественно, что работа памяти при этом не осознается.

Последствие ранее не осознанной информации было обнаружено также в экспериментах Дж. Брунера и С. Поттера, где испытуемым предъявляли картины сначала в разфокусированном виде, а затем, постепенно, со все более четким изображением, допускающем вполне определенные догадки о том, что именно изобра-

жено на картине. Оказалось, что «...рассматривание картины сначала в размытом виде приводит к отсрочке окончательного узнавания и к его осуществлению только на той стадии, которая лежит гораздо дальше четкости, необходимой в норме для правильного опознания» [См. Поттер, 1971, с. 167].

Аналогичные результаты получила Р.М. Фрумкина в своих экспериментах. Испытуемым с помощью тахистоскопа предъявлялось определенное слово со все возрастающим временем экспозиции, например, слово «блесна». При малом времени экспозиции, испытуемый строя догадки, как правило, совершает ошибки. Например, читает слово как «бассейн». Интересно то, что при времени экспозиции, достаточном для уверенного и точного опознания предъявленного слова, испытуемый все равно не способен его осознать. Другими словами, слово, которое не осознавалось (ошибочно осознавалось), при последующих предъявлениях также не осознается (или идентифицируется ошибочно) [Фрумкина, 1971, с. 132].

Эффект последствия ранее не осознанной информации есть одно из наиболее надежных эмпирических свидетельств в пользу предположения о наличии в структуре любого когнитивного процесса особой стадии принятия решения. На этой стадии работа механизма принятия решения подчиняется правилам, выработанным в прошлом опыте работы сознания. То, что было ранее не осознанно, имеет тенденцию не осознаваться в будущем. А это и означает, что на принятие решения о неосознавании влияет ранее не осознанная информация.

2.4. Воздействие ранее осознанной информации на принятие решения о неосознавании (ошибочном осознавании)

Эффекты неосознавания, равно как и ошибочные случаи осознавания, могут быть вызваны воздействием не только ранее не осознанной информации, но и влиянием ранее осознанного опыта, в частности, действием сформированной у субъекта установки.

Такой вид влияния демонстрирует исследование, которое провели А. и Е. Лачинсы. Испытуемые должны были решать мыслительные задачи на переливание жидкости с помощью сосудов разного объема. Например, есть два сосуда емкостью 29 л и 3 л. Надо получить 20 л жидкости в одном из сосудов. Правильный ответ будет заключаться в том, чтобы из сосуда в 29 л три раза отлить по 3 л. Когда испытуемым объяснили задание, им были даны 10 задач для выполнения:

Таблица 2

Условия экспериментальных заданий, использованных в исследовании А. и Е. Лачинсов

№	Дано	Требуется получить
1	21, 127, 3	100
2	14, 163, 25	99
3	18, 43, 10	5
4	9, 42, 6	21
5	20, 59, 4	31
6	23, 49, 3	20
7	15, 39, 3	18
8	28, 76, 3	25
9	18, 48, 4	22
10	14, 36, 8	6

Решение первых пяти задач достигается одинаковым образом: из второго объема надо один раз вычесть первый и два раза – третий. Шестая и седьмая задачи могут быть решены тем же способом, но у них есть и более простое решение: $23-3=20$ – для шестой задачи и $15+3=18$ – для седьмой. Восьмая задача не решается тем же способом, которым решаются первые пять задач. Для нее возможно только такое решение: $28-3=25$. Девятая и десятая задачи решаются аналогично седьмой и шестой.

Результаты показали, что подавляющее число испытуемых решают шестую и седьмую задачи сложным способом, а с восьмой задачей и вовсе не справляются в отведенное время. Эффект усиливается, если выполнение заданий лимитируется по времени, например, когда испытуемым говорят, что цель эксперимента – оценить способность испытуемого быстро решать интеллектуальные задания [См. Когнитивная психология. Под ред. Дружинина В.Н., 2002, с. 202]. Это классический пример прямого последствия мнемического контекста.

В состоянии гипноза удастся обнаружить интересные эффекты понимания при невозможности опознания (осознания) стимула. Такие эффекты наблюдали еще Н. Ах и У. Джемс. Вот, например, как Джемс описывал работу сознания в измененном режиме (гипнотическом состоянии): «Проведите штрих на бумаге или на доске и скажите субъекту, что этого штриха там нет, и он не будет видеть ничего, кроме чистого листа бумаги или чистой доски. Затем, когда он не смотрит, окружите первый штрих другими точно такими же штрихами и спросите его, что он видит. Он будет указывать один за другим на все новые штрихи и пропускать первый каждый раз, независимо от того, сколько будет добавлено новых штрихов... Он слеп только к одному конкретному штриху, занимающему определенное положение на доске или на бумаге ... и, как ни парадоксально это может звучать, он должен с большей точностью отличать его от всех других ему подобных, чтобы оставаться слепым к нему, когда рядом появились другие». В итоге Джемс делает очень важный в данном контексте обсуждения вывод: «Он «воспринимает» его в качестве предварительного шага к тому, чтобы не видеть его вообще!» [James, 1904, p. 607, 608].

Гипнотический запрет, пожалуй, одним из первых был применен А. Бине, который даже посвятил ему отдельную работу по так называемому отрицанию [См. Железко, Роговин, 1985, с. 38-39]. А. Бине писал о таких состояниях сознания, которые представляют

в перцептивной сфере аналог отрицанию как мыслительной операции. Эффект отрицания, по Бине, заключается в несовместимости определенных образов в области актуального осознания. Анализируя феномен внушенных негативных галлюцинаций (внушенный образ сам не виден, хотя заслоняет собой то, что находится за ним), Бине считал оправданным вывод о том, что отсутствие образа, то есть «негативная галлюцинация» может свидетельствовать о неосознаваемом восприятии соответствующего этому образу объекта. Поэтому, по мнению Бине, при внушенных негативных галлюцинациях должно иметь место хотя бы частичное восприятие.

В.М. Аллахвердов, защищая идею о наличии у человека потенциальных феноменальных счетных способностей, анализирует эффект, полученный в одном из экспериментов [Бассин, Прангишвили, Шерозия, 1978, с. 77], где испытуемому в состоянии гипноза внушалось, «что в ряду карточек, на которых изображены числа, он не будет видеть ту, на которой изображена формула, дающая после выполнения указанных в ней действий число 6. Карточку, на которой изображено выражение: $\frac{\sqrt{16}}{2} * 3$, испытуемый перестает после этого воспринимать».

«Для того чтобы не увидеть предъявленную карточку, – рассуждает В.М. Аллахвердов, – то есть чтобы принять решение о невосприятии того, что стоит перед глазами, испытуемый должен за время, отведенное на узнавание, выполнить следующие действия: прочитать формулу, написанную на карточке; провести соответствующие вычисления и получить ответ; затем сравнить этот ответ с заданным в инструкции числом и только после этого принять решение о том, вводить ли информацию о данной карточке в сознание. И все это делается почти мгновенно!» [Аллахвердов, 2000, с. 278]. Факт неосознания является в данном случае прямым указанием на предшествующие этому разнофункциональные процессы сознания.

Еще одним свидетельством деятельности сознания в аспекте влияния осознанного опыта на неосознавание является эксперимент, проведенный В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко [См. Петренко, 1997, с. 12]. Испытуемому в состоянии гипноза давалась установка, запрещающая видеть человека, который в данный момент времени находился в комнате. Испытуемый не обнаруживал присутствия этого человека, хотя тот постоянно находился в поле его зрения. Еще более интересно то, что, когда «невидимка» включал электробритву, испытуемый не мог понять, откуда доносится звук. Если этот человек вставал на пути испытуемого, уже вышедшего из состояния гипноза, но получившего постгипнотическую инструкцию, то испытуемый останавливался перед ним, не пытаясь пройти «сквозь» него, и при этом впадал в глубокое гипнотическое состояние. Данный эксперимент демонстрирует поразительную сложность работы сознания в измененном режиме работы. Проанализируем подробнее описанный феномен.

Получая запрет на зрительное восприятие, испытуемый усваивает инструкцию сознательно, так как он должен понять смысл того, что ему предписывается словами внушения. После этого он должен сохранять смысл в памяти, то есть должен всегда помнить, что из воспринимаемого ему нужно не воспринимать. Но, чтобы не воспринимать, он должен, воспринимая, сознательно идентифицировать тот объект, который требуется не воспринимать. Только в этом случае испытуемый мог бы не видеть то, что ему видеть запрещено. Факт видения в той же степени предполагает осмысление, как и осознание предполагает видение, потому как в каждый момент восприятия «невидимки» испытуемый сознавал его в качестве того объекта, который видеть не надо. Но как было уже сказано, видение без осознания возможно только в том случае, если само сознание понимает, что надо осознать, а что – нет.

Итак, для того, чтобы «не осознать», необходимо:

1) знать, что именно видеть запрещено, то есть помнить об этом в каждый момент действия «запрещенного» стимула;

2) видеть то, что видеть запрещено, так как только при этом обязательном условии можно обнаружить объект;

3) сознавать, то есть идентифицировать объект как такой, который видеть запрещено;

4) не осознавать объект, находящийся в зрительном поле.

Особый интерес представляют экспериментальные факты, демонстрирующие обратное последствие мнемического контекста или, иначе, влияние ранее осознанной информации на ошибочное осознание. Впечатляющие данные были получены в серии экспериментальных исследований Д. Узнадзе [Узнадзе, 2001, с. 10-30]. Опишем некоторые из экспериментов Узнадзе.

Испытуемому предъявляют в левую руку шар с меньшим объемом, в правую руку – с большим. Установочная серия включала в себя 10–15 таких проб. Цель, которую преследовал экспериментатор, проводя установочные опыты, – сформировать у испытуемого активную установку. После тренировочной серии испытуемому давали в руки одинаковые по объему шары с заданием их сравнить. Оказывается, что испытуемый не оценивал эти шары в контрольной пробе как равные. Чаще всего возникала так называемая иллюзия контраста, то есть испытуемому при сравнении одинаковых шаров большим казался шар в той руке, в которую в предварительных опытах он получал меньший по объему шар [Там же, с.12].

В другом эксперименте испытуемому с помощью тахистоскопа предъявляли два круга разного диаметра. Один круг, например, тот, который предъявлялся в паре слева, явно больше другого. После 10–15 предъявлений следовал контрольный опыт: испытуемый должен сравнить два равных по диаметру круга. Иллюзия в контрольной пробе возникала всегда, и почти всегда по контрасту. Иными словами, меньший по диаметру круг в тренировочной серии оценивался в критическом опыте как больший по диаметру [Там

же]. Другой эксперимент в зрительной модальности: испытуемому предъявляли на экране два круга. Сначала круг, который темнее, затем тот, что светлее. Зафиксировав установку в тренировочной серии, экспериментатор в критическом опыте предъявлял два одинаково светлых круга, которые испытуемый должен сравнить по их освещенности. И опять чаще возникает иллюзия контраста (56 %), чем иллюзия ассимиляции (17 %). То есть в контрольном опыте первый в паре круг оценивался чаще как более светлый, чем второй круг, а не наоборот [Там же, с.15].

Эффект контрастной иллюзии был установлен и в случае иллюзии давления. Эксперимент выглядел следующим образом. Испытуемый получал два тактильных раздражителя при помощи специального прибора – барестезиометра: сначала сильный, затем слабый. Такая последовательность повторялась 10–15 раз. В критическом опыте предъявлялись два равных по силе раздражителя. Результаты показали, что давление в первый раз кажется более слабым, чем во второй. В целом по выборке иллюзия контраста составила 46%. Но иногда установка имела прямое действие, то есть возникала иллюзия ассимиляции. Таких иллюзий было 25% [Там же, с. 13, 14].

В дальнейших экспериментах Узнадзе проверил наличие контрастной иллюзии в слуховой модальности. Испытуемому предъявляли попарно два слуховых раздражителя: первый член пары значительно сильнее по интенсивности, чем второй член. После 10–15 повторений проводился критический опыт: предъявлялись два равных слуховых раздражителя. Испытуемым необходимо было сравнить их между собой. В этом случае общее количество иллюзий составило 76 %, из них 19 % ассимилятивных и 57 % контрастных [Там же, с. 14, 15].

Иллюзия возникает и в случае количественного сравнения. В одном из экспериментов испытуемому предъявляли на экране два круга, в одном из которых большее количество точек, чем в другом.

В критическом опыте предъявлялись круги, в которых содержалось одинаковое количество точек. Снова чаще возникала иллюзия контраста: испытуемый полагал, что точек больше в том круге, где их в предварительной серии было меньше [Там же, с. 16].

Д.Н. Узнадзе, пытаясь поставить под контроль действие всех возможных факторов, которые могли бы вызвать контрастную иллюзию, разными способами варьировал условия экспериментальной процедуры. Например, проводил установочную серию на правой руке, а критический опыт – на левой руке. Или вырабатывал установку на одном глазу, а в контрольном опыте испытуемый оценивал характеристики стимуляции (например, диаметр кругов) другим глазом. Но и при этих условиях контрастная иллюзия имела место. В последнем случае она даже составила 70 % от общей выборки. Особый интерес представляет еще один результат экспериментальных исследований Узнадзе: после фиксации установки в зрительной модальности контрастная иллюзия в критическом опыте возникала в осязательной сфере. Следовательно, сама установка носит амодальный характер, и ее действие не зависит от специфики того познавательного контура, в рамках которого происходило ее формирование. Кроме этого, контрастные иллюзии возникали и в тех случаях, когда испытуемые не осознавали факта установочных опытов. Такие опыты проводили с испытуемыми, находящимися в состоянии гипноза. В гипнотическом состоянии после закрепления установки на соотношение объема шаров испытуемых переводили в другую комнату и в постгипнотическом состоянии проводили контрольный опыт: они должны были оценивать одинаковые шары. Даже при постгипнотической амнезии испытуемые совершали ошибки в оценке равных шаров. Тот шар, который в установочной серии был меньше по объему, оценивался в контрольном опыте большим по сравнению с другим шаром в паре. Количество контрастных иллюзий увеличилось и составило 82 % [Там же, с. 23]. Этот результат показывает, что, даже не осознавая факта прошлого воз-

действия, человек понимает (воспринимает, измеряет, оценивает), опираясь на содержимое тех мнемических контекстов, которые были ранее сформированы.

Д.Н. Узнадзе породил аномалию, которую сам не смог устранить. В его интерпретации полученных результатов нет ответа на вопрос «Почему возникают контрастные иллюзии?» Контрастные иллюзии демонстрируют своеобразную реверсию мнемического контекста. К подобному феномену можно также отнести обратный эффект плацебо [См. Росс, Нисбет, 1999, с. 376, 377].

Таким образом, эффекты неосознавания или ошибочного осознания могут быть напрямую связаны с влиянием ранее осознанной информации.

2.5. Влияние на эффекты осознания актуально неосознаваемой информации

Влияние фона на восприятие фигуры не получило в психологии достаточного теоретического осмысления, хотя современная экспериментатика, начиная от психофизики, когнитивной психологии и заканчивая экспериментальной персонологией, дает богатый материал для анализа. Эффекты, возникающие вследствие влияния фона на осознание фигуры, были обнаружены во многих экспериментах. И хотя эти эксперименты выполнены в русле принципиально отличных друг от друга исследовательских подходов, их результаты могут трактоваться как проявления единого эффекта. Рассмотрим несколько показательных эмпирических примеров, иллюстрирующих влияние актуальной неосознаваемой информации на конечные эффекты осознания.

Многочисленные свидетельства влияния фона на эффекты восприятия фигуры обнаружены в психологии зрительного восприятия. Одна и та же фигура, например, серого цвета, воспринимается по-разному в зависимости от того, на каком фоне она предъявлена: на белом фоне она будет восприниматься всегда как темная, а на

черном фоне, напротив, как светлая фигура. Контраст светлоты всегда увеличивается по мере возрастания разницы между интенсивностями фигуры и фона. Если же серую фигуру предъявлять на цветном фоне, например, на темно-синем и ярко-желтом, то будет иметь место не только эффект *контраста светлоты*, но и *цветовой контраст*. Серая фигура на синем фоне будет выглядеть желтоватой, на желтом фоне эта же фигура приобретает синеватый оттенок [Глейтман и др., 2001, с. 231]. Аналогично этому черная фигура, например, круг, на красном фоне будет выглядеть зеленоватым, на фиолетово-голубом – зеленовато-желтым, а на голубом фоне будет казаться медным. Это все проявления цветового контраста.

Среди эффектов зрительного восприятия еще со времен античности известна иллюзия «луны над горизонтом». На горизонте луна кажется значительно больше, чем когда она находится высоко в небе. Фон, который определяется наличием земли, таким образом, обуславливает наше восприятие размеров луны.

Иллюзия Дельбефа может быть также причислена к разряду влияний фона на эффекты осознания фигуры. Данная иллюзия возникает в экспериментальной ситуации, когда испытуемому предъявляют два одинаковых по диаметру круга A_1 и A_2 . Круг A_2 предъявляют изолированно, в то время как круг A_1 вписан в окружность B . В этом случае под влиянием окружности B круг A_1 субъективно воспринимается больше круга A_2 . Существенным при этом оказывается диапазон изменений радиуса окружности B [Экспериментальная психология, 1978, с. 17]. В нашем исследовании, проведенном совместно с Е.А. Воробьевой, иллюзия Дельбефа в подавляющем большинстве случаев возникала и тогда, когда окружность B была вписана в круг A_1 [Агафонов, 2003, с. 251].

Громкость одного и того же звука оценивается по-разному в зависимости от того, воспринимается ли этот звук на фоне шума определенной интенсивности или в абсолютной тишине, а также в

зависимости от того, воспринимается ли он в абсолютной темноте или при свете.

В когнитивной психологии было неоднократно установлено, что буква быстрее опознается в составе слова по сравнению со скоростью опознания в случайном наборе букв (*эффект превосходства слова*). В свою очередь, слово воспринимается быстрее, если оно предъявляется в смысловом контексте, то есть в составе предложения [См. Когнитивная психология, 2002, с. 150, 151]. «Отдельное слово, отдельная фраза, – пишет М.А. Розов, – просто не существуют вне контекста, контекст их не изменяет, а порождает» [Розов, 1996, с. 145].

В экспериментальной психологии памяти свидетельством значимости влияния фона является *эффект фон Ресторф*: независимо от характера стимульного материала, если в заучиваемом ряду разнородные элементы перемежаются с большим количеством однородных, то эти разнородные элементы воспроизводятся лучше, чем однородные [Флорес, 1998, с. 597].

Г.В. Биренбаум, работая под руководством К. Левина, провела эксперимент, позволивший обнаружить *эффект забывания намерения*. Данный эффект можно также отнести к обсуждаемому типу влияния на механизм принятия решения об осознании. Эксперимент Биренбаум состоял в следующем: испытуемый должен был выполнять различные задания в письменном виде. Каждое задание выполнялось на отдельном листе бумаги. В инструкции к заданию указывалось, что после того, как оно выполнено, испытуемый должен подписать лист своим полным именем. Инструкция о подписи на каждом бланке была подчеркнута. Среди заданий, предлагаемых испытуемому, было задание нарисовать собственную монограмму. Забывание или, напротив, осуществление намерения, в качестве которого рассматривалась подпись, являлось зависимой переменной. Результаты показали, что испытуемые чаще случайного забывали ставить свою подпись после выполнения задания «изобразить мо-

нограмму», то есть деятельности, родственной по смыслу намерению. Характерно, что подпись не забывалась, если испытуемые стремились украсить монограмму, придать ей своеобразный, художественный вид. Б.В. Зейгарник, объясняя этот экспериментальный эффект в соответствии с духом и буквой концепции потребностей К. Левина, вместе с тем отмечает: «Когда испытуемые старались, например, нарисовать красивую монограмму, подпись не забывалась. Она забывалась, если монограмма означала лишь начальные буквы имени» [Зейгарник, 2000, с. 373]. Если сознание неосознанно воспринимает фон, и лишь затем осуществляется осознание смысла фигуры, тогда смысл, приписываемый фигуре, всегда образуется в *соотнесении* к семантике фона. Все эффекты выделения фигуры из фонового окружения предполагают установление сознанием различий между фигурой и фоном. В эксперименте Г.В. Биренбаум выполнение дополнительного задания («поставить подпись») осуществлялось на перцептивном «фоне» завершеного основного задания. Чем меньше смысловое сходство, установленное сознанием, тем вероятней, что смысл фигуры не будет зависеть от фона. Понятно, что решение математической или мнемической задачи в куда более существенной степени отличается от написания собственного имени, чем изображение монограммы. Следует предположить, что экспериментальный эффект был бы еще более выражен при *тождественности* основного и дополнительного заданий. (Процедура возможного эксперимента могла бы выглядеть так: вместо изображения монограммы в качестве выполнения основного задания испытуемый должен расписаться привычным для себя способом. Естественно, желательно, чтобы это тривиальное задание для испытуемого сохраняло свою контекстную принадлежность к экспериментальной процедуре. Для этого, например, можно сообщить, что наряду с исследованием интеллектуальных способностей в эксперименте изучаются также графологические особенности испытуемых. Неизменным дополнительным заданием служит собственная

роспись испытуемого по окончании выполнения каждого основного задания). В этом случае фигура оказывается неразличимой на фоне семантически однородного с ней фона. И поэтому при данных условиях следует предположить еще большую выраженность эффекта забывания намерения.

Социальный психолог Е.Л. Доценко, анализируя различные манипулятивные технологии, которые люди используют в процессе межличностного взаимодействия, особо обращает внимание на то, что «общение всегда происходит где-то, когда-то, при каких-то обстоятельствах». В связи с этим такие внешние переменные, как обстановка, «сенсорная палитра» (особенности освещения, запахи, температура воздуха, уровень шума) и т.д., являясь ситуационным фоном, влияют на результативность тех или иных приемов манипуляции [Доценко, 2000, с. 117], то есть на эффекты осознания, возникающие у объекта манипулятивного воздействия.

С. Корен и Д. Миллер в результате наблюдения установили, что спортивные комментаторы среднего роста воспринимаются очень низкими, когда они берут интервью у баскетболистов, и высокими – рядом с жокеями. «В то же время, – отмечает П. Скотт, – рост корреспондента не кажется меньше, когда он стоит рядом с большой скаковой лошадью» [См. Скотт, 1998, с. 61].

Зависимость осознания от актуальной неосознаваемой или частично осознаваемой информации выражается также в эффекте семантической наводки как частного случая явления интерференции. Этот эффект был обнаружен, в частности, в экспериментах Дж. Льюиса. Процедура эксперимента выглядела следующим образом. Испытуемым по релевантному каналу (контролируемому вниманием) диктовали последовательность несвязанных между собой слов. Одновременно регистрировалось латентное время вторения. По нерелевантному каналу в это же время предъявляли список, состоящий из слов, которые в первом случае ассоциативно связаны со словами релевантного сообщения, во втором – семантически связа-

ны и в третьем случае не связаны с соответствующими, одновременно предъявляемыми словами релевантного списка. Оказалось, что среднее время вторения слов релевантного канала зависит от категории слов, параллельно предъявленных по нерелевантному каналу. Больше всего (726 мс) испытуемые запаздывали при словах-синонимах и меньше всего (643 мс), если одновременные слова были противоположны по смыслу, то есть антонимами. Вторение релевантных слов проходило безошибочно, а слова нерелевантного списка при этом не осознавались. Как указывают Ю.Б. Дормашев и В.Я. Романов, «...данные этого исследования показывают довольно тонкий интерференционный эффект значений слов нерелевантного сообщения и, следовательно, говорят об их анализе на семантическом уровне» [Дормашев, Романов, 1999, с. 88]. Заметим, что, несмотря на то, что нерелевантные слова не осознавались, они семантически обрабатывались, что лишний раз свидетельствует о возможности понимания значения вербальной информации без участия в работе когнитивной системы механизма осознания.

Э. Трейсман провела серию экспериментов в парадигме бинаурального слушания. При бинауральном предъявлении сообщения подаются одновременно на два слуховых канала. Тексты, как правило, зачитываются одним и тем же голосом, в одном и том же темпе, то есть нерелевантное и релевантное сообщения максимально уравниваются по своим физическим характеристикам. В одном из экспериментов Э. Трейсман испытуемым по релевантному каналу всегда зачитывались отрывки из романа. Содержание нерелевантного сообщения варьировалось от опыта к опыту. В одном опыте испытуемым зачитывали отрывки из того же романа, в другом – тексты по биохимии, а также тексты на иностранном языке и бессмысленный ряд псевдослов с фонетической структурой английского языка. Результаты показали зависимость эффективности вторения релевантного сообщения от содержания нерелевантного материала. «Легче всего было отслеживать релевантный текст, – ком-

ментируют результаты эксперимента Ю.Б. Дормашев и В.Я. Романов, – если параллельно подавался текст по биохимии, а не отрывки из того же романа. Испытуемым со знанием иностранного языка нерелевантный текст на этом языке мешал больше, чем испытуемым, его не знающим». Тем, кто надеется спокойно почитать книгу в заполненном пассажирском поезде, Э. Трейсман советует найти место в вагоне рядом с японцами или эскимосами [Дормашев, Романов, 1999, с. 65, 66]. В этом случае нерелевантная информация будет оказывать меньшее интерферирующее влияние на работу сознания.

Исследование эффектов семантической наводки продолжил Д. Маккей. Испытуемые в его эксперименте вторили предложения, содержащие омонимы, например: «Он нашел ключ на поляне». Слово «ключ» в зависимости от контекста предложения может означать либо родник, либо то, чем открывают замок. По нерелевантному каналу параллельно слову «ключ» первой группе испытуемых предъявили слово «вода», второй – «дверь». После данной процедуры испытуемых просили опознать предложение, которое они вторили, выбрав его из двух однозначных по смыслу предложений: «Он нашел родник на поляне» и «Он нашел отмычку на поляне». Испытуемые первой группы выбирали первое предложение, а испытуемые второй группы – второе. При этом ни те, ни другие не могли вспомнить (иначе, осознать) слова, предъявленные по нерелевантному каналу [См. Там же, с. 88, 89].

Обобщая эмпирические данные, можно сделать следующий вывод: *эффект осознания обусловлен неосознаваемой семантикой актуальной нерелевантной информации*. Данный эффект предлагается называть *эффектом превосходства фона* по аналогии с эффектом превосходства слова, который, в свою очередь, может рассматриваться как частный случай.

2.6. Зависимость эффектов когнитивной деятельности сознания от актуально осознаваемой иррелевантной информации

Явное влияние осознаваемой (или частично осознаваемой) нерелевантной информации на эффекты осознания наблюдается в *эффектах интерференции*. Эффекты интерференции крайне неоднородны. Ранее уже упоминалось, что интерференция имеет место и в том случае, когда действие дистрактора не осознается. Однако такие случаи не охватывают собой все множество интерференционных явлений. Интерференция может возникать также вследствие преодоления влияния со стороны осознаваемой, но нерелевантной информации, которая оказывает помехи при осуществлении релевантной когнитивной деятельности.

Психологами давно отмечено то довольно распространенное явление, суть которого выражается в неспособности выполнять деятельность, которая заключается в том, что некоторое действие не нужно совершать. Если попросить человека не думать в течение минуты, например, о президенте страны, то выполнить такое задание ему окажется не под силу. Помня, какое задание нужно выполнять, он неизбежно будет проверять, выполняет он его или нет, и вследствие этого будет осознавать мысль о президенте, тем самым неэффективно выполняя задание «не думать о президенте». В связи с этим можно вспомнить наставления Л.С. Выготского, который считал наихудшим педагогическим приемом упорное введение в сознание воспитанника мыслей о тех поступках, которые он не должен совершать. «Заповедь: «Не делай чего-нибудь» – есть уже толчок к совершению этого поступка в силу того, что она вводит в сознание мысль о подобном поступке, а следовательно, тенденцию к его осуществлению.... Мысль, все время находившаяся в сознании, все время реализуется в действии. Нет лучшего средства заставить ребенка разбить стакан, как несколько раз сказать ему:

«Смотри же, не разбей его!» или «Ты непременно его разобьешь!» [Выготский, 1996, с. 154]. По этой же причине Выготский считает нецелесообразным подробное описание и объяснение того, как и почему люди кончают жизнь самоубийством, хотя такие объяснения и встречаются у авторов некоторых педагогических публикаций. На данный факт также обращает внимание Э. Аронсон, говоря о суициде, который часто бывает спровоцирован рассказами о нем [Аронсон, 1998, с. 83].

Неспособность справиться с запретом нередко имеет место также в тех случаях, когда субъект поставлен в такие условия, при которых ему следует концентрировать свое внимание на выполняемой деятельности и одновременно с этим игнорировать внешние воздействия, не относящиеся к текущей деятельности, воздействия, которые провоцируют человека на совершение нерелевантных действий. Интерес в данном случае представляет то, что, являясь субъектом какой-то одной деятельности, человек одновременно с этим включен еще в одну деятельность, которая заключается в игнорировании всего того, что не предусмотрено программой первой, то есть осознанно выполняемой деятельности. Таким образом, задача, которую неосознанно решает субъект, находясь в определенной познавательной ситуации, связана с тем, что нечто в текущий момент времени осознавать не надо. Эффективность выполнения такой особой деятельности зависит от того, насколько человек успешно справляется с задачей ее невыполнения. В другой терминологии это означает: любая когнитивная деятельность реализуется на фоне выполнения совмещенной задачи на игнорирование.

Проанализируем типичные случаи этого явления, не обсуждая возможные факторы, влияющие на степень интерференционной толерантности. (Традиционно к таким факторам относят сложность основного задания при выраженном дополнительном задании на игнорирование, а также смысловое сходство между основным и дополнительным заданием. «Интерференция оказывается неизбеж-

ной, – указывают Ю.Б. Дормашев и В.Я. Романов, – если две деятельности разделяют одни и те же или тесно связанные периферические механизмы сенсорного входа и моторного выхода» [Дормашев, Романов, 1995, с. 155]. Хотя, по всей видимости, перечень таких факторов далеко не полон).

В контексте настоящего анализа наиболее демонстративным примером интерференционных влияний служит так называемый «Струп-феномен», который в 1935 году был открыт Дж. Струпом. Струп-тест является экспериментальной методикой, диагностирующей особенности познавательной сферы, а именно такой ее характеристики, как «гибкость – ригидность познавательного контроля». Стимулами в струп-тесте являются 100 слов, обозначающие различные цвета, например, «красный», «зеленый», «синий», «желтый». В оригинальном варианте используются три столбчатые таблицы. В первой таблице в каждой клетке написаны одним цветом названия различных цветов. В клетках второй таблицы предъявляются только отдельные цвета. А в третьей название определенного цвета написано чернилами, цвет которых не соответствует названию. Так, слово «желтый» окрашено в синий цвет, слово «зеленый» – в желтый, слово «красный» – в зеленый и т.д. Испытуемый в одном из экспериментальных опытов должен как можно быстрее называть цвет, в который окрашены стимульные слова-цветообозначения. При выполнении этого варианта задания испытуемый вынужден выполнять два совмещенных задания, одно из которых регламентировано инструкцией, а второе задание – задание на игнорирование значения стимульных слов. Величина психической интерференции при выполнении струп-теста оценивается по количеству сделанных ошибок и времени выполнения экспериментального задания. Практика применения струп-теста показывает, что время, затрачиваемое испытуемым на артикуляцию цвета струп-стимулов, всегда оказывается больше как времени, необходимого для чтения слов, написанных чернилами одного

цвета, так и времени называния цветов по второй таблице. Интерференция возникает и в том случае, когда написанное слово имеет лишь ассоциативную связь с каким-нибудь цветом [Когнитивная психология, 2002, с. 69].

Интерференция, которая обнаруживает себя при выполнении задания струп-теста, является проявлением влияния актуально осознаваемого фона, на котором осуществляется основная деятельность. При этом стоит отметить, что независимо от психологических особенностей испытуемых, интерференционный эффект наблюдается всегда и его величина прямо зависит от эффективности выполнения испытуемым задания на игнорирование. Психическая интерференция, которую вынужден преодолевать испытуемый в процессе выполнения тестового задания, зависит, как уже отмечалось, от степени сходства основного и дополнительного заданий, где в качестве дополнительного выступает латентное задание на игнорирование. Тонкость задания струп-теста заключается в том, что испытуемый, зная о том, что именно следует не осознавать, должен стараться это не осознавать. Однако при всем желании самого испытуемого он не способен элиминировать из осознания актуальный смысл, относящийся к задаче игнорирования, поскольку невозможно осознанно не осознавать что-либо.

С помощью методики Струпа изучают широкий класс когнитивных процессов [См., например, Dyer, 1973; Stirling, 1979]. Исследования в этом направлении привели к открытию новых эффектов. Так, например, обнаружен мнемический эффект Струпа, который выражается в «уменьшении продуктивности кратковременного запоминания последовательности цветов шрифта слов – наименований цветов в условии их (то есть цветов и слов) несоответствия по сравнению с кратковременным запоминанием последовательности цветов бессмысленных символов» [Дормашев, Романов, Шилко, 2003, с. 77]. По мнению некоторых авторов, эффект зависимости результатов деятельности от нерелевантной информации возникает

всегда, когда стимул несет в себе противоречивую информацию [См. Smith, 1980]. Результаты множества исследований в когнитивной психологии, направленных на изучение механизмов селекции, дают все основания говорить об интерференции не как о частном эффекте, обнаруженном Струпом, а как об общем принципе работы сознания. Недаром ситуацию конфликта, что возникает в процессе переработки конкурирующих информационных потоков, называют «микрокосмом процессов селективной интерференции» [См. Когнитивная психология, 2002, с. 69].

В настоящее время разработаны различные модификации «Струп-теста» [См. Аллахвердов, 1993, с. 222-225]. Однако в классическом варианте, предложенном Струпом, регистрируемая величина интерференционного эффекта всегда оказывается больше, нежели при использовании модифицированных вариантов. Это, по всей видимости, объясняется несомненными методическими достоинствами струп-теста, что вовсе не говорит о том, что невозможно создать такую модификацию, которая бы вызывала значительное увеличение интерференции по сравнению с классическим эффектом. Такой модифицированный вариант должен предполагать выполнение дополнительного задания, в ходе которого испытуемый вынужден осознавать то, что следует игнорировать для уменьшения интерференции. В этом случае интерференция неизбежно возрастет, что будет явно свидетельствовать о зависимости эффектов осознания релевантной информации от переработки осознаваемой нерелевантной информации.

Кроме «Струп-феномена», к классу интерференционных можно отнести любые явления, демонстрирующие зависимость результатов деятельности сознания (эффектов осознания) от актуально осознаваемой или частично осознаваемой информации, которую, исходя из целей основной деятельности, осознавать не следует.

Тем самым не только актуально неосознаваемая нерелевантная информация, но и осознаваемая информация может детерминировать работу сознания на этапе принятия решения об осознании.

Выводы

1. На основе анализа эмпирических данных можно выделить 6 видов влияния на принятие решения об осознании / неосознавании.

2. На эффекты осознания и неосознавания оказывает влияние как ранее осознанный, так и ранее не осознанный опыт.

3. Принимая во внимание имеющиеся эмпирические данные, можно утверждать, что актуальная иррелевантная информация влияет только на эффекты осознания.

4. Неосознаваемая информация может быть как релевантной, так и нерелевантной.

5. Осознание релевантной информации, как и ее неосознавание подготовлено неосознанно принятым решением об осознании / неосознавании.

ГЛАВА 3. Экспериментальное изучение факторов, влияющих на эффекты осознания при решении КОГНИТИВНЫХ задач

В настоящей главе описаны экспериментальные исследования, направленные на выявление различных факторов, оказывающих влияние на результаты когнитивной деятельности сознания – эффекты осознания и неосознавания.

3.1. Изучение прайминг-эффекта при восприятии многозначных изображений

Актуальной задачей в плане изучения детерминант деятельности сознания является описание логики процесса принятия решения об осознании. В русле решения этой задачи представляется важным выявить зависимость эффектов осознания от сочетаний различных видов влияния. Ранее были рассмотрены шесть видов влияния на конечные эффекты работы сознания (Глава 2). Анализ эмпирических данных показал, что результаты когнитивной деятельности сознания могут быть детерминированы как действием ранее осознанных, так и не осознанных воздействий. Однако в современной экспериментатике не встречаются исследования, в которых бы сравнивалась степень влияния ранее осознанной и ранее не осознанной информации на осознание. Данное исследование устраняет этот пробел.

Цель исследования: установить различие в степени влияния осознанных и ранее не осознанных прайм-стимулов на эффекты восприятия многозначной фигуры.

Предмет исследования: влияние семантики предваряющей стимуляции на решение перцептивной задачи (осознание двойственной фигуры).

Гипотеза исследования: осознание одного из изображений двойственной фигуры («лица-ваза») будет в большей степени зависеть от семантики осознанного прайм-стимула по сравнению с влиянием ранее не осознанной стимуляции.

Методика.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 180 человек (в Эксперименте 1 – 113 человек, в Эксперименте 2 – 67 человек) обоих полов в возрасте от 19 до 20 лет с нормальным или скорректированным до нормального зрением.

Материал и оборудование. Для проведения эксперимента, призванного обнаружить влияние характера предваряющей стимуляции на эффекты осознания при решении испытуемыми зрительной перцептивной задачи, был использован персональный компьютер, оснащенный процессором Intel Pentium 4. Для осуществления процедуры была применена специальная компьютерная программа, предусматривающая произвольное формирование списка предъявляемых стимулов с учетом специфики экспериментальных задач, изменение размера шрифта от 5 пт до 60 пт, варьирование времени предъявления стимулов от 25 мс и использование зрительной маскировки вслед за предъявлением каждого стимула.

Стимульный материал представлял собой три набора слов, предъявляемых с экрана монитора компьютера. Каждый набор включал в себя три слова русской лексики. (Размер шрифта № 12). Использовалась также реверсивная (двойственная) фигура «ваза-лица» размером 150x150 мм, предъявляемая с экрана монитора компьютера (См. Приложение 1).

План исследования. Структура исследования включала в себя два эксперимента. В Эксперименте 1 проверялась зависимость эффектов осознания двойственной фигуры от семантики не осознанных вербальных стимулов. В Эксперименте 2 в качестве прайм-стимулов использовались те же стимульные слова, что и в Эксперименте 1, но предъявляемые на время, достаточное для их осозна-

ния. Таким образом, *зависимой переменной* в обоих экспериментах являлся выбор одного из изображений двойственной фигуры. *Независимая переменная* – характер прайм-стимула – имела пять состояний:

1. Неосознаваемые слова, семантически связанные с изображением вазы.
2. Неосознаваемые слова, семантически связанные с изображением лиц.
3. Осознаваемые слова, семантически связанные с изображением вазы.
4. Осознаваемые слова, семантически связанные с изображением лиц.
5. Неосознаваемые нейтральные слова, не имеющие смысловой связи ни с одним из изображений двойственной фигуры.

Процедура исследования. Исследование проводилось с каждым испытуемым отдельно в изолированном, искусственно освещенном помещении. Испытуемый находился перед монитором на расстоянии примерно 50 см от экрана.

Эксперимент 1. Влияние ранее не осознанных праймов на восприятие многозначной фигуры.

В эксперименте приняло участие 113 человек. Экспериментальная выборка была разделена на три группы. Первая и вторая экспериментальные группы насчитывали по 45 человек, количество испытуемых в контрольной группе составило 23 человека.

Процедура включала в себя два этапа.

Суть *первого* этапа заключалось в том, что испытуемому на экране монитора последовательно предъявлялись слова из списка, заранее составленного экспериментатором для каждой из групп испытуемых.

На *втором* этапе испытуемому с экрана монитора предъявлялась реверсивная фигура. При этом задача испытуемого как можно быстрее сообщить, что он видит на экране.

На первом этапе испытуемым первой экспериментальной группы на экране монитора предъявлялась последовательность из трех слов. Все слова были семантически связаны с понятием «ваза». Определение семантической близости осуществлялось предварительно путем подсчета частоты встречаемости ассоциаций на слово «ваза». Три наиболее часто встречающиеся ассоциации были включены в список, предъявляемый первой группе испытуемых. Слова предъявлялись в следующей последовательности: «РОЗЫ», «БУКЕТ», «ЦВЕТЫ».

Испытуемым второй экспериментальной группы предъявлялись три слова, имеющих смысловую связь со словом «лицо». Выбор этих слов также был произведен на основе предварительного подсчета частоты встречаемости ассоциаций на слово «лицо». Три из наиболее часто встречающихся ассоциаций вошли в список, предъявляемый второй группе испытуемых. Слова образовали следующую последовательность предъявления: «ГЛАЗА», «ПОРТРЕТ», «ВЗГЛЯД».

Испытуемым контрольной группы перед решением зрительной задачи была предъявлена последовательность из трех слов, семантически нейтральных по отношению к обоим изображениям реверсивной фигуры: «СТУЛ», «ВЕТЕР», «РАДИО».

Предъявление любого из трех наборов слов начиналось с того, что испытуемый с помощью компьютерной мыши нажимал клавишу «НАЧАТЬ!», расположенную в правом верхнем углу интерактивного окна программы. После этого в центре экрана появлялся знак «!», определяющий место фиксации взгляда. Затем, нажимая клавишу «ДАЛЕЕ>», расположенную в левом нижнем углу интерактивного окна, испытуемый инициировал экспозицию соответствующих вербальных стимулов.

Время экспозиции каждого стимула заранее задавалось экспериментатором в настройках программы и составляло 25 мс. Время межстимульного интервала составляло 400 мс. Слова предъявля-

лись на однородном сером фоне. После каждого элемента стимуль-ного ряда на экране монитора на 100 мс предъявлялась зрительная маскировка в виде однородного красного фона. Время от момента предъявления маски после последнего слова стимульной последовательности до момента экспозиции реверсивной фигуры составляло 500 мс.

Вторая часть процедуры эксперимента состояла в том, что испытуемому на экране монитора на 3 сек. предъявляли реверсивную фигуру «ваза-лица» и просили после этого как можно быстрее сообщить вслух, что он видит. Ответ испытуемого фиксировался в протоколе эксперимента.

Обработка результатов. Первичные данные, полученные в эксперименте, обрабатывались с помощью пакета Microsoft Excel. В ходе статистической обработки сопоставлялись:

1. Процентные доли испытуемых в первой экспериментальной и контрольной группах, выбравших при восприятии реверсивной фигуры «ваза-лица» изображение «ваза».

2. Процентные доли испытуемых во второй экспериментальной и контрольной группах, выбравших изображение «лица».

3. Эффекты влияния прайм-стимулов в первой и второй экспериментальных группах.

Для сопоставления указанных величин был выбран многофункциональный критерий φ^* Фишера (угловое преобразование Фишера), оценивающий достоверность различий между процентными долями исследуемого признака в двух выборках. Эмпирическое значение критерия $\varphi_{эм}^*$ рассчитывалось по формуле:

$$\varphi_{эм}^* = (\varphi_1 - \varphi_2) \cdot \sqrt{\frac{n_1 \cdot n_2}{n_1 + n_2}},$$

где φ_1 – табличная величина, соответствующая большей процентной доле; φ_2 – табличная величина, соответствующая меньшей про-

центной доле; n_1 – количество опытов в первой выборке; n_2 – количество опытов во второй выборке.

Критические значения критерия $\varphi_{кр}^*$ при двух общепринятых уровнях значимости находились по таблице величин угла φ (в радианах) для разных процентных долей (по В.Ю. Урбаху) и составили:

$$\varphi_{кр}^* = \begin{cases} 1,64 & \text{при } p \leq 0,05 \\ 2,31 & \text{при } p \leq 0,01 \end{cases}$$

При сопоставлении результатов, полученных в первой экспериментальной группе, где проверялось влияние не осознанных праймов на выбор изображения «ваза», с результатами, полученными в контрольной группе, где использовались нейтральные слова, была оценена статистическая достоверность отличий в процентных долях испытуемых, выбравших изображение «ваза» при восприятии двойственной фигуры. При сопоставлении второй экспериментальной группы, в которой проверялось влияние не осознанных праймов на выбор изображения «лица», с контрольной группой, была оценена статистическая достоверность отличий между процентными долями испытуемых, выбравших изображение «лица». При сопоставлении первой и второй экспериментальных групп была произведена оценка достоверности различий в эффектах влияния прайм-стимулов на принятие сознанием решения об осознанном восприятии изображения «ваза» и «лица», соответственно. Во всех сопоставлениях была оценена достоверность отличий при уровне значимости $p \leq 0,05$.

Обоснование определения чистого прайминг-эффекта было произведено с использованием аппарата теории вероятностей. При предположении, что результаты эксперимента являются репрезентативными и процентные доли являются достаточно точными оценками вероятностей соответствующих явлений в генеральной совокупности, были введены следующие обозначения:

- событие A – влияние прайм-стимула на принятие сознанием решения воспринимать изображение «ваза»;
- событие B – осознание изображения «ваза» в отсутствии действия прайм-стимула.

Эти события являются независимыми и совместными. Иначе говоря, наступление любого из них не зависит от наступления другого и наступление одного из этих событий не исключает наступления другого. Независимость следует из самих определений этих событий – при определении события B акцентируется момент отсутствия действия прайм-стимуляции. Совместность же событий является следствием того, что, вполне вероятно, существует категория людей, которые увидели бы в двойственной фигуре «вазу» как при наличии действия прайма, так и при его отсутствии. Отсюда по формуле суммы вероятностей двух совместных независимых событий:

$$P(A+B) = P(A) + P(B) + P(AB),$$

где $P(A+B)$ – вероятность осознания изображения «ваза» независимо от того, повлияли ли на это прайм-стимулы или нет, чему соответствует доля испытуемых, выбравших изображение «ваза» в первой экспериментальной группе;

$P(A)$ – вероятность влияния прайм-стимулов;

$P(B)$ – вероятность осознания изображения «ваза» в отсутствии действия соответствующей семантической наводки, чему соответствует доля испытуемых, выбравших изображение «ваза» в контрольной группе;

$P(AB)$ – вероятность того, что при действии прайм-стимулов произошло осознание изображения «ваза» независимо от влияния праймов, что определяет долю тех людей в первой экспериментальной группе, что увидели бы «вазу» и при отсутствии действия праймов.

Чистый эффект, вызванный действием праймов на принятие решения об осознанном восприятии «вазы», находится по формуле:

$$P(A) - P(AB) = P(A+B) - P(B),$$

где $P(A) - P(AB)$ – разность между долей испытуемых, выбравших изображение «вазы» в первой экспериментальной группе, и соответствующей долей в контрольной группе.

Аналогичные рассуждения верны и для определения чистого прайминг-эффекта, связанного с осознанным восприятием «профилей».

Результаты эксперимента в части решения перцептивной задачи приведены в Таблице 3. В 82 % случаев испытуемые первой экспериментальной группы, которым предъявлялись слова, семантически связанные со словом «ваза», при восприятии реверсивной фигуры сообщали, что видят изображение «ваза» и только в 18 % случаев – изображение «лица». В то время как испытуемые второй экспериментальной группы, которым предъявлялись слова, имеющие смысловую связь со словом «лицо», лишь в 33 % случаев сообщали, что видят изображение «ваза». В 67 % случаев испытуемые этой группы воспринимали два профиля. Испытуемые контрольной группы, где влияние не осознанных прайм-стимулов было нейтрально по отношению к обоим изображениям реверсивной фигуры, видели изображение «ваза» в 61 % случаев, а изображение «лица» – в 39 % случаев.

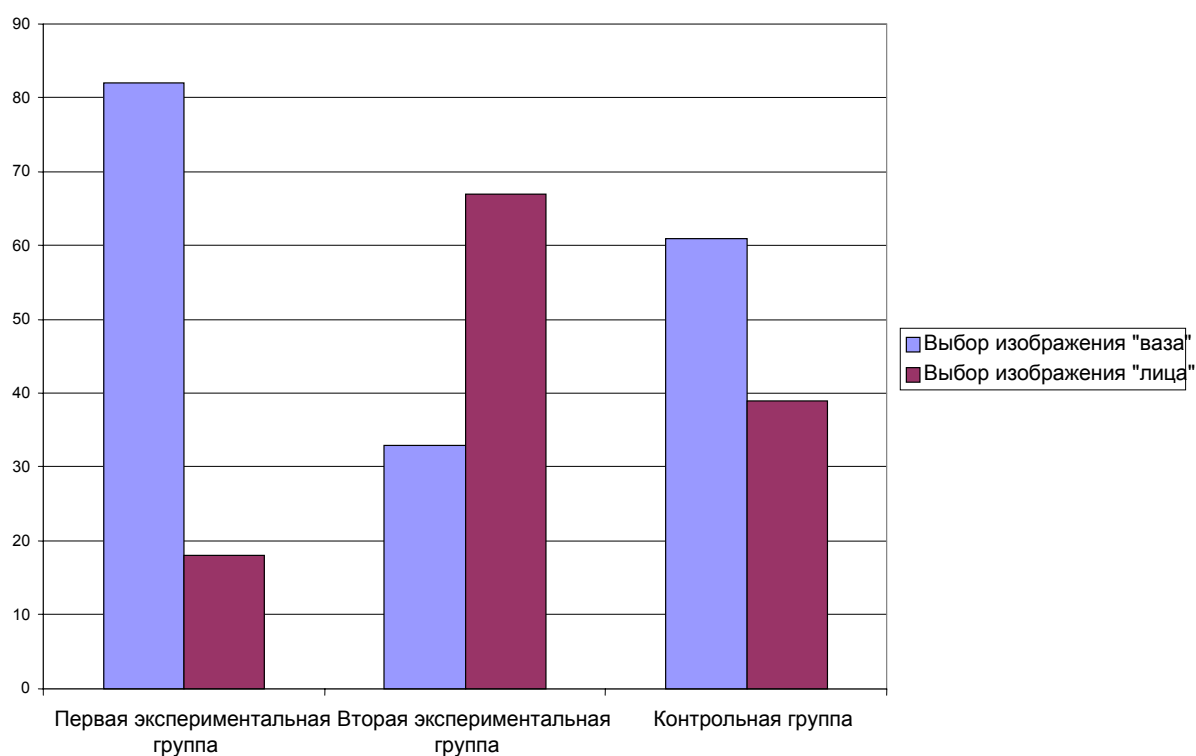
Таблица 3

Процентное соотношение событий восприятия изображений «ваза» и «лица» при действии не осознанных прайм-стимулов

Зрительное решение	Первая экспериментальная группа		Вторая экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Число решений	В % от общего числа	Число решений	В % от общего числа	Число решений	В % от общего числа
«ВАЗА»	37	82	15	33	14	61
«ЛИЦА»	8	18	30	67	9	39
Общее число решений	45	100	45	100	23	100

Полученные результаты продемонстрировали выраженную зависимость решения перцептивной задачи от смысловой принадлежности стимульных слов. Диаграмма 1 показывает явное увеличение процентной доли испытуемых, выбравших соответствующее изображение на реверсивной фигуре «ваза – лица» в экспериментальных группах, где исследовалось влияние праймов, по сравнению с долей испытуемых в контрольной группе, выбравших данное изображение при нейтральном действии предваряющей стимуляции. Так, в первой экспериментальной группе, где присутствовало влияние праймов, связанное с выбором «вазы», доля испытуемых, осознанно воспринявших изображение вазы, увеличилась на 21 % по сравнению с соответствующей долей испытуемых в контрольной группе. Во второй экспериментальной группе, где действовали прайм-стимулы, семантически связанные со словом «лицо», доля испытуемых, выбравших изображение «лица», увеличилась на 28 %

Диаграмма 1. *Процентное соотношение событий восприятия изображений «ваза» и «лица» при действии ранее не осознанных праймов*

по сравнению с соответствующей долей в контрольной группе. Данные процентные величины представляют собой чистые эффекты воздействия не осознанных праймов на выбор изображений «ваза» и «лица» соответственно.

Анализ достоверности различий в процентных долях испытуемых, выбравших на реверсивной фигуре определенное изображение при отсутствии действия праймов и при их наличии, проведенный с помощью критерия φ^* углового преобразования Фишера, при котором осуществлялось попарное сравнение первой и второй экспериментальных групп с контрольной группой, привел к следующим результатам.

Эмпирическое значение φ^* при сопоставлении первой экспериментальной и контрольной групп равно 1,87 и соответствует уровню значимости $p \leq 0,05$. Эмпирическое значение φ^* при сопоставлении второй экспериментальной и контрольной групп равно 2,18 и соответствует уровню значимости $p \leq 0,01$. Данные для расчета эмпирических значений критерия φ^* в обоих сопоставлениях приведены в Таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Расчет критерия φ^ при сопоставлении первой экспериментальной и контрольной групп испытуемых по процентной доле выбравших изображение «ваза» при действии ранее не осознанных праймов*

Группы	Выбор изображения «ваза» (эффект есть)			Выбор изображения «лица» (эффекта нет)	
	Количество испытуемых	Доля, в %	Значение φ	Количество испытуемых	Доля, в %
Первая экспериментальная группа	37	82	1,87	8	18
Контрольная группа	14	61		9	39

Таблица 5

Расчет критерия φ^ при сопоставлении второй экспериментальной и контрольной групп испытуемых по процентной доле выбравших изображение «лица» при действии ранее не осознанных праймов*

Группы	Выбор изображения «лица» (эффект есть)			Выбор изображения «ваза» (эффекта нет)	
	Число испытуемых	Доля, в %	Значение φ	Число испытуемых	Доля, в %
Вторая экспериментальная группа	30	67	2,18	15	33
Контрольная группа	9	39		14	61

Полученные в обоих сравнениях значения критерия $\varphi_{эм}^*$ больше критического значения $\varphi_{кр}^*=1,64$ при принятом уровне значимости $p \leq 0,05$ и попадают в зону значимости. Следовательно, можно утверждать, что влияние прайм-стимулов на решение зрительной перцептивной задачи статистически значимо, то есть смысловая принадлежность не осознанных стимульных слов действительно оказывает значимое влияние на последующий перцептивный выбор испытуемыми соответствующего изображения реверсивной фигуры.

Значения критериев, полученные при сопоставлении соответственно первой и второй экспериментальных групп с контрольной, свидетельствуют о разной степени влияния праймов на восприятие изображений «лица» и «ваза». Эффекту влияния не осознанных праймов на выбор изображения «лица» соответствует значение критерия φ^* , равное 2,18, в то время как эффекту влияния на выбор изображения «ваза» – значение критерия, равное 1,87. Это указывает на то, что воздействие праймов в первом случае статистически более значимо, чем соответствующее влияние на выбор изображения «ваза». Возможно, что понятие «лица» и близкие к нему семантические единицы более значимы для испытуемых. Хотя, не ис-

ключено, что установленное различие объясняется спецификой стимульной фигуры.

Анализ достоверности различий в чистых прайминг-эффектах для каждого случая был также произведен с помощью критерия φ^* Фишера. Расчетные данные приведены в Таблице 6.

Таблица 6

Расчет критерия φ^ при сопоставлении первой и второй экспериментальных групп по величине эффекта влияния ранее не осознанных праймов на выбор изображений «ваза» и «лица»*

Чистые эффекты семантических наводок	Величина чистого эффекта, в %	Значение φ
Наводка на изображение вазы	21	0,99 ($p > 0,05$)
Наводка на изображение профилей	28	

Полученное при сравнении чистых прайминг-эффектов значение критерия $\varphi_{эм}^*$ составляет 0,99, что гораздо меньше критического значения $\varphi_{кр}^* = 1,64$ при принятом уровне значимости $p \leq 0,05$. Следовательно, можно утверждать, что различия между величинами чистых эффектов, возникших вследствие действия праймов на принятие сознанием соответствующего решения, статистически незначимы. Отсутствие различий как раз свидетельствует в пользу того, что осознание одного из изображений двойственной фигуры обусловлено именно воздействием предваряющей стимуляции. Другими словами, семантика не осознанных прайм-стимулов явилась определяющим фактором при решении перцептивной задачи.

Эксперимент 2. Влияние осознанных праймов на восприятие многозначной фигуры.

С тем чтобы проверить исходную гипотезу о различии в степени влияния ранее не осознанной и осознанной предваряющей стимуляции на эффекты восприятия многозначной фигуры, необходи-

мо установить зависимость указанных эффектов от воздействия тех же прайм-стимулов, что использовались в Эксперименте 1, но предъявляемых на время, достаточное для их безошибочного опознания.

В эксперименте приняли участие 67 человек. (В двух экспериментальных группах по 25 человек. Количество участников в контрольной группе составило 17 человек.)

Процедура эксперимента не отличалась от выше описанной, за исключением того, что перед предъявлением двойственной фигуры предъявлялись слова на время экспозиции, достаточное для опознания. Время экспозиции каждого вербального стимула составляло 1 сек. Зрительная маскировка не использовалась. Время от момента предъявления последнего слова до момента экспозиции реверсивной фигуры составляло, как и в Эксперименте 1, 500 мс. Время предъявления реверсивной фигуры – 3 сек.

Обработка результатов была аналогична той, что проводилась в Эксперименте 1. Помимо расчета в каждой из трех групп процентных долей испытуемых, выбравших при восприятии двойственной фигуры изображение «ваза» и изображение «лица», соответственно, и расчета достоверности различий при попарных сравнениях, была также установлена достоверность различий между выраженностью прайминг-эффектов, обнаруженных в Эксперименте 1 и в Эксперименте 2.

Результаты. Результаты эксперимента приведены в Таблице 7. В 92 % случаев испытуемые первой экспериментальной группы, которым на осознаваемом уровне предъявлялись слова, имеющие смысловую связь со словом «ваза», при последующем восприятии реверсивной фигуры сообщали, что видят изображение «ваза». В 8 % случаев эти испытуемые осознавали изображение «лица». Испытуемые второй экспериментальной группы, которым предъявлялись слова, имеющие смысловую связь со словом «лицо», в 16 % случаев сообщали, что видят изображение «ваза» и

в 84 % случаев воспринимали «лица». Испытуемые контрольной группы показали следующие результаты: изображение «ваза» выбрали 65 % испытуемых, а изображение «лица» – 35 % от общего количества испытуемых.

Таблица 7

Процентное соотношение событий восприятия изображений «ваза» и «лица» при действии осознанных прайм-стимулов

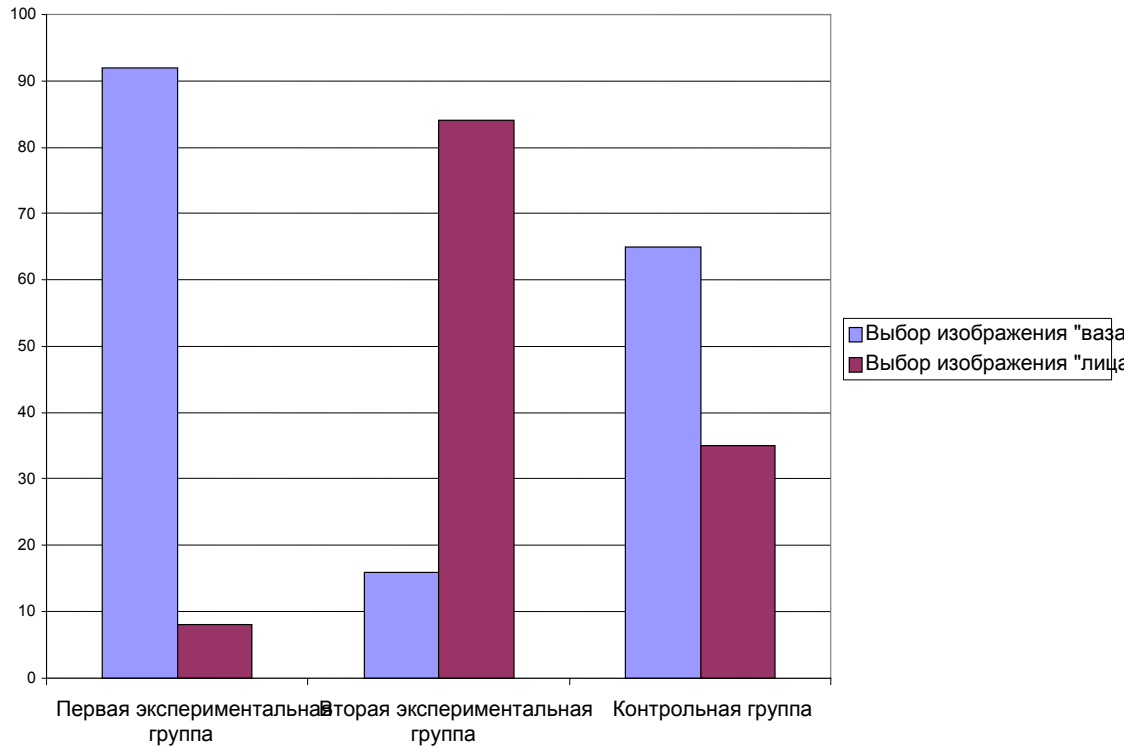
Зрительное решение	Первая экспериментальная группа		Вторая экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Количество решений	В % от общего количества	Количество решений	В % от общего количества	Количество решений	В % от общего количества
«ВАЗА»	23	92	4	16	11	65
«ЛИЦА»	2	8	21	84	6	35
Общее число решений	25	100	25	100	17	100

Результаты обнаружили явную зависимость решения перцептивной задачи от влияния ранее осознанных прайм-стимулов. На Диаграмме 2 показаны различия в результатах решения перцептивной задачи испытуемыми трех групп. В первой экспериментальной группе количество выборов изображения «ваза» увеличилось по сравнению с контрольными условиями на 27 %. Во второй экспериментальной группе увеличение количества выборов изображения «лица» составило 49 %. Данные процентные величины представляют собой чистые эффекты воздействия ранее осознанных праймов на выбор изображения «ваза» и «лица», соответственно.

Укажем критические значения критерия $\varphi_{кр}^*$ при двух уровнях значимости:

$$\varphi_{кр}^* = \begin{cases} 1,64 & \text{при } p \leq 0,05 \\ 2,31 & \text{при } p \leq 0,01 \end{cases}$$

Диаграмма 2. Процентное соотношение событий восприятия изображений «ваза» и «лица» при действии ранее осознанных праймов

Анализ достоверности различий в результатах, проведенный с помощью критерия φ^* , дал такие результаты:

- эмпирическое значение φ^* при сопоставлении первой экспериментальной и контрольной групп равно 3,8 и соответствует уровню значимости $p < 0,01$;
- эмпирическое значение φ^* при сопоставлении второй экспериментальной и контрольной групп равно 2,2 и соответствует уровню значимости $p < 0,05$.

Данные для расчета эмпирических значений критерия φ^* в обоих сопоставлениях приведены в Таблицах 8 и 9.

Таблица 8

Расчет критерия φ^ при сопоставлении первой экспериментальной и контрольной групп испытуемых по процентной доле выбравших изображение «ваза» при действии осознанных праймов*

Группы	Выбор изображения «ваза» (эффект есть)			Выбор изображения «лица» (эффекта нет)	
	Количество испытуемых	Доля, в %	Значение φ	Количество испытуемых	Доля, в %
Первая экспериментальная группа	23	92	3,77	2	8
Контрольная группа	11	65		6	35

Таблица 9

Расчет критерия φ^ при сопоставлении второй экспериментальной и контрольной групп испытуемых по процентной доле выбравших изображение «лица» при действии осознанных праймов*

Группы	Выбор изображения «лица» (эффект есть)			Выбор изображения «ваза» (эффекта нет)	
	Количество испытуемых	Доля, в %	Значение φ	Количество испытуемых	Доля, в %
Вторая экспериментальная группа	21	84	2,20	4	16
Контрольная группа	6	35		11	65

Полученные в обоих сравнениях значения критерия $\varphi_{эмп}^*$ больше критического значения $\varphi_{кр}^* = 1,64$ при принятом уровне значимости $p \leq 0,05$ и попадают в зону значимости. Следовательно, можно утверждать, что влияние прайм-стимулов на решение зрительной перцептивной задачи статистически значимо. Это означает, что семантика ранее осознанных стимульных воздействий оказывает значимое влияние на интерпретацию многозначной фигуры.

Значения критериев, полученные при сопоставлении соответственно первой и второй экспериментальных групп с контрольной, свидетельствуют о разной степени влияния осознанных праймов на изображение «лица» и «ваза». Эффекту влияния праймов на выбор изображения «лица» соответствует значение критерия ϕ^* , равное 2,2, а эффекту влияния на выбор «вазы» – значение критерия, равное 3,8. Это говорит о более выраженном воздействии праймов в случае выбора испытуемыми изображения «ваза». Интересно то, что в Эксперименте 1 наблюдалась обратная ситуация: более статистически достоверным оказалось влияние праймов, семантически связанных с изображением «лица» по сравнению с аналогичным влиянием на выбор изображения «ваза». Вполне вероятно, что «осознанность/неосознанность» прайм-стимулов является одним из факторов, детерминирующих перцептивный выбор черной фигуры на белом фоне или, наоборот, белой фигуры на черном фоне. Проверка данного предположения не предполагалась задачей исследования, хотя обнаруженный факт заслуживает внимания.

Анализ достоверности различий в чистых эффектах для каждого случая был также произведен с помощью критерия ϕ^* Фишера. Расчетные данные приведены в Таблице 10.

Таблица 10

Расчет критерия ϕ^ при сопоставлении первой и второй экспериментальных групп по величине чистого эффекта влияния ранее осознанных слов на выбор изображений «ваза» и «лица»*

Чистые прайминг-эффекты	Величина чистого эффекта, в %	Значение ϕ
Наводка на изображение «ваза»	27	3,11 ($p < 0,01$)
Наводка на изображение «лица»	49	

Полученное при сравнении чистых прайминг-эффектов значение критерия $\varphi_{эмт}^*$ составляет 3,1, что больше критического значения $\varphi_{кр}^* = 1,64$ при уровне значимости $p \leq 0,01$. Следовательно, можно утверждать, что различия между величинами чистых эффектов, вызванных действиями ранее осознанных праймов на принятие сознанием соответствующего решения, статистически значимы. Воздействие праймов, семантически связанных с изображением «лица» было более выраженным по сравнению с влиянием ранее осознанных праймов, имеющих смысловую связь с изображением «ваза».

Для проверки гипотезы исследования сравнивались чистые прайминг-эффекты, обнаруженные в Эксперименте 1 и Эксперименте 2. Для этого сначала суммировалось значение приращения количества выборов изображения «ваза» в первой экспериментальной группе Эксперимента 1 по отношению к количеству соответствующих выборов в контрольной группе со значением приращения количества выборов изображения «лица» во второй экспериментальной группе Эксперимента 1. В результате этого, был установлен чистый прайминг-эффект, связанный с действием не осознанной стимуляции, независимо от ее семантики. Величина чистого прайминг-эффекта, обусловленного воздействием не осознанных стимулов составила 49 %. Затем рассчитывалось среднее значение, которое составило 24,5 %.

Аналогичным образом рассчитывался чистый прайминг-эффект, вызванный действием ранее осознанных стимулов. Он составил 76 %. Среднее – 38 %.

Оценка достоверности различий производилась между средними значениями чистых прайминг-эффектов, обнаруженных в Эксперименте 1 и Эксперименте 2 (См. Таблицу 11).

Таблица 11

Расчет критерия φ^ при сопоставлении чистых прайминг-эффектов, полученных в Эксперименте 1 и Эксперименте 2*

Чистые прайминг-эффекты	Среднее значение чистого прайминг-эффекта, в %	Значение φ
Влияние ранее не осознанных прайм-стимулов (Эксперимент 1)	24,5	2,12 ($p < 0,05$)
Влияние ранее осознанных прайм-стимулов (Эксперимент 2)	38	

Оценка достоверности различий показала, что в Эксперименте 2 влияние осознанных праймов было статистически более значимым, чем в Эксперименте 1. Это свидетельствует о более высокой степени влияния на эффекты восприятия реверсивной фигуры ранее осознанных прайм-стимулов.

Обсуждение результатов. Полученные результаты эксперимента позволяют с уверенностью утверждать, что осознание на уровне зрительной перцепции в созданных экспериментальных ситуациях явилось следствием неосознанно принятого решения об осознании.

В каждый момент времени механизм принятия решения осуществляет когнитивный выбор из множества неосознаваемых вариантов интерпретации. Когнитивный выбор является не самим вариантом интерпретации внешнего воздействия, а тем этапом когнитивной деятельности, на котором эта интерпретация определяется. Результаты эксперимента показали, что при потенциальной вариативности интерпретации однозначное понимание многозначной фигуры определяется семантикой того мнемического контекста, который актуально является наиболее активным. Осознание всегда происходит в мнемическом контексте, хотя сам субъект этого не осоз-

нает. В Эксперименте 1 этот контекст был образован посредством не осознанной стимуляции. В Эксперименте 2 – последовательностью ранее осознанных слов. Ранее уже отмечалось, что работа механизмов сознания, которые обеспечивают конечные эффекты осознания, а также мнемический контекст, в рамках которого происходит интерпретация, сознанием не осознаются. Это положение справедливо, конечно же, и в тех случаях, когда мнемический контекст формируется на не осознаваемом уровне. В Эксперименте 1 в подавляющем большинстве случаев испытуемые не успевали осознать значение стимульных слов, предъявляемых до момента решения зрительной задачи. Тем не менее, семантика соответствующего вербального ряда определяла последующий эффект осознания определенного изображения двойственной фигуры. Следовательно, можно считать, что обсуждаемое в предшествующих главах положение о предваряющих эффект осознания неосознаваемых процессах, получило свое эмпирическое подтверждение. Тем самым, еще раз продемонстрировано, что понимание реализуется даже в тех случаях, когда субъект этого не осознает. В свою очередь, содержание понимания без осознания может определять эффекты осознания в последующие моменты времени.

Сравнительный анализ результатов проведенных экспериментов показал, что более сильное влияние на эффекты осознанного восприятия двойственной фигуры оказывают ранее осознанные прайм-стимулы. Данные, полученные в первых экспериментальных группах, свидетельствуют о том, что при действии ранее осознанных прайм-стимулов количество выборов изображения «вазы» увеличилось на 10 %, в то время как сравнение результатов по вторым экспериментальным группам показывает увеличение количества выборов изображения «лица» на 17 %. В среднем, воздействие ранее осознанных слов на 13,5 % было более значимым по сравнению с влиянием ранее не осознанных слов. Различие в степени влияния

осознанных и ранее не осознанных слов оказалось статистически значимым ($p < 0,05$).

Таким образом, экспериментальный результат продемонстрировал, что эффекты осознания в большей степени обусловлены ранее осознанной информацией по сравнению с ранее не осознанной, что согласуется с законом последствия позитивного выбора [Аллахвердов, 2000, с. 460].

3.2. Изучение зависимости эффектов деятельности сознания от специфики предваряющей информации при выполнении задачи «лексического решения»

Выполнение задачи «лексического решения» предполагает выбор испытуемым одного из вариантов ответа: относится ли предъявляемый на короткое время экспозиции стимул к лексике (то есть, является ли он осмысленным словом) или же представляет собой бессмысленный набор букв. Эксперименты в данной парадигме, как правило, проводятся с целью выявления закономерностей в работе неосознаваемых механизмов сознания.

Выполнение задачи «лексического решения» (вербальный ответ: «слово» или «бессмыслица») является, по существу, осознаваемым результатом неосознаваемого принятия решения. Человек не способен осознавать то, как он осознает, поскольку осознанию подлежит всегда лишь интегральный продукт деятельности сознания. Корреспонденция сознания и памяти (в аспекте сохранения информации) и подготовка информации к осознанию происходят неосознанно. Вместе с тем, само принятие решения об осознании, как показал анализ, проведенный в Главе 2, и описанный в предыдущем параграфе эксперимент, детерминировано семантикой не осознанной стимульной информации, предваряющей предъявление тестового стимула. (В задаче «лексического решения» тестовый стимул следует по инструкции идентифицировать или как слово, или как бессмысленный набор букв.).

В исследованиях, где применяется экспериментальная парадигма задачи «лексического решения», используются главным образом неосознаваемые или частично осознаваемые вербальные стимулы. Поэтому такие исследования, прежде всего, направлены на обнаружение эффектов семантического предшествования. Вместе с тем, было бы небезынтересно выяснить, какое влияние на эффективность выполнения задачи «лексического решения» оказывает характер предваряющей стимуляции. Иначе говоря, вопрос о том, зависит ли результативность выполнения задачи «лексического решения» от бессмысленной предваряющей информации, предполагает создание несколько иных экспериментальных планов по сравнению с теми, которые получили распространение в исследованиях, где используется данная экспериментальная парадигма.

Исследование проводилось О.Г. Молодченко под моим руководством.

В эксперименте преследовалась **цель** – выяснить характер зависимости между эффективностью выполнения задачи «лексического решения» и спецификой предваряющей стимульной информации.

Предмет исследования: влияние характера не осознанной предваряющей стимульной информации на эффективность выполнения задачи «лексического решения».

В эксперименте проверялись следующие **гипотезы**:

1. Результативность опознания слова при выполнении задачи «лексического решения» будет наибольшей, если предваряющим стимулом будет являться слово.

2. Результативность опознания бессмысленной информации при выполнении задачи «лексического решения» будет наибольшей в случае, если предваряющим стимулом будет являться бессмысленная информация.

Методика.

Испытуемые. В эксперименте приняли участие 105 человек в возрасте от 21 до 45 лет с нормальным или скорректированным до

нормального зрением. Испытуемые были разделены на три группы: одну контрольную и две экспериментальные, по 35 человек в каждой группе.

Материал и оборудование. Перед проведением процедуры эксперимента была разработана компьютерная программа, дающая возможность произвольно задавать требуемые режимы стимуляции: варьировать время предъявления стимульного материала и время межстимульных интервалов; изменять фоновые характеристики (светлоту, цвет и хроматическую насыщенность); устанавливать вид и время действия зрительной маскировки. Для проведения процедуры был использован персональный компьютер, оснащенный процессором Intel Pentium 4.

Для обеспечения внутренней валидности эксперимента все основные задаваемые параметры, такие, как: время предъявления стимулов, межстимульные интервалы, шрифт, хроматические характеристики фона, количество стимульных рядов, характеристики зрительной маскировки и т.п., оставались постоянными при изменении состояния независимой переменной, то есть при варьировании экспериментальных условий.

План эксперимента. *Зависимая переменная* – результативность опознания тестового стимула. В качестве тестовых стимулов использовался бессмысленный набор букв или слово русской лексики.

Независимой переменной являлся вид предваряющей стимульной информации. Независимая переменная имела три состояния:

1. Числовой ряд.
2. Бессмысленный набор букв.
3. Слово.

Планом эксперимента было предусмотрено создание трех стимульных ситуаций, названных условно: стимульная ситуация №1 (контрольная), стимульная ситуация №2, стимульная ситуация №3.

Процедура эксперимента. В каждой из стимульных ситуаций испытуемому необходимо было воспринять последовательность из 12 стимульных рядов. Каждый ряд, в свою очередь, состоял из двух стимулов, объединенных в стимульную пару. Первый стимул в стимульной паре был условно назван *предваряющим стимулом*. Он предъявлялся на 25 мс. Второй стимул в паре был назван *тестовым стимулом*. В отношении тестового стимула испытуемому следовало выполнить задачу «лексического решения», то есть определить, является ли этот стимул словом или нет. Время предъявления тестового стимула составило также 25 мс. После каждого стимула, как предваряющего, так и тестового, использовалась маска: на экране монитора на 2 сек. появлялся однородный фон ярко-красного цвета. При выбранном времени предъявления стимулов и использовании зрительной маскировки процесс опознания тестовых стимулов оказывался существенно затрудненным.

Набор тестовых стимулов был инвариантным для всех четырех стимульных ситуаций и представлял собой 6 слов, состоящих из 6-ти букв и 6-ти бессмысленных буквосочетаний, также состоящих из 6-ти букв. Слова и бессмысленные буквосочетания менялись в случайной последовательности. Бессмысленный набор букв в каждом из 6-ти случаев включал в себя четыре согласных и две гласные буквы, поэтому буквенный ряд при малом времени экспозиции мог быть ошибочно опознан как слово. В дальнейшем такой вид стимуляции будет обозначаться как *бессмысленный набор букв*.

Тестовые стимулы предъявлялись всем испытуемым в следующем порядке: СМЕТИЛ, КОЛЕСО, КАКТУС, ФИРТИК, ДОРОГА, ЧАЙНИК, УПРИТА, ВЕКБИМ, ОГОРОД, ТУРВАД, МОЛОКО, МАРКАТ.

Предваряющий стимул изменялся следующим образом:

а) В *стимульной ситуации №1* (контрольное условие) предваряющим стимулом являлся числовой ряд из 6-ти цифр.

б) В *стимульной ситуации №2* – бессмысленный набор из 6-ти букв.

в) В *стимульной ситуации №3* – слово, состоящее из 6-ти букв. (В этой ситуации предваряющий стимул подбирался по принципу семантической связи с тестовым).

Стимульный материал представлен в Таблице 12.

Таблица 12

Стимульные ряды, использованные в экспериментальных ситуациях

№ п/п	Стимульная ситуация №1	Стимульная ситуация №2	Стимульная ситуация №3
1.	783251 СМЕТИЛ	СОВДЕМ СМЕТИЛ	СОЛНЦЕ СМЕТИЛ
2.	431892 КОЛЕСО	БЕРТЕЯ КОЛЕСО	МАШИНА КОЛЕСО
3.	752943 КАКТУС	МОВТОН КАКТУС	ЦВЕТОК КАКТУС
4.	325690 ФИРТИК	ВЕСТЯР ФИРТИК	ЯБЛОНЯ ФИРТИК
5.	632975 ДОРОГА	СУНИРА ДОРОГА	ТРАССА ДОРОГА
6.	143276 ЧАЙНИК	УХЕМЕТ ЧАЙНИК	ПОСУДА ЧАЙНИК
7.	321074 УПРИТА	ХИМРАС УПРИТА	ВОКЗАЛ УПРИТА
8.	803421 ВЕКБИМ	СУВТИН ВЕКБИМ	СОБАКА ВЕКБИМ
9.	738215 ОГОРОД	МИТРОД ОГОРОД	ГРЯДКА ОГОРОД
10.	643892 ТУРВАД	ПИРАСО ТУРВАД	ПЕДАЛЬ ТУРВАД
11.	532218 МОЛОКО	ОСТИНА МОЛОКО	КОРОВА МОЛОКО
12.	658230 МАРКАТ	РУТЕВА МАРКАТ	СТРЕЛА МАРКАТ

Процедура эксперимента строилась следующим образом. Испытуемый располагался перед экраном монитора на расстоянии приблизительно 50 см. Затем экспериментатор зачитывал инструк-

цию: «Вам необходимо как можно внимательнее смотреть на экран. Ваша задача – отмечать все, что будет появляться на экране и затем отвечать на мои вопросы». После инструктирования производился запуск программы. Время задержки предъявления первого стимула в серии составляло 5 сек. Затем на экране монитора последовательно предъявлялись двенадцать пар стимулов. После предъявления каждой пары испытуемому задавался вопрос: «Как Вам кажется, что предъявлялось на экране последним: слово или бессмыслица?»

Обработка результатов. Все полученные данные были сгруппированы в три таблицы. Для каждой стимульной ситуации было посчитано количество правильных ответов и количество ошибок: отдельно на все тестовые стимулы, представляющие собой слова, и на все тестовые стимулы категории «бесмысленный набор букв» (см. Таблицы 13, 14, 15).

Таблица 13

*Ответы испытуемых в стимульной ситуации №1
(предваряющая стимуляция – «числовой ряд»)*

Тестовый стимул – слово			Тестовый стимул – бессмысленный набор букв		
№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок	№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок
2	22	13	1	23	12
3	21	14	4	18	17
5	30	5	7	31	4
6	26	9	8	24	11
9	28	7	10	24	11
11	29	6	12	25	10
Всего:	156	54	Всего:	145	65

Таблица 14

*Ответы испытуемых в стимульной ситуации №2
(предваряющая стимуляция – «бессмысленный набор букв»)*

Тестовый стимул – слово			Тестовый стимул – бессмысленный набор букв		
№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок	№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок
2	30	5	1	23	12
3	26	9	4	23	12
5	29	6	7	23	12
6	26	9	8	29	6
9	26	9	10	27	8
11	31	4	12	29	6
Всего:	168	42	Всего:	154	56

Таблица 15

*Ответы испытуемых в стимульной ситуации №3
(предваряющая стимуляция – «слова, семантически близкие с тестовыми стимулами»)*

Тестовый стимул – слово			Тестовый стимул – бессмысленный набор букв		
№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок	№ стимульной пары	Количество правильных ответов	Количество ошибок
2	23	12	1	13	22
3	29	6	4	18	17
5	32	3	7	24	11
6	30	5	8	25	10
9	34	1	10	27	8
11	30	5	12	28	7
Всего:	178	32	Всего:	135	75

В ходе дальнейшей обработки были отдельно просуммированы все данные по выполнению задачи «лексического решения» в каждой стимульной ситуации и на основании общего количества пра-

вильных ответов и количества ошибок была составлена сводная таблица ответов испытуемых (см. Таблицу 16) для каждой стимульной ситуации.

Таблица 16

Сводная таблица результатов выполнения задачи «лексического решения» в зависимости от характера предваряющей стимуляции

Стимульная ситуация	Эффективность выполнения задачи при опознании слова		Эффективность выполнения задачи при опознании бессмысленного набора букв	
	Количество правильных ответов	Количество ошибок	Количество правильных ответов	Количество Ошибок
№ 1	156	54	145	65
№ 2	168	42	154	56
№ 3	178	32	135	75

В Таблице 17 приведены показатели результативности выполнения экспериментального задания, выраженные в процентах.

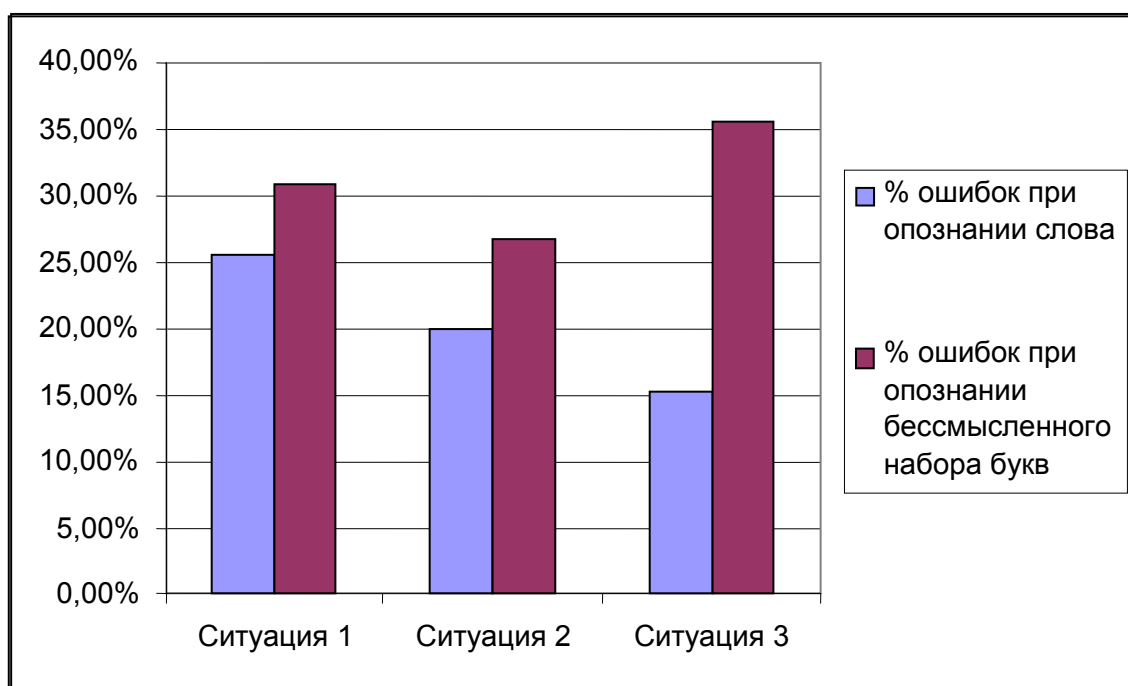
Таблица 17

Результаты выполнения задачи «лексического решения» (в %)

Стимульная ситуация	Эффективность выполнения задачи при опознании слова		Эффективность выполнения задачи при опознании бессмысленного набора букв	
	% правильных ответов	% ошибочных ответов	% правильных ответов	% ошибочных ответов
№ 1	74,3%	25,7%	69,1%	30,9%
№ 2	80,0%	20,0%	73,3%	26,7%
№ 3	84,8%	15,2%	64,3%	35,7%

Чтобы наглядно продемонстрировать разницу в ответах испытуемых при опознании тестовых стимулов разных категорий, были построены диаграммы (См. Диаграмма 3).

Диаграмма 3. *Количество ошибок опознания тестовых стимулов «слово» и «бессмысленный набор букв» в разных стимульных ситуациях*

Для определения статистической значимости различий был использован критерий χ^2 Пирсона. Сравнивались результаты выполнения задачи «лексического решения» при опознании слова и при опознании бессмысленного набора букв отдельно для каждой стимульной ситуации. Также анализировалась достоверность различий в результативности выполнения задачи «лексического решения» между стимульными ситуациями отдельно для групп испытуемых, правильно опознававших слова и правильно опознававших бессмысленный набор букв. Все расчеты проводились в статистическом пакете StatSoft Statistica v 6.0. Результаты анализа представлены в Таблицах 18, 19, 20.

Таблица 18

Статистическая значимость различий в результативности выполнения задачи «лексического решения» в зависимости от характера предваряющей стимуляции

Сти- муль- ная ситуа- ция	Эффективность выпол- нения задачи при опоз- нании слова		Эффективность выпол- нения задачи при опоз- нании бессмысленного набора букв		Значение χ^2	р- уровень
	Количество правильных ответов	Количес- тво оши- бочных ответов	Количество правильных ответов	Количес- тво оши- бочных ответов		
№ 1	156	54	145	65	1,42	p=0,23
№ 2	168	42	154	56	2,61	p=0,11
№ 3	178	32	135	75	23,19	p<0,0001

При сравнении эффективности опознания слова и бессмысленного набора букв единственное значимое различие было установлено в стимульной ситуации №3, когда предваряющим стимулом являлось слово, семантически близкое с тестовым стимулом ($p < 0,0001$). Это означает, что эффективность выполнения задачи при опознании слова гораздо выше по сравнению с эффективностью выполнения задачи при опознании бессмысленного набора букв, если предваряющим не осознанным стимулом также являлось слово. Соответственно, количество ошибок в стимульной ситуации №3 значимо больше, когда тестовым стимулом являлся бессмысленный набор букв.

Таблица 19

Статистическая значимость различий в результативности выполнения задачи «лексического решения» в зависимости от стимульной ситуации для задачи опознания слова

Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №1		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №2		Значение χ^2	Р-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 1 и № 2	156	54	168	42	1,94	p=0,163
Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №1		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №3		Значение χ^2	Р-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 1 и № 3	156	54	178	32	7,08	p=0,008
Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №2		Эффективность выполнения задачи стимульной ситуации №3		Значение χ^2	Р-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 2 и № 3	168	42	178	32	1,64	p=0,200

Значимые различия в эффективности опознания слова были обнаружены только при сравнении результатов, показанных испытуемыми в стимульной ситуации №1 и стимульной ситуации №3 ($p < 0,01$).

Таблица 20

Статистическая значимость различий в результативности выполнения задачи «лексического решения» в зависимости от стимульной ситуации для задачи опознания бессмысленного набора букв

Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №1		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №2		Значение χ^2	Р-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 1 и № 2	145	65	154	56	0,94	p=0,332
Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №1		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №3		Значение χ^2	Р-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 1 и № 3	145	65	135	75	1,07	p=0,301
Сравниваемые стимульные ситуации	Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №2		Эффективность выполнения задачи в стимульной ситуации №3		Значение χ^2	Р-уровень
	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов	Количество правильных ответов	Количество ошибочных ответов		
№ 2 и № 3	154	56	135	75	4,00	p=0,045

Значимые различия в эффективности опознания бессмысленного набора букв были обнаружены только при сравнении результатов, показанных испытуемыми в стимульной ситуации №2 и стимульной ситуации №3 ($p < 0,05$).

Результаты и их обсуждение. Исследование зависимости выполнения задачи «лексического решения» от характера предваряющей стимуляции (числовой ряд, бессмысленный набор букв, осмысленное слово) дало следующие результаты. При опознании слова в качестве тестового стимула наибольшее количество ошибок было допущено испытуемыми в стимульной ситуации №1, когда предваряющим стимулом являлся числовой ряд. В этой ситуации

испытуемые в 26% случаев давали ошибочные ответы. Наименьшее количество ошибок совершили испытуемые третьей группы. В ситуации, когда предваряющим стимулом являлось слово, семантически связанное с опознаваемым словом, испытуемые ошибались лишь в 15% случаев, а в 85 % случаев давали правильный ответ. Можно отметить тот факт, что опознание слова в качестве тестового стимула происходит лучше по сравнению с опознанием бессмысленного набора букв при любом из трех вариантов предваряющей стимуляции, использованной в данном эксперименте. По всей видимости, ожидание, связанное с восприятием стимула как слова, а не как бессмыслицы, является всегда более актуализированным. Поэтому можно предположить, что в отношении вербальных стимулов субъективная вероятность подтверждения этого ожидания всегда выше по сравнению с субъективной вероятностью подтверждения ожидания бессмысленной информации.

Анализ результатов выполнения задачи «лексического решения» в части опознания тестового стимула категории «бессмысленный набор букв» показал, что максимальное количество ошибок было совершено в стимульной ситуации №3, где предваряющим стимулом было слово. Почти в 36 % случаев испытуемые третьей группы при опознании бессмысленного набора букв давали ответ «слово». Данный результат вполне согласуется с ранее предложенным объяснением, предусматривающим наличие у испытуемых более высокой априорной вероятности предъявления слова по сравнению с вероятностью предъявления бессмысленного набора букв.

Как и предполагалось, минимальное количество ошибок испытуемые допустили в стимульной ситуации №2, где в качестве предваряющего стимула выступал бессмысленный набор букв. Количество ошибок составило 27%, что статистически значимо отличается от аналогичного результата, полученного в стимульной ситуации №3, где предваряющим стимулом служило слово.

В результате проведенного экспериментального исследования можно сделать следующие выводы:

1. На результативность выполнения задачи «лексического решения» и, следовательно, на сам факт принятия решения о том, что и как будет осознаваться, существенное влияние оказывает характер предваряющей не осознанной стимуляции.

2. Оpozнание слова происходит с наибольшей результативностью, если предваряющим не осознанным стимулом служит слово, связанное по смыслу с опознаваемым. Результативность опознания уменьшается в случае, когда первым членом в стимульной паре выступает бессмысленный стимул, и снижается еще больше, если ему предшествует числовой ряд.

3. Оpozнание бессмысленного набора букв происходит с наибольшей результативностью, если в качестве предваряющего стимула в паре также выступает бессмысленный набор букв. В том случае, когда предваряющим стимулом является слово, опознание бессмысленного набора букв происходит с максимальным количеством ошибок даже по сравнению с той ситуацией, когда предваряющим стимулом в паре является числовой ряд.

Таким образом, эксперимент подтвердил выдвинутые гипотезы: характер предваряющей стимуляции оказывает значимое влияние на эффективность опознания.

3.3. Исследование эффектов деятельности сознания в условиях интерференции

Интерпретация эффекта интерференции как результата проверки выполнения задачи на игнорирование дистрактора предполагает допущение о том, что величина этого эффекта, как ни парадоксально, зависит от характера дополнительных заданий, то есть таких, которые не следует выполнять [Аллахвердов, 1993, с. 215-223]. Иначе говоря, сознательный контроль над выполнением дополни-

тельного задания приводит к возникновению ошибок, возрастанию времени и субъективной трудности выполнения основного задания.

В экспериментальной процедуре суть дополнительного задания всегда заключается в том, чтобы, выполняя основное задание, регламентированное инструкцией, испытуемый на что-то не обращал внимание. И чем лучше он справляется с задачей игнорирования (чем меньше внимания уделяет irrelevantной информации), тем эффективнее выполняется основное задание. Как основное, так и дополнительное задания могут иметь различную степень сложности. Установлено, что уровень сложности непосредственно влияет на величину интерференции: чем сложнее основное задание, тем меньше эффект интерференции, вместе с тем, чем сложнее дополнительное задание, тем больше выражен интерференционный эффект [Там же]. Помимо сложности, на возрастание величины интерференции прямо влияет сходство основного и дополнительного заданий.

При выполнении Струп-теста, когда испытуемому требуется согласно инструкции называть цвет, в который окрашено слово, обозначающее название одного из четырех цветов («зеленый», «красный», «синий», «желтый»), притом, что цвет каждого струп-стимула не соответствует значению слова, основным заданием является называние цвета, а специфическим, дополнительным, влияющим на результативность выполнения основного задания — игнорирование чтения слов. Значение слова выступает здесь дистрактором по отношению к задаче называния цвета, в который это слово окрашено. Контроль над решением задачи игнорирования чтения слов вызывает интерференцию, которая проявляется в возрастании времени выполнения основного задания и увеличении количества ошибок.

Как уже отмечалось выше, в классическом варианте теста, предложенном Струпом, регистрируемая величина интерференционного эффекта, как правило, всегда оказывается больше, нежели

при использовании модифицированных вариантов. Во многом, это объясняется стремлением исследователей усложнить основное задание (например, используя оттенки цвета).

В проведенном эксперименте ставилась цель – получить более высокое значение интерференции по сравнению с эффектом Струпа за счет увеличения суммарной сложности задачи игнорирования, а также показать влияние на эффекты осознания осознаваемой, но не релевантной информации. В экспериментальной процедуре была создана ситуация, условно названная *«интерференционный конфликт»*. Конфликт был вызван парадоксальностью самой ситуации: испытуемому необходимо было выполнять инструкцию, которая требует сознательного контроля не только за выполнением основного, но также и дополнительного задания, что, в свою очередь, должно негативно влиять на результативность выполнения основного задания. Другими словами, основное задание в эксперименте было сформулировано таким образом, что испытуемый для его выполнения был вынужден осознавать действие дистрактора, то есть осознавать нерелевантную информацию. Без этого основное задание не могло быть выполнено. Вместе с тем, сохранялись условия, при которых, чем меньше испытуемый осознает влияние этого дистрактора, тем он лучше выполняет основное задание. Таким образом, был создан конфликт между осознанным выполнением основного задания и сознательным контролем над решением дополнительного задания.

Предмет исследования: деятельность сознания в условиях интерференционного конфликта.

Гипотеза: при вынужденном сознательном контроле над выполнением задачи на игнорирование будет значимо возрастать эффект интерференции по сравнению со значением, полученном в классическом варианте Струп-теста.

Методика.

Испытуемые. В эксперименте приняли участие 50 испытуемых обоих полов в возрасте от 13 до 60 лет с нормальным зрением.

Материал и оборудование. Для проведения эксперимента был использован персональный компьютер IBM PC и LCD монитор. Стимульным материалом служили 3 карты. Первая стимульная карта представляла собой набор, состоящий из 100 прямоугольников разного цвета. Были выбраны следующие цвета: зеленый, желтый, красный, синий. Каждый из четырех указанных цветов использовался одинаковое количество раз. Карта состояла из 10 рядов, по 10 стимулов в каждом ряду. Вторая стимульная карта была составлена из 100 слов, написанных черным шрифтом (№ 12), и обозначающих те же четыре цвета. Каждое слово, обозначающее определенный цвет, встречалось в стимульной карте в 25-ти случаях. Карта состояла из 10 рядов слов, по 10 слов в каждом ряду. Третья стимульная карта включала в себя 100 слов-цветообозначений, окрашенных в цвета, которые не соответствовали значениям слов. Например, слово «синий» было окрашено в зеленый цвет, слово «красный» – в желтый и т.п. (См. Приложение 2). Все стимульные карты в ходе процедуры эксперимента предъявлялись на экране монитора. Для облегчения контроля над выполнением заданий экспериментатором были заранее подготовлены бланки правильных ответов.

План эксперимента. *Зависимой переменной* в эксперименте являлась величина интерференционного эффекта. Эмпирическими маркерами выраженности интерференционного влияния являлись время выполнения задания и количество допущенных ошибок.

Независимая переменная – тип экспериментального задания – имела 8 состояний. Все задания, условия выполнения которых выражают собой различие в состояниях независимой переменной, приведены в описании процедуры.

Процедура эксперимента. Испытуемым требовалось выполнить 8 заданий. Эксперимент проводился в течение восьми дней.

Испытуемые в один день выполняли только одно задание. Процедура была организована в отдельном помещении при нормальном освещении.

Опишем последовательно содержание всех заданий, включенных в экспериментальную серию.

Задание №1. В задании использовалась стимульная карта №1. Перед выполнением задания испытуемый получал следующую инструкцию: «Вам необходимо как можно быстрее называть цвет фигур, которые Вы видите на экране. Называть цвета нужно слева направо, заканчивая последней фигурой нижнего ряда». После команды экспериментатора «Можно приступать», испытуемый начал выполнять задание. Фиксировалось время выполнения задания и количество допущенных ошибок. Все данные заносились в протокол эксперимента.

В задании №1 дополнительная задача отсутствовала. Испытуемый выполнял только основное задание, поэтому и условий для возникновения интерференционного эффекта не было.

Задание №2. В этом задании использовалась стимульная карта №2. Испытуемый выполнял следующую инструкцию: «Вам нужно как можно быстрее прочитать все слова, которые Вы видите на экране, начиная с первого слова первой строки и заканчивая последним словом последней строки. Пропуск слова будет считаться ошибкой». Также фиксировалось время выполнения задания и количество ошибок.

Как и в предыдущем задании, испытуемый не решал задачу на игнорирование, поэтому прогнозируемая результативность не должна значительно отличаться от показателей, полученных при выполнении задания №1.

Задание №3. В данном задании, а также во всех последующих заданиях использовалась стимульная карта №3. Инструкцией предписывалось как можно быстрее прочитать слова, не обращая внимания на цвет, в который они окрашены. Показатели результатив-

ности заносились в протокол. Таким образом, данное задание является стандартным при выполнении экспериментальной серии Струп-теста.

В данном случае, наряду с основным заданием «читать слова», испытуемый вынужден справляться с задачей игнорирования – «не обращать внимание на цвет».

Задание №4. Четвертое задание представляло собой контрольное испытание в классической процедуре проведения теста Струпа. Испытуемый по инструкции должен был как можно быстрее называть цвет, в который окрашено слово, обозначающее один из четырех цветов. Цвет, в который окрашено слово, не соответствовал значению этого слова. Естественно, что ожидаемая величина интерференции, измеренная по времени выполнения задания и количеству ошибок пропуска или замены, должна была оказаться выше по сравнению с интерференционным эффектом, полученным в задании №4.

Основное задание – «называть цвет». Дополнительное – «не читать слова».

Задание №5. Испытуемый перед выполнением этого задания получал следующую инструкцию: «Вам необходимо как можно быстрее читать все слова, исключая слово «красный», независимо от цвета, в которое это слово окрашено».

Тем самым, в данном задании ставилась еще одна основная задача сознательного игнорирования – не читать слово «красный». Поэтому, можно считать, что в этом случае основное задание состоит из двух задач: «читать слова» и «не читать слово «красный»». Дополнительное задание – «не обращать внимание на цвет шрифта». Интерференция здесь предположительно должна быть выражена больше по сравнению с показателями результативности выполнения задания №3, поскольку испытуемому требуется при обнаружении слова «красный» дополнительное время для принятия и исполнения решения «не читать слово «красный»».

Задание №6. Испытуемые должны были выполнять следующую инструкцию: «Вам нужно как можно быстрее читать все слова, исключая те, которые окрашены в красный цвет».

В данном случае, должен возникать интерференционный конфликт между выполнением основного задания, состоящего из двух задач: «читать все слова» и «не читать слова красного шрифта» – и дополнительным заданием, (от результативности выполнения которого, как уже указывалось, зависит эффективность решения основного задания) – «не обращать внимание на цвет». Тем самым, создавалась парадоксальная ситуация: чем лучше испытуемый будет справляться с задачей игнорирования, то есть, чем меньше он будет обращать внимание на цвет шрифта, тем хуже будет выполняться вторая задача основного задания «не читать слова красного шрифта», так как игнорировать слова, окрашенные в красный цвет можно только в том случае, если испытуемый будет обращать внимание на цвет шрифта каждого слова. Ожидаемая величина интерференции должна здесь быть больше по сравнению со значениями, полученными в заданиях №3 и №5.

Задание №7. Испытуемые должны в этом задании как можно быстрее называть цвет каждого слова, не называя цвета тех слов, которые окрашены в красный. Задание аналогичное заданию №5, с той лишь разницей, что в этом задании требовалось игнорировать не слово, а цвет, независимо от того, какое слово окрашено в этот цвет. Основное задание также включает две задачи: «называть цвета» и «не называть «красный цвет»». Дополнительное задание заключалось в том, чтобы не читать слова. Прогнозируемая величина интерференции при выполнении задания №7 должна оказаться больше соответствующего показателя в задании №4, то есть в контрольном испытании классического варианта Струп-теста.

Задание №8. Последнее задание, которое выполняли испытуемые, заключалось в том, чтобы называть цвет каждого слова, не называя цвет, в который окрашено слово «красный». В этой ситуации

снова, как и в задании №6, возникал интерференционный конфликт между выполнением основного задания, состоящего из двух задач («называть цвета» и «не называть цвет, в который окрашено слово «красный»») и дополнительным заданием «не читать слова». И чем лучше испытуемый справляется с выполнением дополнительного задания, тем лучше он выполняет первую задачу основного задания, но тем хуже выполняет вторую задачу. Тонкость данного экспериментального задания заключается в том, что для выполнения первой задачи основного задания – называние цвета вербальных стимулов – испытуемый должен *постоянно* осознавать другой параметр стимуляции – значение слов. Только при этом условии он может не называть цвет слова «красный», ведь для того, чтобы игнорировать цвет, в который окрашено это слово, испытуемому необходимо читать все слова, что, в свою очередь, оказывает постоянное интерферирующее воздействие на решение задачи называния цвета стимульных слов. Результаты выполнения этого задания предположительно должны показать наиболее выраженный эффект интерференции.

Обработка результатов.

Обработка первичных данных. В каждом задании фиксировалось время выполнения в сек. и количество ошибок. Ошибками считались пропуски струп-стимулов и замены. Количество ошибок, допущенных каждым испытуемым в ходе выполнения соответствующего задания, было переведено в секунды (1 ошибка=2 секунды) и прибавлено ко времени выполнения задания. Последующая обработка данных производилась О.В. Митиной.

Формализация схемы эксперимента. Количественный анализ данных, полученных в ходе проведения описанной выше экспериментальной серии, предполагает создание формальной модели, то есть введения числовых показателей, позволяющих классифицировать использованные в исследовании задания. Представленное выше описание всех заданий дает возможность объединить их в единую таблицу и ввести формальные переменные для различения типов заданий.

Во-первых, все задания отличаются по направленности внимания испытуемого, от которого требовалось либо читать слова, либо называть цвета. Для характеристики заданий с этой точки зрения введем переменную *«параметр»*, присвоив этой переменной значение 1, если в основном задании объектом внимания испытуемого были слова, и 2, если в основном задании объектом внимания испытуемого были цвета.

Во-вторых, задания характеризуются также по предполагаемой сложности. Возрастание суммарной сложности зависит от усложнения основного задания или усложнения дополнительного задания. Таким образом, второй переменной является *«сложность»*.

На основании введенных переменных все задания с 3-его по 8-ое можно расположить в клетках следующей таблицы:

Таблица 21

Схема формальных характеристик экспериментальных заданий, применяемых в исследовании

	Переменная 1 – «Параметр основного задания»	
	Слово (1)	Цвет (2)
Переменная 2 – «Сложность задания»		
Нет (0)	Задание 2	Задание 1
Стандартная (1)	Задание 3	Задание 4
Усложнение основного за- дания (2)	Задание 5	Задание 7
Усложнение дополнитель- ного задания (3)	Задание 6	Задание 8

Столбцы таблицы озаглавлены в соответствии со значениями переменной 1:

«1» – если объектом внимания испытуемого в основном задании являлись слова;

«2» – если объектом внимания испытуемого в основном задании являлись цвета.

Строкам таблицы соответствует степень сложности задания в соответствии с предполагаемой величиной интерференции. Пере-

менная 2, таким образом, может принимать любое из четырех значений (0, 1, 2, 3).

Целью количественного анализа данных (временные показатели выполнения заданий), полученных в ходе эксперимента, являлось выявление влияния интерференции на продуктивность основной деятельности в различных условиях.

На первом этапе были вычислены усредненные показатели времени выполнения каждого задания: среднее и стандартное отклонение:

Таблица 22

Усредненные показатели времени выполнения экспериментальных заданий

№ задания	Сложность задания	Время выполнение задания (в сек.)			Станд. отклонение
		Мин. значение	Макс. значение	Среднее	
Параметр основного задания =1(«слово»)					
2	Нет	38	73	54,14	6,96
3	1	40	71	56,90	6,59
5	2	43	85	59,76	9,03
6	3	43	82	59,40	9,68
Параметр основного задания =2(«цвет»)					
1	Нет	39	69	52,76	6,63
4	1	57	166	95,46	19,02
7	2	61	164	99,26	19,80
8	3	98	208	154,90	22,44

Вычисленные показатели дают основание полагать, что

1. Чем больше суммарная сложность экспериментального задания (в соответствии с установленными выше критериями), тем больше времени требует оно для выполнения.

2. В условиях отсутствия интерференционных влияний называть цвета легче, чем читать слова (задания 1 и 2, соответственно). При одинаковом уровне сложности, экспериментальные задания,

связанные с игнорированием слов (называнием цвета), требуют больше времени в сравнении с заданиями, связанными с игнорированием цвета (чтением слов).

В Таблице 22 есть единственное расхождение с первым утверждением, а именно: среднее значение времени выполнения задания 5 на 0.36 сек больше среднего значения времени выполнения задания 6, однако проверка этих данных по критерию Стьюдента для парных выборок показала недостоверность указанного различия. Таким образом, тот факт, что выборочное среднее время выполнения задания 5 незначительно больше времени выполнения задания 6, обусловлен чисто случайными факторами и не может считаться противоречащим предварительным выводам. В то же время, все остальные средние по тому же критерию Стьюдента для парных выборок дали статистически значимые различия при попарных сравнениях. Эти сравнения являются подтверждением обоих выводов.

Однофакторный дисперсионный анализ позволил проверить гипотезу об увеличении времени выполнения заданий при последовательном возрастании их уровня сложности для каждого значения переменной «параметр» отдельно. Уровень значимости нулевой гипотезы и в случае чтения слов, и в случае называния цветов был менее 0.001, что позволило принять гипотезу о статистической значимости влияния фактора сложности задания на реакцию испытуемого, то есть время выполнения задания.

Наконец, чтобы установить наличие влияния взаимосвязи между двумя независимыми переменными – факторами *параметр* и *сложность* задания – на время его выполнения была использована множественная нелинейная регрессия. Применялась следующая регрессионная формула:

$$Y = a_0 + a_1X_1 + a_2X_2 + a_{12}X_1X_2 \quad (1)$$

Коэффициент a_{12} указывает на эффект взаимодействия независимых переменных X_1 и X_2 при влиянии на зависимую переменную Y .

Если регрессионная модель удовлетворяет экспериментальным данным, и коэффициент a_{12} значимо отличен от нуля, можно говорить об эффекте взаимодействия независимых переменных. Если значимо отличны от нуля только коэффициенты a_i , то можно сделать вывод, что эффекта взаимодействия при влиянии независимых переменных не наблюдается и каждая из этих переменных сама по себе оказывает или не оказывает влияние на зависимую переменную Y . Более подробно об этом методе см. [Aiken, West, 1991].

Для данной модели:

X_1 – параметр,

X_2 – сложность задания,

Полученные результаты (см. Таблицы 23, 24) свидетельствуют о следующем:

1. Экспериментальные данные удовлетворяют регрессионной модели.

2. При влиянии независимых переменных (параметр и сложность) на зависимую (время выполнения задания) существует их значимая взаимосвязь. Значение коэффициента a_{12} значимо отличается от 0.

Таблица 23

Результаты регрессионного анализа с нелинейным членом

Коэффициенты					
Независимые переменные	Нестандартизованные		Стандартизованные	Значение статистики	Уровень значимости
	Значение	Стд. ошибка	Beta-коэффициент		
Константа (a_0)	55,27	8,65		6,39	P<0,001
Параметр основного задания (a_1)	0,91	5,47	0,01	0,17	P=0,867
Усложнение задания (a_2)	-27,22	4,00	-0,58	6,80	P<0,001
Эффект взаимодействия (произведение) (a_{12})	28,47	2,531	1,22	11,25	P<0,001
Зависимая переменная: время выполнения задания					

Таблица 24

Общие показатели соответствия регрессионной модели экспериментальным данным

	Сумма квадратов	Степ. своб.	Среднее квадратичное	Значение F-статистики	P-уровень
Коэффициенты регрессии	339509	3	113169	353	P<0,001
Ошибка модели	94799	296	320		
Всего	434309	299			
Независимые переменные: константа, эффект взаимодействия (произведение), параметр основного задания, усложнение задания					
Зависимая переменная: время выполнения задания					

Регрессионное уравнение (1) можно переписать в следующем виде:

$$Y=(a_0+a_1X_1)+(a_2+ a_{12}X_1)X_2 \quad (2)$$

Теперь, при фиксированных значениях X_1 , можно оценить угол наклона регрессионной прямой, отражающей зависимость переменной Y от переменной X_2 . Таким образом, можно установить значимые различия в характере возрастания времени выполнения заданий по мере их усложнения в зависимости от значения переменной «параметр». Подставляя в уравнение (2) конкретные числовые значения коэффициентов a_{ij} из Таблицы 23, получим

$$Y=(55.27+0.91X_1)+(28.47X_1-27.20)X_2$$

Исходя из того, что коэффициент при независимой переменной X_1 (параметр) не является статистически значимо отличным от нуля, его из уравнения можно исключить. Фиксировав теперь значения переменной $X_1=1$, а затем $X_1=2$, получим уравнения, описывающие зависимость времени выполнения заданий от уровня их сложности в случае, когда от испытуемых требовалось читать слова или называть цвета, соответственно:

$$Y=55.27+1.27X_2$$

$$Y=55.27+29.67X_2$$

Сопоставление коэффициентов наклона (при переменной X_2) указывает на наличие существенных различий в характере возрастания времени выполнения экспериментальных заданий. Во втором случае скорость этого возрастания существенно больше. Тем самым можно утверждать, что интерференционное влияние, возникающее вследствие игнорирования слов, в существенно большей степени затрудняет выполнение основного задания.

Результаты проведенного исследования однозначно показали, что осознание значения стимулов (в процессе чтения или при игнорировании чтения слов) является более сложным заданием и, следовательно, требующем больше когнитивных усилий в сравнении с осознанием цвета.

Полученные результаты позволяют с уверенностью констатировать, что эффект интерференции является следствием вынужденного осознания нерелевантной информации. Чем лучше испытуемому удастся не осознать действие дистрактора, тем меньше проявляется интерференционный эффект. В том случае, когда осознание нерелевантной информации оказывается неизбежным, интерференционное влияние становится максимальным.

3.3.1. Исследование зависимости продуктивности решения когнитивной задачи от семантики иррелевантной информации

В экспериментах, освещавшихся ранее (См. Глава 2), был обнаружен эффект влияния нерелевантной актуальной информации на продуктивность выполнения задачи вторения. В настоящем эксперименте преследовалась цель: с одной стороны, проверить результаты, полученные в исследованиях влияния дистрактора в процессе слухового восприятия (будет ли самым сильным дистрактором семантически близкая нерелевантная информация?) на материале изучения данного влияния в зрительной модальности, с другой, установить зависимость продуктивности такой когнитивной

250

деятельности, как чтение, от фактора семантического сходства релевантной и нерелевантной текстовой информации. Таким образом, когнитивной задачей в эксперименте выступало чтение отрывка научно-популярного текста, а маркером продуктивности являлась скорость чтения.

Экспериментальный замысел разработан совместно с Е.С. Чукиной.

Цель исследования: обнаружить влияние семантики нерелевантной информации на скорость решения когнитивной задачи.

Предмет исследования: влияние нерелевантной информации на продуктивность решения когнитивной задачи.

Гипотеза: семантическое сходство нерелевантной информации с содержанием релевантного текстового сообщения негативно влияет на скорость чтения.

Методика.

Испытуемые. В эксперименте принимали участие 3 гетерогенные группы добровольцев в возрасте от 17 до 28 лет с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Каждая группа включала по 25 человек.

Стимульный материал. Во всех группах релевантный текст был неизменным: научно-популярный текст о законах Вселенной и человеке. В качестве нерелевантного (фонового) текста для 1 группы был выбран текст на норвежском языке, не знакомом ни одному из испытуемых. Для 2-ой группы – текст на историческую тематику; для 3-ей группы – текст, являющийся продолжением релевантного текста и раскрывающий смысл последнего. Образцы стимульных бланков приведены в Приложениях 3а, 3б, 3в.

План эксперимента.

Зависимая переменная – скорость чтения научно-популярного текста на русском языке.

Независимая переменная – нерелевантный текст – имела три состояния:

1. Текст на иностранном языке.
2. Текст на русском языке, не связанный по смыслу с содержанием релевантного текста.
3. Текст, семантически связанный с содержанием релевантного текста.

Процедура эксперимента. На бланках формата А4 испытуемым предъявлялись два текста. Один из них – релевантный текст, который по инструкции требовалось прочитать как можно быстрее, располагался по всем нечетным строкам, начиная с первой (1,3,5,7 и т.д.). Нерелевантный текст помещался, соответственно, по всем четным строкам (2,4,6,8 и т.д.). Время выполнения задания фиксировалось при помощи секундомера.

Испытуемым зачитывалась следующая инструкция: «Вам предложено два совмещенных друг с другом текста. Первый текст располагается на нечетных строках. Второй текст соответственно располагается по четным строкам, то есть на 2,4,6,8 и т.д. Вам необходимо прочитать как можно быстрее первый текст, не обращая внимания на второй. Как только прочтете до конца, сразу подайте знак о том, что вы закончили».

Процедура эксперимента проводилась с каждым испытуемым индивидуально в отдельном помещении при нормальном освещении.

Обработка результатов. По окончании выполнения экспериментального задания фиксировалось в сек. время чтения испытуемым релевантного текста. Затем, дифференцировано по трем экспериментальным группам, рассчитывалось среднее время чтения.

Все статистические расчеты проводились в статистическом пакете StatSoft Statistica v.6.0. Для анализа статистической достоверности различий средних значений времени, затраченного на чтение текста, был использован метод дисперсионного анализа (в том варианте, в котором он реализован в указанном программном продукте). Выбор данного метода обусловлен тем, что зависимая переменная – время чтения текста, выраженное в секундах – является переменной

метрической, поэтому именно дисперсионный анализ оказывается наиболее адекватным для решения поставленной задачи. Кроме того, результаты дисперсионного анализа, представленные в пакете StatSoft Statistica позволяют более детально проинтерпретировать наблюдаемые различия между средними значениями. В этом же пакете строились графики, отражающие результаты эксперимента.

Результаты и их обсуждение. Результаты выполнения экспериментального задания отражены на Рисунке 3 и в Таблице 25.

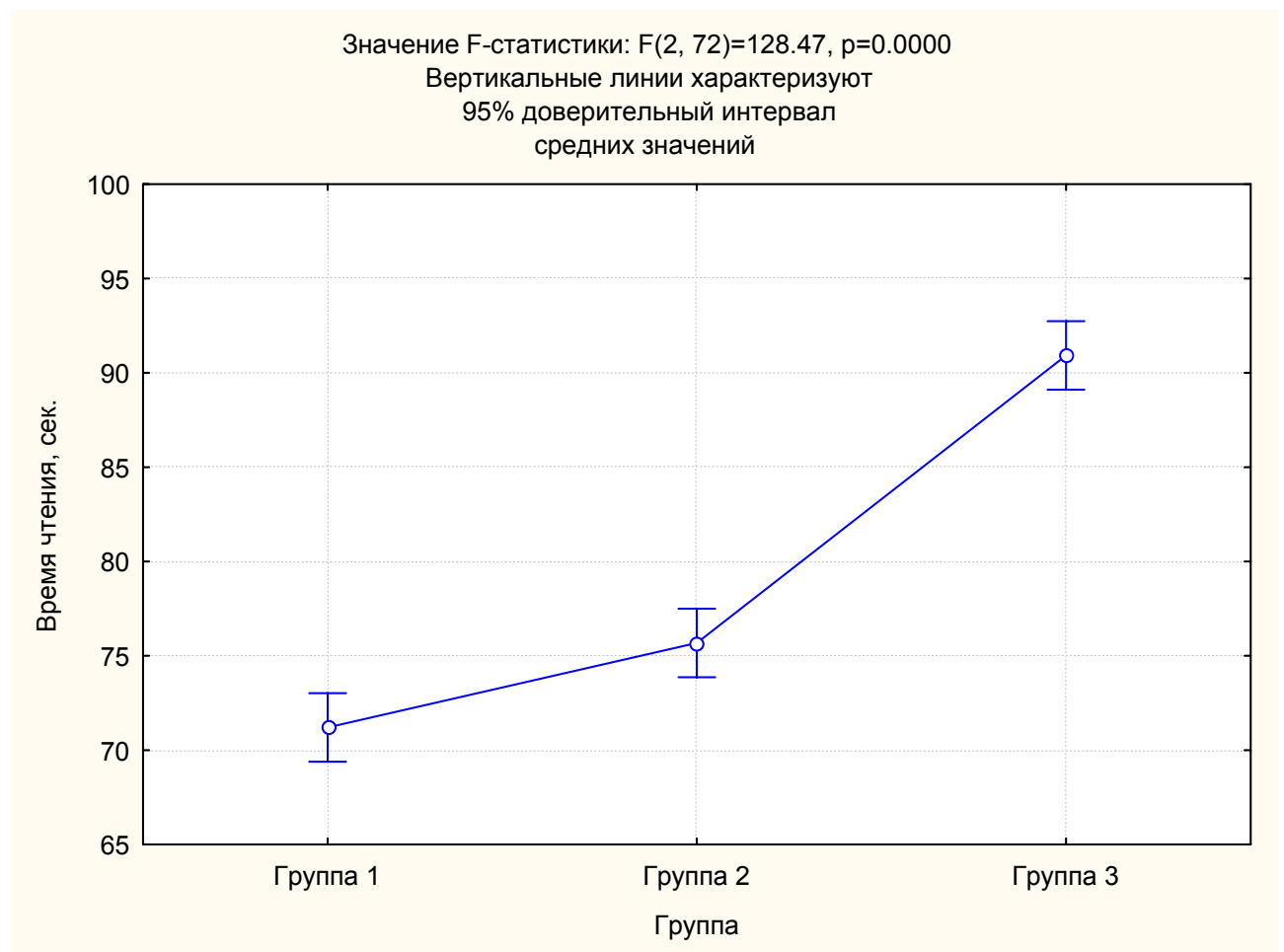

Рисунок 3. *Результаты дисперсионного анализа при сравнении среднего времени чтения релевантного текста в каждой из групп*

Таблица 25

Средние значения и доверительные интервалы для среднего значения времени чтения текста в каждой из групп

Группа	Кол-во испытуемых	Стандартная ошибка среднего значения	Границы 95% доверительного интервала для среднего значения	
			нижняя	верхняя
1	25	0.91	69.38	73.02
2	25	0.91	73.86	77.50
3	25	0.91	89.10	92.74

Попарное сравнение средних значений для каждой пары групп проводилось при помощи *t*-критерия Шеффе. Результаты анализа представлены в Таблице 26.

Таблица 26

Статистическая достоверность различия средних значений при попарном сравнении групп

Сравниваемые группы	Разница средних значений	Стандартная ошибка разницы	P-уровень
1 и 2	-4.48	1,82	p=0.0048
1 и 3	-19.72	1,82	p<0.0001
2 и 3	-15.24	1,82	p<0.0001

Выдвинутая гипотеза предусматривает ситуацию, когда irrelevantный текст, являющийся продолжением релевантного и содержащий как слова-синонимы, так и сходные синтаксические структуры, будет в наибольшей степени замедлять скорость чтения релевантного текста. В свою очередь, текст на историческую тематику, не сходный по смыслу с содержанием релевантного текста, будет негативнее влиять на скорость чтения релевантного текста, чем текст на норвежском языке, который в силу своей семантической неопределенности будет являться самым слабым дистрактором из всех трех вариантов интерференционного влияния. Результат эксперимента подтверждает исходную гипотезу: действительно семантически близкий irrelevantный текст будет больше всего замедлять скорость чтения по сравнению с текстом, не связанным по

смыслу с релевантным. В свою очередь, минимальное интерферирующее влияние оказывает текст на незнакомом языке. На графике заметна существенная разница между временем чтения испытуемыми 1-ой и 2-ой групп по сравнению с результатами выполнения задания испытуемыми 3-ей группы. В среднем испытуемые 2-ой группы читали текст на 5 % времени дольше, чем испытуемые 1-ой группы, а испытуемые 3-ей группы читали текст на 18 % времени дольше, чем испытуемые 2-ой группы, и на 23 % времени дольше, чем испытуемые 1-ой группы. Все различия между группами оказались высоко статистически значимы ($p < 0,001$).

Таким образом, результаты эксперимента дают основания считать правдоподобной трактовку эффекта интерференции как результата сознательного контроля, осуществляемого в процессе обработки иррелевантной информации. Если бы такого контроля не было, нельзя было бы обнаружить зависимость результативности решения когнитивной задачи от воздействия актуальной иррелевантной информации. Другое дело, что в данном исследовании по сравнению с вышеописанным экспериментом, где использовался метод изучения перцептивной интерференции, инструкцией не предполагалось осознание иррелевантной информации. Задача на игнорирование ставилась в эксперименте неявно. Однако и в этих условиях испытуемые неосознанно осуществляли сознательный контроль над выполнением задачи игнорирования – «не обращать внимание на иррелевантный текст». По сути, «не обращать внимание» означает «не осознавать». Чем лучше это удастся сделать, тем эффективней испытуемый выполняет основное задание. Как показал эксперимент, сложнее всего игнорировать иррелевантную информацию, когда она семантически связана с релевантной информацией, то есть той, которую по инструкции следует осознавать. Это хорошо согласуется с известными экспериментальными данными, демонстрирующими значимое влияние фактора сходства основ-

ного и дополнительного заданий на эффективность выполнения основного задания [См., например, Дормашев, Романов, 1995, с. 155].

3.4. Изучение зависимости латентного периода осознания от характера стимуляции (ассоциативный эксперимент)

Метод ассоциативного эксперимента впервые описан Ф. Гальтоном [См. Бурланчук, Морозов, 1999]. Хотя иногда авторство этого метода приписывают К.Г. Юнгу. В общих чертах процедура ассоциативного эксперимента выглядит следующим образом: испытуемому предлагают на предъявленное слово как можно быстрее ответить первым словом, которое приходит в голову. При этом экспериментатор фиксирует время реакции и слово-ассоциацию. Латентное время ассоциативной реакции – период от момента предъявления слова-стимула до момента вербального ответа испытуемого – является информативным показателем стрессогенности стимульного воздействия. Так, например, известно, что ассоциативные ответы на слова, связанные с психотравмирующими обстоятельствами для человека, как правило, характеризуются большим латентным периодом по сравнению с реакцией на нейтральные слова [Бойко, 1964; Фрумкина, 2001]. В проведенном эксперименте также использовался показатель латентного периода ассоциативной реакции, но в качестве маркера перцептивной защиты.

Эксперимент проведен Е.А. Бубновой под моим руководством.

Цель исследования: установить зависимость латентного периода ассоциации (как индикатора перцептивной защиты) от типа вербальной стимуляции.

Предмет исследования: зависимость латентного времени ассоциативной реакции от типа вербального стимула.

Гипотеза исследования: эффект перцептивной защиты проявляется в задержке времени ассоциативной реакции. При этом среднее время реакции на разные группы стимулов будет распределяться в следующей последовательности (от наименьшего к наибольшему):

1. высокочастотные,
2. низкочастотные,
3. эмоционально окрашенные,
4. бессмысленные,
5. нецензурные.

Методика.

Испытуемые. В эксперименте приняли добровольное участие лица обоих полов в возрасте от 18 до 40 лет в количестве 85 человек. Средний возраст испытуемых составил 25,4 года. На момент исследования все испытуемые либо имели высшее образование, либо являлись студентами высших учебных заведений.

Материал и оборудование. Для проведения эксперимента была создана компьютерная программа, позволяющая фиксировать время от начала предъявления стимула на экране монитора до момента нажатия на клавиатуре определенной клавиши. Таким образом, латентный период реакции измерялся хронографом персонального компьютера. В качестве стимульного материала использовался список из тридцати слов русской лексики.

План эксперимента.

Зависимая переменная – латентное время ассоциативной реакции, измеренное в мс.

Независимая переменная – группа стимульных слов – имела пять состояний:

1. Десять высокочастотных слов, например, «человек» (частота словоупотребления по частотному словарю – от 2167 до 1067).
2. Пять низкочастотных слов, например, «культ» (частота 10).
3. Пять эмоционально значимых слов, например, «смерть».
4. Пять бессмысленных буквосочетаний, построенных по принципу, чтобы начало буквенного ряда не воспринималось как начало слова.
5. Пять нецензурных слов (источник: Квеселевич Д. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003).

Процедура эксперимента. В исследовании был использован метод простого ассоциативного эксперимента [Тойм, 1985]. Непосредственно перед началом процедуры эксперимента испытуемому давалась следующая инструкция: «На экране последовательно будут появляться слова. Вам необходимо на каждое предъявление отвечать как можно быстрее первым словом, которое придет в голову». Поскольку нас не интересовал характер ассоциаций, вербальные ответы испытуемых не фиксировались.

Слова предъявлялись в следующем порядке:

1. год
2. фасад
3. смерть
4. тупи
5. рука
6. паутина
7. *нецензурное слово*
8. слово
9. мнип
10. дело
11. отчаяние
12. *нецензурное слово*
13. седина
14. свет
15. глаз
16. мабс
17. *нецензурное слово*
18. время
19. пидк
20. страна
21. *нецензурное слово*
22. культ
23. обида

24. земля
25. свок
26. горе
27. тумба
28. человек
29. счастье
30. *нецензурное слово*

Для того чтобы поставить под контроль такую важную побочную переменную, как скорость моторной реакции, нажатие на клавишу после ассоциативной реакции испытуемого всякий раз осуществлял экспериментатор. Поэтому уровень данной побочной переменной был относительно неизменным для разных состояний независимой переменной. Время ассоциативной реакции фиксировалось в мс. с помощью компьютера.

Обработка результатов. Обработка данных осуществлялась в несколько этапов. На *первом* этапе рассчитывались средние значения времени реакции и дисперсии для каждого стимульного слова по всей выборке испытуемых. На *втором* этапе рассчитывалось среднее значение времени реакции по каждой группе стимульных слов.

Для сопоставления эмпирического распределения с теоретическим (нормальным) были использованы два независимых метода: хи-квадрат (критерий Пирсона) и критерий Колмогорова – Смирнова [Сидоренко, 2004]. Применение этих методов осуществлялось с помощью компьютерной программы SPSS 10.0.

Метод сравнения двух средних произвольно распределенных генеральных совокупностей (большие независимые выборки) используется для сравнения средних, если генеральные совокупности не распределены нормально и дисперсии их неизвестны, причем выборки имеют большой объем и независимы. Наблюдаемое значение критерия рассчитывается по формуле:

$$Z'_{набл} = \frac{\bar{x} - \bar{y}}{\sqrt{D_e(X)/n + D_e(Y)/m}},$$

где

x – выборочная средняя, посчитанная по формуле среднего арифметического;

y – выборочная средняя, посчитанная по формуле среднего арифметического;

$D_e(X)$ – выборочная дисперсия, посчитанная по формуле оценки дисперсии;

n – объем выборки, равный в данном случае произведению количества испытуемых на количество слов в группе;

$D_e(Y)$ – выборочная дисперсия, посчитанная по формуле оценки дисперсии;

m – объем выборки, равный в данном случае произведению количества испытуемых на количество слов в группе;

Критическая точка критерия определялась из условия:

$\Phi(Z_{кр.}) = (1 - 2\alpha)/2$, где

Φ – функция Лапласа;

$Z_{кр.}$ – критическая точка;

α – уровень значимости $\alpha = 0,01$ [Гмурман, 1997, с. 303, 304].

Результаты и их обсуждение.

По завершению процедуры эксперимента было получено в общей сложности 2550 вербальных ответов испытуемых. Из них 850 реакций – на высокочастотные слова; 425 – на низкочастотные; 425 – на эмоционально окрашенные; 425 – на бессмысленные стимулы; 425 – на нецензурную лексику.

Средние значения времени ассоциативных реакций на каждое стимульное слово приведены в Таблице 27. Средние значения времени ассоциативных реакций по каждому типу стимульных слов отражены в Таблице 28.

Таблица 27

Среднее время реакции испытуемых на каждое стимульное слово

№	Слово	Среднее время реакции (мс)
1	Год	3763
2	Фасад	3094
3	Смерть	3231
4	Тупи	9433
5	Рука	2626
6	Паутина	3099
7	<i>Нецензурное слово</i>	4708
8	Слово	4500
9	Мнип	9022
10	Дело	3977
11	Отчаяние	4437
12	<i>Нецензурное слово</i>	7322
13	Седина	3622
14	Свет	2828
15	Глаз	4366
16	Мабс	6704
17	<i>Нецензурное слово</i>	5178
18	Время	3542
19	Пидк	9226
20	Страна	3046
21	<i>Нецензурное слово</i>	5713
22	КульТ	3896
23	Обида	4297
24	Земля	3615
25	Свок	4760
26	Горе	4909
27	Тумба	3687
28	Человек	4434
29	Счастье	5188
30	<i>Нецензурное слово</i>	6327

Таблица 28

Средние значения ассоциативных реакций по разным типам стимульных слов (в мс)

Группы стимульных слов	Среднее значение (мс)
Высокочастотные	3669
Низкочастотные	3479
Эмоциональные	4412
Бессмысленные	7829
Нецензурные	5849

С помощью методов математической статистики была установлена достоверность различий между полученными распределениями и нормальным.

Оказалось, что полученные распределения отличаются от нормального, поэтому был использован метод сравнения двух средних произвольно распределенных генеральных совокупностей, что дало возможность сделать вывод о значимости/незначимости расхождения между типами стимульных слов. Критический параметр ($Z_{кр.}$) при уровне значимости 0,01 составляет 2,58.

Результаты сравнения приведены в Таблицах 29, 30, 31, 32, 33.

Таблица 29

Значимость различий между высокочастотными словами и другими группами стимульных слов

Группы стимульных слов	низкочастотные	эмоциональные	бессмысленные	нецензурные
Наблюдаемый параметр ($Z_{набл.}$)	1,24	3,25	11,75	7,75

Таблица 30

Значимость различий между низкочастотными словами и другими группами стимульных слов

Группы стимульных слов	высокочастотные	эмоциональные	бессмысленные	нецензурные
Наблюдаемый параметр ($Z_{набл.}$)	1,24	4,26	12,49	8,69

Таблица 31

*Значимость различий между эмоциональными словами
и другими группами стимульных слов*

Группы стимульных слов	высокочастотные	низкочастотные	бессмысленные	нецензурные
Наблюдаемый параметр (Z набл.)	3,25	4,26	9,11	4,68

Таблица 32

*Значимость различий между бессмысленными стимулами
и другими группами стимульных слов*

Группы стимульных слов	высокочастотные	низкочастотные	эмоциональные	нецензурные
Наблюдаемый параметр (Z набл.)	11,75	12,49	9,11	4,84

Таблица 33

*Значимость различий между нецензурными словами
и другими группами стимульных слов*

Группы стимульных слов	высокочастотные	низкочастотные	бессмысленные	эмоциональные
Наблюдаемый параметр (Z набл.)	7,75	8,66	4,84	4,68

На первом этапе анализа расположим группы слов в зависимости от статистических различий величины среднего времени ассоциативной реакции по каждой группе в порядке от наименьшего к наибольшему:

1. высокочастотные и низкочастотные;
2. эмоционально значимые;
3. нецензурные;
4. бессмысленные буквосочетания;

Наибольшее латентное время ассоциативной реакции (среди осмысленных стимулов) на нецензурные слова свидетельствует о проявлении эффекта перцептивной защиты. Данный вывод под-

тверждается также тем, что среднее время реакции на низкочастотные слова (к этой группе, как представляется, относятся и нецензурные слова) – наименьшее из разряда осмысленных стимулов.

Отсутствие достоверных различий в величине среднего времени реакций на группы высокочастотных и низкочастотных противоречит исходному предположению. Однако, если задержку во времени ассоциативной реакции рассматривать как проявление перцептивной защиты, то данный результат не является противоречащим известным в психологии данным. Так, например, Лазарус и Мак-Клири установили, что перцептивная защита возникает и при восприятии семантически нейтральных, но эмоционально значимых стимулов [Смирнов, Безносок, Журавлев, 1995]. Полученный результат также согласуется с выводами Johnson с соавт. (1961) и Newbigging (1961), которые в своих исследованиях показали, что частота использования слов в прошлом не влияет на порог их опознания [См. Костандов, 1977].

Среднее время реакции на эмоциональные слова статистически значимо меньше среднего времени латентной реакции на нецензурные. И хотя нецензурная брань относится к словам, несущим эмоциональный заряд, в ситуации эксперимента, то есть вне социальных контекстов их привычного использования, такие слова, даже для людей постоянно их употребляющих, составляют предмет экстремального реагирования.

Среднее время реакции на нецензурные слова статистически значимо меньше среднего времени ассоциативной реакции на бессмысленные буквосочетания. Этот результат опровергает исходное предположение. Оказалось, что стимул, обладающий смысловой неопределенностью вызывает наибольшую задержку вербальной ассоциации. Таким образом, этот фактор является более важным, чем табу в культуре, эмоциональная насыщенность информации или частота словоупотребления. С семантически неопределенными стимулами

сознание работает дольше, что вполне согласуется с описанными в психологии данными (См., например, [Аллахвердов, 2000, с. 328]).

В эксперименте был обнаружен еще один интересный результат: среднее время ассоциативной реакции на первое бессмысленное буквосочетание (стимул №4) оказалось наибольшим. Данный результат, вероятно, является проявлением эффекта контекста [Аллахвердов, 2000, с. 329-343].

Выводы:

1. Эффект перцептивной защиты может выражаться в увеличении латентного времени ассоциативной реакции.

2. Фактор смысловой неопределенности в работе сознания является более важным, чем табу в культуре, отрицательный эмоциональный заряд или частотность слов. С семантически неопределенными стимулами сознание работает дольше.

3. Частотность слова не влияет на латентный период вербальной ассоциации.

3.5. Изучение зависимости эффектов осознания при решении мнемических задач от характера ранее осознанного опыта

В серии экспериментальных исследований, обсуждавшихся ранее, было показано, что забывание является результатом специально принятого сознанием решения о том, что определенную информацию воспроизводить не следует. В основном, установленные экспериментальные факты объясняют законом последствия неосознаваемого выбора [Аллахвердов, 2000, с. 476]. Однако не только действие ранее не осознанной информации может являться причиной последующего невоспроизведения, но также и ранее осознанный опыт. Нижеописанные эксперименты иллюстрируют именно такой вид зависимости.

Цель исследования: проверить зависимость продуктивности воспроизведения от специфики ранее осознанной обработки информации, подлежащей воспроизведению.

Предмет исследования: влияние характера осознания информации на последующее принятие решения о неосознавании в ходе мнемической деятельности.

Гипотеза исследования: случаи забывания ранее осознанной информации являются следствием неосознанно принятого решения о невоспроизведении.

Методика.

Испытуемые. В исследовании приняло добровольное участие в общей сложности 180 человек обоих полов в возрасте от 19 до 55 лет.

Исследование включало в себя два эксперимента, проверяющие в разных процедурных условиях выдвинутую гипотезу.

Эксперимент 1. Совместно с Р.Н. Аллейновой был проведен эксперимент, демонстрирующий неосознаваемое влияние ранее осознанной информации на принятие решение о невоспроизведении [См. Агафонов, 2003, с. 138-142].

Испытуемые: 100 человек обоих полов в возрасте от 19 лет до 21 года.

Процедура. Эксперимент проводился в два этапа.

На первом этапе экспериментатор давал испытуемым следующую инструкцию: *«Сейчас Вам будет предложено прослушать отрывок текста. Ваша задача – слушать как можно внимательнее все, что я скажу с самого начала и до самого конца, пока я не произнесу слова «Можете приступать!» После прослушивания текста Вы получите задание, которое нужно будет выполнить».* Далее испытуемым вслух зачитывался отрывок из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Во время чтения участникам эксперимента не разрешалось делать на бумаге какие-либо записи. Текст, который предлагалось прослушать испытуемым, был следующим:

*«У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;*

*Идет направо - песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там **леший** бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы **невиданных зверей**;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из волн выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там **королевич** мимоходом
Пленяет **грозного царя**;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет **богатыря**;
В темнице там **царевна** тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с **Бабой Ягой**
Идет, бредет сама собой;
Там **царь Кащей** над золотом чахнет;
Там русский дух... Там Русью пахнет!*

Сразу после прочтения отрывка, экспериментатор произносил следующие слова: «Вы прослушали отрывок из поэмы **Пушкина** «**Руслан и Людмила**». Теперь запишите все собственные имена, клички, названия персонажей, которые были мной озвучены. Можете приступать!»

Далее, на втором этапе эксперимента, испытуемые приступали к выполнению задания.

Результаты и их обсуждение. Интерес, прежде всего, представляло то, будут ли испытуемые воспроизводить стимулы «Пушкин», «Руслан» и «Людмила». Они были восприняты испытуемыми до формулировки инструкции к заданию по воспроизведению так же, как и другие названия, релевантные инструкции. Вместе с тем, осознаваться они могли иначе, чем названия и клички, которые встречались в прочитанном отрывке, а это, в свою очередь, могло бы повлиять на их последующее воспроизведение.

Анализ результатов показал, что из 16 искомых имен испытуемые воспроизводили от 5 до 14, причем воспроизведение разных персонажей было неодинаковым (См. Таблицу 34).

Таблица 34

Продуктивность воспроизведения искомых имен

Собственные имена, названия персонажей, клички и т.д.	% воспроизведения
Кот ученый	100
Леший	84
Невиданные звери	51
30 витязей	90
Дядька морской	80
Королевич	36
Грозный царь	14
Колдун	29
Богатырь	31
Царевна	61
Бурый волк	51
Баба Яга	61
Кащей	77
Русалка	91
Руслан	7
Людмила	7
Пушкин	5

Из Таблицы 34 видно, что имена «Руслан» и «Людмила» встречаются лишь в 7 % случаев, а «Пушкин» – в 5 % случаев. Ясно, что интересующие нас стимулы осознавались иначе по сравнению со всеми остальными названиями и именами, что и повлияло затем на принятие решения о невоспроизведении. (То, что данные стимулы осознавались, показал тест на узнавание).

Испытуемым был предложен список из 48 названий, в который, наряду со старыми персонажами, вошли имена известных писателей и сказочных героев из других произведений (Карлсон, Емеля, Тургенев, Кот Базилио и т.д.). Для того чтобы «вывести» искомый материал на уровень осознания, испытуемым давалась инструкция обнаружить в списке те названия, которые фигурировали в основной экспериментальной серии. Подавляющее большинство испытуемых (97%) идентифицировали названия «Руслан», «Людмила», «Пушкин».

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что испытуемые осознавали, запоминали и продолжали помнить стимульные названия «Руслан», «Людмила», «Пушкин», но не могли их при выполнении инструкции осознать. Как показал анализ самоотчетов участников эксперимента, это удавалось только в том случае, если испытуемый переинструировал себя или приписывал словам экспериментатора дополнительный смысл. Например, говорил себе, что «задание не может быть таким примитивным», «в чем-то заключен подвох», «почему экспериментатор делает акцент на словах «Можете приступить!», в этом должен же быть какой-то смысл?!» и т.п. Иначе говоря, испытуемый изменял мнемический контекст, в рамках которого осуществлялось воспроизведение (осознание). Воспроизведение стимульных слов «Руслан», «Людмила», «Пушкин» происходило, таким образом, только в результате растождествления содержания сознания с содержанием контекста памяти.

Вероятно, что осознание названия класса объектов происходит несколько иначе, чем осознание самих объектов, образующих

класс. И, по всей видимости, это одинаково справедливо как в отношении восприятия стимулов, так и в плане их воспроизведения. Вспоминая (пытаясь осознать) названия, которые встречались в отрывке, испытуемые, не осознавая того, должны были помнить, какую инструкцию они выполняют. В противном случае, они бы не могли выполнять полученное задание. Установленный экспериментальный факт во многом сходен с эффектом действия детерминирующей тенденции, которая сама не осознается, но обеспечивает актуальные условия для осознания соответствующих стимулов.

Эксперимент 2.

Испытуемые. Участвовало две группы взрослых испытуемых по 40 человек в каждой.

Процедура. С каждым испытуемым эксперимент проводился индивидуально.

Процедура, организованная для первой группы, выглядела таким образом. Испытуемый приглашался в комнату и располагался за столом, на котором *уже* были разложены 16 предметов: карандаш, зажигалка, ножницы, канцелярская скрепка, две шариковые ручки, блокнот, теннисный шарик и т.п. Среди этих предметов на столе находилась также коробка из-под обуви. Экспериментатор просил испытуемого в течение 30 сек. как можно внимательнее изучить все предметы, лежащие на столе. При этом испытуемому сообщалось, что задание, которое ему нужно будет выполнять, он получит несколько позже. Через 30 сек. экспериментатор просил испытуемого выйти из комнаты. В отсутствие испытуемого со стола убирались все предметы. После этого испытуемый вновь приглашался в комнату, где ему требовалось выполнить следующую инструкцию: «Назовите все предметы, которые лежали на столе».

Процедура, организованная для второй группы, несколько отличалась. Испытуемый приглашался в помещение, в котором на столе лежала закрытая коробка из-под обуви. Экспериментатор на глазах испытуемого открывал коробку, доставал 15 предметов, (ко-

торые использовались в качестве стимульного материала и в первой группе) и, затем раскладывал их на столе. Коробка оставлялась на столе, на том же месте, на каком она находилась в эксперименте с испытуемыми первой группой. Далее логика действий экспериментатора и испытуемого ничем не отличалась от вышеописанной.

Результаты и их обсуждение. Результаты обнаружили интересный факт. Отвечая на тестовый вопрос экспериментатора «Назовите все предметы, которые лежали на столе», только 10 % испытуемых из второй группы в ряду прочих предметов назвали коробку, в то время как испытуемые из первой группы – в 95 % случаев. Первоначальное осознание коробки как предмета не рядоположенного остальным имело неосознаваемое влияние на принятие решение о невоспроизведении. Анализ субъективных отчетов показал, что большинство испытуемых из второй группы вообще не воспринимали коробку как стимул, который требовалось воспроизводить, хотя, безусловно, все испытуемые видели коробку на столе и понимали слова инструкции, согласно которой необходимо было воспроизвести *все* предметы, что находились на столе.

Итоговый вывод

Наряду с эффектом неосознаваемого негативного выбора, описанные экспериментальные факты представляют собой разновидность случаев забывания, классифицируемых на основании «осознанности – неосознанности» той информации, которая детерминирует принятие решения о неузнавании или невоспроизведении. Факты забывания могут быть вызваны как ранее осознанным, так и не осознанным опытом. Но в любом случае, забывание – это не бесследное исчезновение информации из памяти, не стирание следа, а неосознаваемое решение сознания о невоспроизведении.

3.6. Экспериментальная проверка зависимости эффективности воспроизведения от значимости информации и времени интервала удержания

В разделе 2.3.1 было предложено рассматривать вероятность осознания (воспроизведения, узнавания) как функцию двух переменных – времени интервала удержания и значимости ранее запомненной информации. Утверждение о том, что взаимодействие этих переменных значимо влияет на осознание, требует экспериментальной верификации. С этой целью и было проведено данное исследование.

Цель исследования: проверить зависимость эффективности воспроизведения (осознания) от отношения значимости информации и времени интервала удержания следа в памяти.

Предмет исследования: воспроизведение информации в зависимости от ее значимости и времени интервала удержания.

Гипотеза исследования: с увеличением интервала удержания будет уменьшаться объем воспроизведения информации, но при этом будет возрастать процент значимой информации.

Методика.

Испытуемые. В эксперименте приняли участие 150 человек обоих полов в возрасте от 19 до 57 лет.

План эксперимента:

Зависимая переменная – эффективность воспроизведения.

Независимые переменные:

а) «интервал удержания» имела три состояния:

- 1 час;
- 24 часа;
- 1 неделя.

б) «значимость понятий», выраженная в ранговых оценках.

Процедура эксперимента. Для проведения эксперимента, призванного обнаружить эффективность воспроизведения (осознания)

информации с течением времени в зависимости от значимости этой информации, был составлен список из 30 слов, выражающих ценностные ориентиры человека: Азарт, Альтруизм, Верность, Власть, Время, Деньги, Доброта, Дружба, Здоровье, Знание, Инициативность, Искусство, Карьера, Любовь, Любознательность, Мораль, Мужество, Оптимизм, Патриотизм, Популярность, Развлечения, Религия, Свобода, Секс, Семья, Справедливость, Стабильность, Творчество, Честность, Щедрость.

Экспериментальная процедура состояла из двух этапов и проводилась индивидуально с каждым испытуемым в изолированном помещении.

На *первом этапе* испытуемым давалась следующая инструкция: «Вам предлагается список слов, выражающих ценностные предпочтения человека. Ваша задача – проранжировать все слова в порядке значимости. Наиболее значимая для Вас ценность получает ранг № 1, а наименее значимая – ранг № 30. Напротив каждого слова нужно указать только одно значение ранга».

После получения инструкции испытуемый приступал к выполнению экспериментального задания. Время на выполнение задания не лимитировалось. Заметим, что испытуемым не требовалось запоминать предъявленные слова. Кроме этого, они не были информированы о втором этапе эксперимента.

На *втором этапе* экспериментальная выборка была разделена на три равные группы по 50 человек в каждой.

Первая группа должна была воспроизводить все слова, которые были включены в список слов, предлагаемых для ранжирования через 1 час после выполнения первого задания.

Испытуемые второй группы должны были воспроизводить слова через 24 часа после выполнения задания на ранжирование.

Испытуемые третьей группы воспроизводили все запомненные слова через неделю.

На втором этапе эксперимента все испытуемые получали следующую инструкцию: «Постарайтесь вспомнить как можно больше слов, которые были ранее включены в список для ранжирования». Время для выполнения этого задания также не лимитировалось.

Обработка результатов. Математическая обработка проводилась О.В. Митиной. Для расчета данных были составлены три таблицы: отдельно для каждой группы испытуемых. Строки таблицы были заданы испытуемыми соответствующей группы, а столбцы – ранговыми номерами (1,2,3, ..., 30). Принцип заполнения таблиц заключался в следующем: если испытуемый под номером i воспроизвел слово, которому на первом этапе приписал ранг j , то в таблице, соответствующей той группе, к которой принадлежал этот испытуемый, ставилась цифра «1» в клетке, стоящей на пересечении i -ой строки и j -ого столбца. А если это слово не было воспроизведено, то в клетке ставилась цифра «0».

Полученные таким образом данные позволили оценить не эффективность воспроизведения той или иной ценности каждым испытуемым, а эффективность воспроизведения ценности, *имеющей определенный ранг*, ту или иную *степень значимости* для каждого испытуемого (хотя, конечно, за этими рангами стоят индивидуальные значения).

Анализ данных выполнялся в двух направлениях.

1. Оценка достоверности отличий в рангах воспроизведенных и невоспроизведенных слов-ценностей

В каждой группе отдельно сравнивались усредненные по каждому испытуемому ранги воспроизведенных и невоспроизведенных ценностей согласно полученным ими рангам. Для этого по каждому испытуемому (i) были подсчитаны два показателя:

$$S_{vi} = \frac{\text{сумма рангов воспроизведенных ценностей}}{\text{общее число воспроизведенных ценностей}}$$

$$S_{ni} = \frac{\text{сумма рангов невоспроизведенных ценностей}}{\text{общее число невоспроизведенных ценностей}}$$

В случае, если воспроизведение тех или иных ценностей не зависит от того, насколько они субъективно важны для испытуемых, то тогда распределение в выборках значений средних рангов воспроизведенных и невоспроизведенных ценностей ($\{S_{ei}\}$ и $\{S_{ni}\}$) в каждой группе не должно давать значимых различий (по критерию о сравнении парных выборок должна подтверждаться нулевая гипотеза: различия между двумя наборами парных данных в величинах средних рангов воспроизведенных и невоспроизведенных слов, обозначающих ценности, обусловлены исключительно случайными флуктуациями).

Поскольку проверка на нормальность по критерию Колмогорова-Смирнова не дала однозначного подтверждения того, что все наборы данных, соответствующие вычисленным показателям воспроизведенных и невоспроизведенных слов в каждой группе распределены нормально, то для надежности, при проверке достоверности отличий в воспроизведении слов в каждой из трех выборок испытуемых были использованы два критерия сравнения парных данных: тест Стьюдента (параметрический) и тест Вилкоксона (непараметрический).

Результаты, приведенные в Таблице 35, свидетельствуют о наличии значимых различий между средними рангами воспроизведенных и невоспроизведенных ценностей в каждой из трех выборок. Результаты проверки нормальности и результаты сравнения парных данных отражены в Таблицах 36 и 37, соответственно.

Таблица 35

Основные показатели распределения усредненных рангов при воспроизведении и невоспроизведении слов-ценностей во всех выборках

Интервал удержания		Среднее	Стд. откл.	Границы 95% доверительного интервала		Медиана
				нижняя	верхняя	
1 час	Воспроизведение	13,38	2,64	12,63	14,13	13,74
	Невоспроизведение	16,55	1,31	16,18	16,93	16,65
24 часа	Воспроизведение	11,86	3,69	10,81	12,92	11,44
	Невоспроизведение	16,40	0,98	16,12	16,68	16,55
1 неделя	Воспроизведение	8,58	4,09	7,42	9,74	8,67
	Невоспроизведение	16,81	0,73	16,60	17,02	16,89

Таблица 36

Результаты проверки нормальности

Интервал удержания		Статистика Колмогорова –Смирнова	р-значение
1 час	Воспроизведение	0,11	0,17
	Невоспроизведение	0,07	0,20
24 часа	Воспроизведение	0,13	0,04
	Невоспроизведение	0,08	0,20
1 неделя	Воспроизведение	0,11	0,14
	Невоспроизведение	0,09	0,20

Таблица 37

Результаты сравнения парных данных

Интервал удержания	Параметрический критерий		Непараметрический критерий	
	Статистика Стьюдента	р-значение	Z-оценка статистики Вилкоксона	р-значение
1 час	-5,99	0,001	-4,76	0,001
24 часа	-7,03	0,001	-5,06	0,001
1 неделя	-12,75	0,001	-5,86	0,001

Таким образом, нулевая гипотеза с высокой степенью уверенности может быть отвергнута и принята альтернативная гипотеза,

согласно которой различия между усредненными рангами воспроизведенных и невоспроизведенных слов, обозначающих ценности, во всех трех выборках статистически значимы.

Помня, что наиболее важным для испытуемых ценностям соответствовал меньший ранг, можно сделать вывод о том, что *в каждой из трех выборок была зафиксирована тенденция к воспроизведению наиболее значимых для испытуемых ценностей*. Однако результаты, приведенные в Таблице 35, показывают также, что существуют определенные различия в воспроизведении ценностей в зависимости от времени, разделяющего первый и второй этапы эксперимента.

Исходной гипотезой предусматривается, что, *чем больше время интервала удержания, тем в большей степени проявляется тенденция к воспроизведению наиболее значимой информации и невоспроизведению менее важной*. Для статистической проверки этого предположения был использован метод анализа латентных изменений.

2. Моделирование латентных изменений

2.1. Вводные пояснения

Моделирование латентных изменений наряду с конфирматорным факторным анализом, анализом путей входит в арсенал методов структурного моделирования [Bentler, 1995]. Этот метод применяется для анализа повторяющихся измерений и дает возможность анализировать данные лонгитюдных исследований при наличии малого числа временных срезов [Duncan et al, 1999]. Модели латентных изменений позволяют описывать динамический процесс развития одной или нескольких характеристик в комплексе, а также детерминацию изменений различными инвариантными для этого процесса характеристиками. Использование этих моделей особенно актуально в социальных науках и психологии, так как проведение необходимого числа измерений, требуемых для проведения анализа

данных с помощью традиционных методов временных рядов (несколько сотен), просто невозможно.

Для анализа данных, описываемых в данном исследовании, была использована простейшая модель латентного линейного роста одной переменной. Однако все рассуждения могут быть распространены на более общий случай латентных изменений любого числа переменных (как монотонных, так и немонотонных).

Линейный рост можно представить с помощью уравнения

$$Y=aX+b, \text{ где}$$

X – независимая переменная,

Y – линейно зависима от X переменная.

Параметр a соответствует углу наклона прямой, а параметр b – точке пересечения этой прямой с осью OY (то есть уровню, на который эта наклонная прямая приподнята (если $b>0$) или опущена (если $b<0$) над осью OX). (В графическом виде см. Рис. 4).

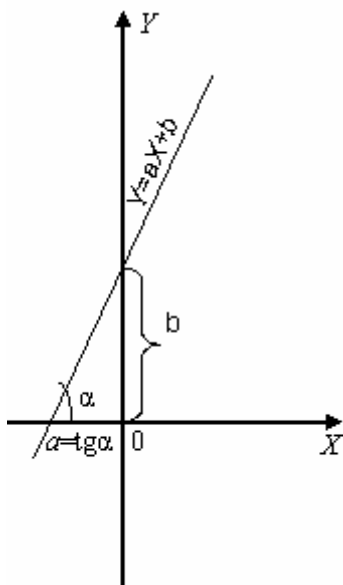

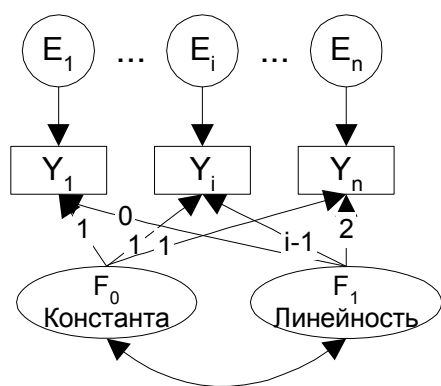
Рис. 4. График уравнения прямой линии в декартовой системе координат на плоскости

Если предположить, что в ходе эксперимента были зафиксированы две переменные X и Y и было сделано n наблюдений, то есть, получено n пар значений (X_i, Y_i) , то задача линейной регрессии заключается в нахождении таких значений a и b , чтобы прямая

$Y=aX+b$ алгебраически и статистически соответствовала экспериментальным данным [Тюрин, Макаров, 1998]. Эта же идея используется при моделировании латентного линейного роста. В случае, когда имеется некоторое количество повторяющихся измерений Y_i ($i=0, 1, \dots, n$ – временные этапы) необходимо выявить меньшее количество латентных факторов (в линейном случае – два), позволяющих описывать всю модель без существенной потери информации.

На Рис. 5 изображена схема взаимосвязи латентных и наблюдаемых переменных, используемая для моделирования латентного линейного роста.

Y_1, Y_2, Y_3 – это измерения какой-либо характеристики, выполненные при последовательно возрастающих значениях независимого параметра. В данной модели латентные факторы отмечены F_0 и F_1 и позволяют моделировать характер изменений. Односторонние стрелки соответствуют связям детерминации (латентные переменные детерминируют наблюдаемые переменные). Числа, стоящие рядом со стрелками, обозначают факторные нагрузки того или иного фактора на соответствующие переменные.

$$\begin{aligned}
 Y_1 &= 1F_0 + 0F_1 + E_1 \\
 Y_2 &= 1F_0 + 1F_1 + E_2 \\
 &\dots \\
 Y_i &= 1F_0 + (i-1)F_1 + E_i \\
 &\dots \\
 Y_n &= 1F_0 + (n-1)F_1 + E_n \\
 (F_0, F_1) &= *
 \end{aligned}$$

Рис. 5. Структурная схема и уравнения, реализующие модель латентного линейного роста

Как видно из Рис. 5 и соответствующей системы уравнений, факторные нагрузки по фактору F_0 одинаковы для всех наблюдаемых переменных, а по фактору F_1 изменяются с каждым следую-

щим шагом на единицу, то есть пропорционально n (номеру измерения). Таким образом, если проводить аналогию с уравнением линейной регрессии, фактор F_0 соответствует константе, а фактор F_1 – коэффициенту наклона.

Однако существенное различие между линейной регрессией и латентным моделированием линейного роста заключается в составе требуемых для анализа данных. В первом случае необходимо большое количество пар наблюдений над различными объектами по зависимой (Y) и независимой (X) переменным. Во втором случае, необходимо производить наблюдения (измерения зависимой переменной Y) над одними и теми же объектами при различных фиксированных уровнях (значениях) независимого параметра (переменной X). В этом смысле, дизайн эксперимента аналогичен дисперсионному анализу, при проведении которого также необходимо измерять зависимый показатель у всех объектов при разных уровнях анализируемого фактора [Гусев, 2000]. Если, в случае линейной регрессии, множество различных значений X_i должно быть большим, чтобы гарантировать достоверность результатов, то, в случае моделирования латентного линейного роста различных уровней, их может быть не много (например, трех достаточно). Однако такая возможность делает необходимым проведение измерений зависимой переменной у всех элементов выборки при каждом значении независимого параметра.

Моделирование латентных изменений позволяет определить не только общие для всей выборки показатели – наклон и константу (макроуровень), но и установить, от чего эти коэффициенты могут зависеть у каждого конкретного объекта наблюдений (в нашем случае, слова-ценности) (микроуровень).

На Рис. 6 представлены различные виды линейных графиков. С помощью линейной регрессии можно вычислить одну «усредненную» прямую, у которой коэффициенты a и b являются усредненными значениями коэффициентов a_i и b_i для каждого объекта в от-

дельности. Структурное моделирование позволяет выявлять латентную линейную зависимость (то есть, построить линейный график) для каждого объекта, соотносить индивидуальные зависимости друг с другом, определять характер разброса, а также причины выявленных различий.

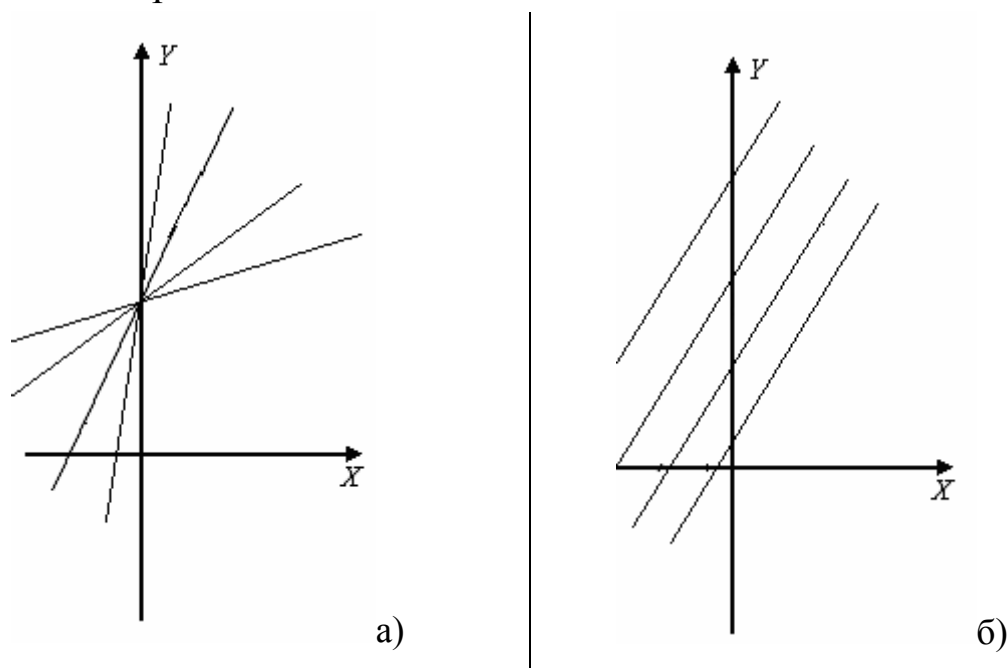

Рис. 6. *Различные типы изменений в линейных зависимостях:*
а) константа (коэффициент a) одинаковая, наклоны (коэффициент b) разные, б) наклон одинаковый, константы разные

Таким образом, можно сказать, что латентное моделирование линейного роста в определенной степени интегрирует идеи линейного регрессионного анализа, факторного и дисперсионного анализа и позволяет использовать преимущества всех этих методов одновременно.

2.2. Применение метода латентных изменений для анализа динамики продуктивности воспроизведения информации в зависимости от ее значимости

Для расчета интересующей нас зависимости была использована простейшая модель: линейные изменения одной переменной. Этой переменной является процент воспроизведения слов-ценностей, имеющих ту или иную степень значимости для испытуемых (тот

или иной ранг). Результаты, полученные отдельно на каждой группе испытуемых, интерпретировались как значения переменной в разные моменты времени. Тем самым, в данной ситуации интерес представляли уже не испытуемые, а сами слова-ценности. Они в данной части исследования и выступали объектами анализа.

Для каждой из тридцати ценностей, идентифицируемых согласно тому, насколько они важны (значимы) для испытуемых, был подсчитан процент воспроизведения:

$$V_{jk} = \frac{\text{число респондентов выборки } k \text{ воспроизведших ценность имеющую для них "j-очередную" степень важности}}{\text{общее число респондентов в выборке } k}$$

В результате было получено три набора данных V_{jk} $j=1..30$, $k=1,2,3$.

Для определения факторов, определяющих латентные изменения, были написаны следующие структурные уравнения:

$$V_1 = 1F_0 + 0F_1 + E_1$$

$$V_2 = 1F_0 + 1F_1 + E_2$$

$$V_3 = 1F_0 + 2*F_1 + E_3$$

Фактор F_0 соответствует константе, а F_1 – тангенсу угла наклона прямой изменения.

Знак (*) в третьем уравнении введен, исходя из допущения, что установленные временные интервалы не равнозначны. Действительно, между 1-им часом и сутками объективно времени прошло меньше, чем между сутками и 1-ой неделей. Полученная в результате решения модели оценка этого коэффициента позволит определить субъективные различия в этих периодах.

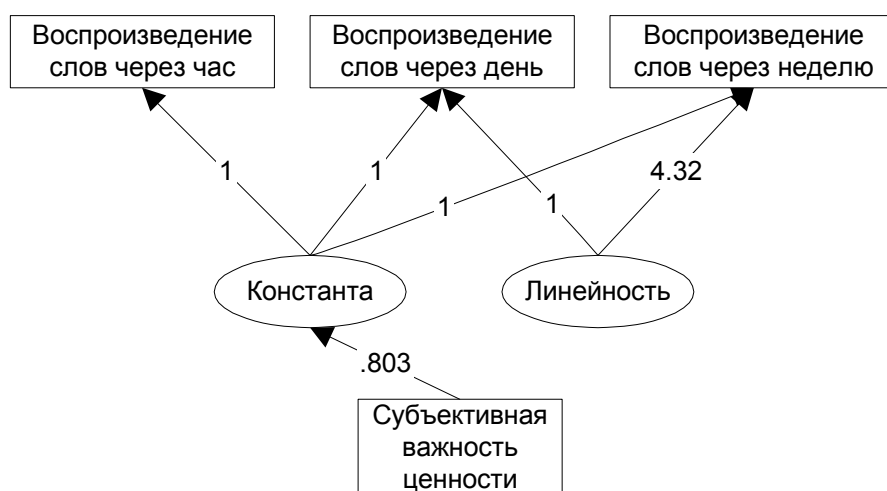
Кроме того, необходимо выяснить, насколько субъективная значимость воспроизводимой ценности влияет на эти факторы. Чтобы ответить на этот вопрос, были добавлены еще два уравнения:

$$F_0 = *R + D_0$$

$$F_1 = *R + D_1$$

R – переменная, содержащая ранги всех ценностей. Исходя из достаточно большого числа испытуемых, входящих в каждую группу, можно считать переменную R интервальной.

Результаты модели представлены на Рис. 7.

$$\chi^2=1.742, df=1, CFI=0.993$$

Рис. 7. Структурная схема латентных линейных изменений воспроизведения значимой информации с течением времени

На Рис. 7 указана значимая детерминация латентной переменной «Константа» измеряемой переменной «Субъективная важность ценности». Стандартизированный коэффициент этой детерминации равен 0.80 (близок к максимально возможному, то есть, равному 1).

Результаты и их обсуждение. Полученные в результате численного анализа показатели свидетельствуют о том, что экспериментальные данные хорошо соответствуют теоретической гипотезе. Это означает:

1. Объем воспроизведения значимой информации линейно убывает со временем, то есть независимо от интервала удержания сохраняется тенденция уменьшения объема воспроизведения значимой информации, равно как и не значимой.

2. Субъективная значимость той или иной ценности влияет на динамику воспроизведения стимульных слов следующим образом: чем более значимой является ценность, тем больше испытуемых ее

воспроизводят. Иначе говоря, константа в линейном уравнении выше у более значимых стимулов. Так как линейная функция одинакова как для значимой, так и для незначимой информации, то при уменьшении общего количества воспроизведенных стимулов будет увеличиваться доля значимой информации, поскольку изначально значимых стимулов было воспроизведено больше, чем незначимых.

Вывод.

Поскольку на уровень наклона значимого влияния со стороны измеряемой переменной «Субъективная важность ценности» не выявлено, можно сделать вывод о том, что скорость, с которой искомые стимулы перестают быть доступными для осознания («уходят» из первой мнемической зоны) статистически примерно одинакова для всех слов-ценностей вне зависимости от того, насколько они субъективно значимы для испытуемых. И хотя, независимо от значимости ранее запомненной информации, с увеличением времени интервала удержания уменьшается вероятность ее воспроизведения, доля значимой информации при этом возрастает, что собственно, и подтверждает выдвинутую гипотезу исследования.

Результаты проведенного исследования позволяют считать корректной исходную логику рассуждений, приведенных в разделе 2.3.1 и свидетельствуют о правдоподобности сделанного предположения.

3.7. Исследование работы сознания в условиях гипнотического запрета

В психологической литературе описаны различные состояния, которые характеризуются определенной спецификой функционирования аппарата сознания. Думается, правомерно использовать термин «режим работы сознания» для обозначения специфического отличия в типе функционирования сознания в том или ином состоянии. Широко используемый в психологии термин «измененное состояние сознания» является не вполне удачным. Любое состоя-

ние сознания является измененным относительно предшествующего состояния. Кроме того, это понятие не отражает характер изменения: что изменяется в сознании, когда оно находится в другом состоянии? По всей видимости, в качественно разных состояниях включаются разные режимы работы сознания. Это означает, что сознание в любом состоянии потенциально располагает набором всех функциональных механизмов, которые могут использоваться в работе сознания в разных условиях. Состояние – это и есть актуальные условия, при которых сознание осуществляет познавательную активность.

Выделяют три так называемых нормальных состояния сознания: состояние бодрствования, сон и гипноз. В литературе описаны также патологические состояния, например, такие, как: сумеречное, истероидное, онейроидное, эпилептоидное и т.д. [Райков, 2003, с. 261]. Некоторые авторы гипнотическое состояние наряду с обычным бодрствованием, состоянием опьянения, медитации и т.д. называют дискретным состоянием сознания, противопоставляя его дискретным измененным состояниям сознания [Тарт, 1998, с. 98]. Едва ли в настоящее время возможно полное описание всех существующих состояний сознания, а, следовательно, и типов функционирования сознания в этих состояниях. Ведь, кроме нормальных и патологических, можно выделить разнообразные пограничные состояния, например, аффективные состояния, которые, в свою очередь, могут возникать не только на фоне нормальных, но и на фоне патологических состояний.

Особый научный и научно-практический интерес традиционно представляет гипнотическое состояние сознания. Теория гипнотического состояния исключительно многообразна. Гипнотическое состояние считали «высшим состоянием бодрствования», «истерическим неврозом», «функциональным психозом» [См. Райков, 2003]. Гипноз, по меньшей мере, более века используют в психотерапевтических целях. Как утверждает В.Л. Райков, «во всех много-

численных вариантах психотерапии, кроме рациональных, имеет место гипноидный компонент сознания. ... А все варианты представляемых в настоящее время психотерапевтических состояний измененного сознания, так или иначе, укладываются в состояние гипнотическое. ...Эти состояния связываются со специфическим повышением восприимчивости сознания пациента» [Там же, с. 261]. Гипнотическое состояние часто используют как средство психотерапевтических интервенций и значительно реже рассматривают в качестве предмета экспериментальных исследований. Хотя именно экспериментальные исследования работы сознания в особых состояниях позволяют лучше понять деятельность сознания, в том числе – в обычном режиме работы. Экспериментальный опыт, накопленный в этой области, не коим образом, не меняет общую картину» [Райков, 1998, с. 416; Райков, 2003, с. 264].

Данное экспериментальное исследование направлено на выявление эффектов осознания в особом режиме работы сознания, а именно в условиях гипнотического запрета.

Во всех нижеописанных опытах использовалась техника гипнотического запрета.

Цель исследования: выявить и описать эффекты осознания/неосознавания в измененном режиме работы сознания (в условиях гипнотического запрета), а также проверить наличие в гипнотическом состоянии эффекта неосознаваемого негативного выбора (эффекта Аллахвердова).

Предмет исследования: эффекты осознания/неосознавания в измененном режиме работы сознания (в условиях гипнотического запрета).

Теоретические гипотезы исследования:

1. Для того чтобы не осознавать стимул, который запрещено осознавать, необходимо сознавать (понимать, не осознавая) этот стимул как тот, что нельзя осознавать.

2. Отсутствие осознания в ситуации гипнотического запрета является эффектом деятельности сознания, связанной с принятием решения о неосознавании.

Эмпирические гипотезы исследования:

1. В ситуации гипнотического запрета испытуемый не будет осознавать цвет, форму или название предмета.

2. Неосознавание «запрещенного» стимула в гипнотическом состоянии будет обладать эффектом последствия: «запрещенный» стимул будет устойчиво не осознаваться при повторных предъявлениях.

3. Эффект неосознаваемого негативного выбора (эффект Аллахвердова) будет возникать и в ситуации гипнотического запрета.

Методика.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 5 человек в возрасте 23-25 лет. С каждым испытуемым эксперименты проводились индивидуально в учебном помещении.

Процедура исследования. Для реализации экспериментальных планов в качестве специалиста, владеющего техниками гипнотической индукции, был приглашен К.С. Лисецкий. Процедура исследования и все экспериментальные планы были разработаны автором.

Эксперимент 1.

В эксперименте принял участие испытуемый К., молодой человек в возрасте 23 лет, студент биологического факультета университета, хорошо гипнабелен.

На первом этапе процедуры испытуемый, находясь в глубоком гипнотическом состоянии, получал от гипнолога императивную инструкцию, которой предписывался запрет на восприятие желтого цвета. После этого гипнолог многократно проверял у испытуемого возможность визуального представления желтого цвета, предлагая «увидеть на внутреннем экране» разные предметы, окрашенные в различные цвета. В процессе этой процедуры неоднократно повторялись слова раппорта: «Ты ярко видишь все цвета: «красный»,

«зеленый», «фиолетовый», «черный»... Но не видишь «желтый». Ты не знаешь, как выглядит желтый цвет. Как бы ты ни пытался, ты не будешь видеть «желтый».

Через некоторое время испытуемого просили представить геометрические фигуры разного цвета. Одновременно с этим испытуемый вслух должен был рассказывать о том, что и каким образом ему удается представлять, выполняя инструкции экспериментатора. Далее гипнолог просил представить апельсин и назвать его цвет или же представить карандаш желтого цвета. Убедившись, что испытуемый не может назвать цвет представляемых предметов, гипнолог переходил ко второму этапу процедуры.

На столе перед испытуемым раскладывались геометрические фигуры разного цвета. Испытуемый получал следующую инструкцию: «Сейчас тебе необходимо произнести вслух название всех геометрических фигур, которые находятся перед тобой, а также назвать цвет каждой фигуры».

Среди разложенных перед испытуемым фигур был квадрат желтого цвета. К., правильно называя все цвета, не мог назвать цвет желтого квадрата. Показательна реакция испытуемого, который при всем желании вспомнить название цвета, был не способен это сделать: «Я помню, что помню этот цвет. У меня есть кофта такого цвета... (Испытуемый был одет в кофту желтого цвета – А.А.). Но я не могу его назвать. Я вижу его, но не знаю, как он называется». В названии геометрических фигур, в том числе и желтого квадрата, испытуемый ошибок не совершал.

Эксперимент 2.

В данном эксперименте испытуемая С. – девушка 25-ти лет, студентка психологического факультета университета, находясь в глубоком гипнотическом состоянии, получала запрет на восприятие желтого цвета. После этого она должна была решать простейшие арифметические примеры. Все цифры, из которых были составлены

числа, были написаны чернилами разных цветов. Некоторые цифры были написаны желтыми чернилами. Так, в примере

$$84 : 2 = \dots,$$

цифра «8» была изображена, синим цветом, цифра «4» – желтым, цифра «2» – красным, знаки «:» и «=» – коричневым цветом. Испытуемая, решая этот пример, в ответе писала «4».

Эксперимент 3.

В эксперименте, проведенном с испытуемым Т. (мужчина, 24 года), был получен неожиданный результат. В гипнотическом состоянии испытуемый получал от экспериментатора императивную инструкцию: «Сейчас тебе необходимо как можно быстрее решать арифметические примеры. Ты хорошо и быстро считаешь. Но ты не будешь видеть число 11. Ты не знаешь число 11». После этого испытуемому письменно предлагалось решить 10 примеров:

1. $28-25=$
2. $69+34=$
3. $37-26=$
4. $88-57=$
5. $43 \times 12=$
6. $5+6=$
7. $93-82=$
8. $71+45=$
9. $12 \times 5=$
10. $66:6=$

Интерес, прежде всего, вызывало то, как испытуемый справится с решением примеров под №№ 3, 6, 7, 10. Правильным решением именно этих заданий является ответ «11».

Испытуемый Т. успешно справился со всеми предлагаемыми примерами, в том числе, и с теми, решением которых было число «11». Однако когда экспериментатор попросил озвучить все примеры с полученными ответами, Т. не смог назвать ответ в примерах под №№ 3, 6, 7, 10. Важно отметить, что испытуемый сам записы-

вал ответ на бумаге, решая эти примеры. Когда экспериментатор настойчиво спрашивал, что же написал Т. в ответе, например, третьего задания, испытуемый терялся, выглядел смущенным, говорил: «Не знаю... Я вижу, но не знаю, как назвать... Непонятная цифра... Что-то знакомое, но сказать не могу...».

Эксперимент 4.

В эксперименте с испытуемым О. (мужчина, 25 лет) была повторена та же процедура, что и в Эксперименте 3. Результаты показали, что при гипнотическом запрете на восприятие числа «11» испытуемый в ответе примеров под №№ 3, 6, 7, 10 дает ответ «13». Когда гипнолог просил его прочитать написанное, О. говорил: «тринадцать».

Эксперимент 5.

Испытуемому С., находящемуся в глубоком гипнотическом состоянии, внушалось, что зеленый цвет – это «красный», а затем запрещалось видеть красный цвет. В тестовой процедуре от испытуемого требовалось, отложив в сторону, назвать цвет каждой из 8-ми разноцветных карточек, разложенных перед ним на столе. Среди них одна карточка была красного цвета и одна – зеленого. Испытуемый, выполняя инструкцию, игнорировал карточки зеленого и красного цветов. На вопрос: «Какие карточки ты пропустил?», отвечал: «Я больше здесь ничего не вижу. Здесь ничего нет...». Оказалось, что при запрете осознавать красный цвет испытуемый перестает осознавать не только «красный», но и «зеленый».

Общее обсуждение. Результаты проведенного исследования не столь очевидны в плане интерпретации, как это может показаться на первый взгляд. Ведь, например, для того, чтобы в условиях гипнотического запрета «не видеть» желтый цвет, необходимо не только его видеть, но и неосознанно воспринимать как тот цвет, который видеть запрещено. Только идентифицируя цвет как желтый, можно принять решение о его неосознавании, исходя из содержания того мнемического контекста, который был образован в резуль-

тате внушенного запрета. Чтобы что-то не осознавать, сознанию необходимо сначала неосознанно понимать то, что не следует осознавать. Такая трактовка полученных результатов однозначно согласуется с ранее защищаемым положением о неосознаваемых процессах, предваряющих эффекты осознания.

Неосознавание «запрещенного» стимула в гипнотическом состоянии, как показали результаты экспериментов «с запрещением числа», имеет тенденцию к повторению. Другими словами, ранее не осознанный стимул обладает эффектом последствия: при повторных предъявлениях он устойчиво не осознается. Однако для того, чтобы не осознавать, требуется:

- а) помнить о том, что требуется не осознавать;
- б) не осознавая, понимать стимул как такой, который запрещено осознавать;
- в) неосознанно принимать специальное решение не осознавать «запрещенный стимул».

В Эксперименте 4, в котором испытуемый произвел замену числа «11» на «13», проявился эффект неосознаваемого негативно-го выбора, открытый и описанный В.М. Аллахвердовым. В данном случае он выразился в устойчивом повторении ошибочного решения (последствии ошибки). Заметим, что примеры под №№ 3, 6, 7, 10 были разные. Их объединял только один и тот же правильный ответ. Испытуемый О. при решении примера №3 совершал ошибку, вызванную гипнотическим запретом, случайным образом заменяя правильное решение («11») ответом «13». Затем, при решении примеров под №№ 6, 7 и 10 испытуемый для того, чтобы совершить уже известную ошибку, должен был:

- а) правильно решить пример;
- б) сличить правильное решение («11») с тем следом памяти, который образован вследствие гипнотического запрета;
- в) не осознавая, вспомнить о сделанной ранее ошибке («13» вместо «11»);

г) принять решение об осознании ошибочного ответа.

Таким образом, ошибки в примерах под №№ 6, 7, 10 являются не случайными, а закономерными. Они могут быть поняты как следствие реализованной логики познавательной деятельности сознания. Чтобы совершить ошибку в определенной стимульной ситуации, необходимо знать правильный ответ, который замещается в осознании ошибочным. Аналогично этому, чтобы не осознавать цвет, форму или название при повторном предъявлении «запрещенного стимула» сознанию нужно безошибочно понимать значение стимула и принимать решение о его неосознавании в контексте тех актуализированных областей памяти, которые связаны с содержанием гипнотического запрета.

В Эксперименте 5 полученный результат может быть объяснен так: для того, чтобы «не видеть» зеленый цвет, испытуемому нужно:

- а) воспринимать зеленую карточку, не осознавая этого;
- б) неосознанно понимать, что «зеленый» – это «красный»;
- в) не осознавая, помнить о том, что красный цвет видеть запрещено;
- г) неосознанно принимать специальное решение не осознавать зеленую карточку.

Эмпирические гипотезы исследования нашли свое подтверждение, что дает, в свою очередь, возможность говорить о правдоподобности теоретических предположений.

Проведенное исследование показало, что в ситуации гипнотического запрета эффекты когнитивной активности обусловлены неосознанно принятым решением о неосознавании. В несколько иной трактовке эти эффекты могут объясняться влиянием на принятие решения о неосознавании ранее осознанной информации.

Выводы

1. При потенциальной вариативности интерпретации, однозначное понимание многозначной фигуры определяется семанти-

кой предваряющей стимуляции. Эффекты осознания в большей степени обусловлены ранее осознанной информацией по сравнению с ранее не осознанной. В среднем, воздействие ранее осознанных слов на 13,5 % оказалось более выраженным по сравнению с влиянием ранее не осознанных слов. Установленное различие в степени влияния осознанных и ранее не осознанных слов статистически значимо ($p < 0,05$).

2. На результативность выполнения задачи «лексического решения» и, следовательно, на сам факт принятия решения о том, что и как будет осознаваться, существенное влияние оказывает характер предваряющей не осознанной стимуляции. Оpozнание слова происходит с наибольшей результативностью, если предваряющим не осознанным стимулом служит слово, связанное по смыслу с опознаваемым. Результативность опознания уменьшается в случае, когда бессмысленный стимул предваряет тестовый и снижается еще больше, если ему предшествует числовой ряд. Оpozнание бессмысленного набора букв происходит с наибольшей результативностью, если в качестве предваряющего стимула также выступает бессмысленный набор букв. В том случае, когда предваряющим стимулом является слово, опознание бессмысленного набора букв происходит с максимальным количеством ошибок даже по сравнению с той ситуацией, когда предваряющим стимулом является числовой ряд.

3. Эффект интерференции является следствием вынужденного осознания иррелевантной информации. Чем лучше испытуемому удастся не осознавать действие дистрактора, тем менее выражен интерференционный эффект. В том случае, когда осознание иррелевантной информации оказывается неизбежным, интерференционное влияние становится максимальным.

4. На результативность обработки релевантной информации негативно влияет семантика актуальной иррелевантной информации.

5. Эффект перцептивной защиты может выражаться в увеличении латентного периода времени ассоциативной реакции. Фактор

смысловой неопределенности в работе сознания является более важным, чем табу в культуре, отрицательный эмоциональный заряд или частотность слов. С семантически неопределенными стимулами сознание работает дольше.

6. Забывание является результатом неосознанно принятого решения о невоспроизведении. Факты забывания могут быть вызваны неосознаваемым влиянием ранее осознанного опыта.

7. Независимо от значимости ранее запомненной информации, с увеличением времени интервала удержания уменьшается вероятность ее воспроизведения, но при этом доля значимой информации возрастает. Следовательно, эффективность воспроизведения (осознания) зависит от совместного действия двух факторов: времени интервала удержания и значимости ранее запомненной информации.

8. Эффекты работы сознания в условиях гипнотического запрета являются убедительной демонстрацией правдоподобности предположения о наличии в функциональной структуре сознания специального когнитивного механизма принятия решения об осознании/неосознавании. В ситуации гипнотического запрета результаты когнитивной активности обусловлены неосознанно принятым сознанием решением о неосознавании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Осознание как результат преодоления избыточности понимания

Психология сознания, с одной стороны, имеет многовековую историю, поскольку величайшими мыслителями прошлого неоднократно высказывались взгляды относительно природы сознания и его функционального назначения. С другой стороны, собственно научный интерес к феномену сознания возник сравнительно недавно – лишь в середине XIX века. Именно сознание, понимаемое как «непосредственный опыт», стало предметом научно-психологического изучения в интроспективной школе психологии. Эмпирический факт непосредственной данности содержания сознания его носителю, то есть осознаваемый актуальный опыт, был принят за само сознание.

Парадоксально, что предложенный В. Вундтом взгляд на сознание как осознание имел значительное влияние на рассмотрение этого феномена в последующей истории научной психологии. Ведь и до момента институализации психологии, и во времена Вундта многие исследователи активно защищали идеи как о неосознаваемой детерминации деятельности сознания, так и о неосознаваемом характере самой этой деятельности. Хотя и неявно, эти идеи предполагали разграничение между сознанием и осознанием. Работы исследователей XIX века сделали неизбежным вывод о том, что для объяснения осознаваемых переживаний нужно выйти за пределы осознаваемого опыта и что сознание нельзя отождествлять с осознанием. Неслучайно в начале XX века формируются принципиально новые подходы к проблеме осознания.

Особый интерес к логике взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого проявился в психоанализе. З. Фрейд, следуя своей интеллектуальной интуиции, допустил наличие в психической организации специальных механизмов, которые ответственны за трансляцию информации из бессознательного в область осознавае-

мого и, наоборот, из сознания в бессознательную сферу. Психический механизм, функция которого – принимать решение о допуске в осознание бессознательного содержания, был назван Фрейдом цензурой, а механизм, ответственный за перевод информации из области осознаваемого опыта в бессознательное, – механизмом вытеснения. Таким образом, З. Фрейд показал, что вербальные и моторные эффекты, поступки и продукты деятельности человека могут объясняться влиянием прошлого, в наличный момент времени потенциально неосознаваемого, опыта. Неосознавание или искажение воспроизводимой информации имеет определенную причину, и поэтому забывание является эффектом принятого решения – не осознавать ту информацию, которую не следует осознавать. Экспериментальные исследования в Вюрцбургской школе продемонстрировали, что неосознавание может зависеть и от первичной установки сознания, то есть от характера осознания в прошлом опыте. Вместе с тем, само действие такой установки также не осознается.

В рамках гуманистического подхода осознание понималось не только как важнейший психический механизм, но и как способ активизации сущностных сил человека. В трудах гуманистов можно выделить следующие ключевые идеи относительно роли осознания в жизни человека: осознание служит цели обнаружения подлинного Я человека, осознание способствует самоактуализации – развитию личности в соответствии с ее потенциальными возможностями, осознание приводит к лучшему пониманию себя, разрешению личных проблем, избавлению от психологических травм, открывая, тем самым, новые жизненные горизонты.

Когнитивная революция, свершившаяся в начале 60-х годов XX века, ознаменовала собой не только новое направление исследований в психологии, но и новый взгляд на психическую деятельность, которая понималась как деятельность познавательная. В результате многочисленных экспериментальных проверок постулат когнитивистов об ограниченности возможностей сознания в плане

переработки информации был фальсифицирован. А. Ребер, комментируя упорство когнитивных психологов в отстаивании «постулата ограниченности», заключает: «... современные когнитивисты искали ключ под фонарным столбом, не потому, что это наиболее вероятное место, а потому что там свет» [Reber, 1992]. Эксперименты показали, что сознание способно обрабатывать информацию вне осознаваемого контроля вплоть до уровня семантики. В свою очередь, ранее не осознанная информация обуславливает эффекты осознания в ходе последующей познавательной деятельности [Величковский, 1982; Marcel, 1983; Аллахвердов, 2000 и др.]. Следовательно, в актуальный момент времени не осознается не только работа сознания, но и не все содержание сознания. Вместе с тем, исследования мнемической деятельности обнаружили, что память хранит гораздо больше информации, чем человек способен узнать или вспомнить.

Историко-психологический анализ показал, что принятие решения об осознании/неосознавании является необходимым этапом построения когнитивного процесса. На работу механизма принятия решения об осознании могут оказывать влияние различные факторы. С целью упорядочивания множества факторов, детерминирующих работу механизма принятия решения, была предпринята попытка построения структуры описания основных видов влияния на процесс принятия решения об осознании / неосознавании. Классификация позволила проанализировать известные экспериментальные данные и описать с единой позиции разрозненные факторы, обуславливающие эффекты когнитивной деятельности сознания.

В экспериментальном комплексе монографического исследования проверялось влияние конкретных факторов, детерминирующих эффекты осознания в ходе решения когнитивных задач. Изначально предполагалось, что на эффекты осознания оказывает воздействие как ранее осознанная, так и ранее не осознанная информация, притом, что само воздействие как в том, так и в другом слу-

чае является неосознаваемым. Кроме того, согласно исходным гипотезам, на процесс когнитивной деятельности сознания оказывает влияние не только прошлый опыт, но и актуальная иррелевантная информация, которая интерферирует с релевантной. Таким образом, виды зависимости эффектов осознания и неосознавания предположительно дифференцировались на основании «осознанности – неосознанности» информации, влияющей на принятие решения, и временной отнесенности того фактора, воздействие которого определяло это решение.

Действительно, проведенные эксперименты убедительно продемонстрировали, что на принятие решения как об осознании, так и неосознавании существенное влияние оказывает как ранее осознанный, так и ранее не осознанный опыт. В частности, это было обнаружено в экспериментах с использованием реверсивных фигур, восприятие которых зависело от семантики ранее предъявленных вербальных стимулов. При сравнении степени воздействия ранее осознанных и ранее не осознанных слов было установлено, что осознание одного из изображений двойственной фигуры значимо больше обусловлено воздействием ранее осознанной информации по сравнению с ранее не осознанной, хотя влияние последней оказалось также статистически значимым в сравнении с контрольными условиями. Данный экспериментальный результат означает, что при интерпретации наличной ситуации сознание, прежде всего, ориентировано на защиту тех гипотез, результат которых был осознан ранее. В противном случае, ранее не осознанная информация по степени влияния на осознание не отличалась бы от ранее осознанной. Такая трактовка согласуется с позицией, защищаемой В.М. Аллахвердовым, который для обозначения осознанных гипотез («догадок»), которые проверяет сознание, ввел понятие «позитивный выбор». «Позитивный выбор, – указывает В.М. Аллахвердов, – подчиняется ряду психологических законов. В частности, наблюдается последствие позитивного выбора (то, что однажды

было осознанно, имеет тенденцию осознаваться и в следующий раз...). ...Однако законы осознания всегда выступают лишь как статистическая тенденция, как некое распределение вероятностей возможного выбора» [Аллахвердов и др., 2006, с. 24]. Иначе говоря, ранее осознанный выбор не предопределяет однозначно эффекты осознания, а лишь влияет (хоть и в значительной мере) на принятие решения об осознании в последующей когнитивной деятельности. В экспериментах, посвященных прайминг-эффектам, отмечался процент испытуемых, которые осознавали такое изображение двойственной фигуры, смысл которого не соответствовал семантике ранее осознанного слова. Это как раз свидетельствует о том, что существует некоторое исходное распределение вероятностей возможного в будущем выбора.

То, что сознание в процессе осуществления познавательной деятельности опирается на прошлый опыт осознания, имеет важнейшее значение для человека в плане организации его поведения. Думается, именно это имел в виду Ж. Пиаже, когда писал: «Накопление опыта на всех уровнях, от элементарного научения до интеллекта, ... влечет ассимилирующую деятельность, которая в равной мере необходима для структурирования как самых пассивных форм навыка, так и для проявлений интеллекта со свойственной им очевидной активностью» [Пиаже, 2003, с. 111]. Прошлый опыт осознания, хранящийся в памяти, является частью той картины мира, которая служит своеобразной авторской «теорией» человека. Сознание, реализуя познавательную активность, проверяет именно мнемические гипотезы. Причем, картина мира отдельного эмпирического субъекта строится и проверяется в реальной жизнедеятельности человека принципиально схожим образом с тем, как осуществляется построение научно-теоретического знания и его верификация. (Подробнее о принципиальном сходстве функционирования картины мира человека и научной теории см. [Агафонов, 2004]). Инструментом построения картины мира является сознание дейст-

вующего и познающего субъекта. Именно благодаря сознанию субъект способен производить осмысленные феномены. У. Рейтман прав, считая, что «... трудно представить себе, как мы могли бы обсуждать познавательные структуры без понятия «смысл» [Рейтман, 1968, с. 159, 160]. По сути, сознание и есть механизм смыслопорождения [Агафонов, 2000, 2003]. В силу наличия у эмпирического субъекта неустранимой способности к пониманию, во всем, что окружает человека, сознание стремится найти смысл. Сам по себе действительный мир не имеет никакого смысла. Сознание «приписывает» смысл событиям, явлениям действительности, а также любым проявлениям человека, начиная от эмоциональных, психомоторных, и заканчивая личностными и духовными [Агафонов, 2000]. Сознание – это «ученый» внутри эмпирического субъекта, а картина мира – это «теория», которая строится в течение всей жизни.

Следует заметить, что никакой эмпирический опыт не может сам по себе фальсифицировать имеющиеся у субъекта осознанные представления, поскольку «осознанные субъективные представления опровергаются другими субъективными представлениями, а не опытом» [Аллахвердов, 2003, с. 67]. Если данные опыта каким-то образом осмысливаются, они, так или иначе, становятся субъективными представлениями, то есть содержательными элементами картины мира.

Эмпирический субъект как носитель сознания всеми возможными способами стремится спасти ранее осознанный взгляд на реальность от опровержений. Порождение гипотез *ad hoc*, создание «защитного пояса» теории (И. Лакатос) или картины мира путем наращивания допущений, игнорирование фактов – эти приемы использует как ученый-исследователь, так и каждый, кто не имеет отношения к научной деятельности, но при этом является наивным исследователем. Не удивительно, что в социальной практике субъект также нацелен на подтверждение и защиту своих ранее осознанных представлений, в том числе и о самом себе. Поэтому обще-

ние, рассмотренное в когнитивном аспекте, может расцениваться как средство утверждения правдоподобности собственной картины мира человека. Аналогично тому, как конкурируют идеи, объяснительные модели, концепции и теории в пространстве научного диалога, в социальном пространстве, через разнообразные формы общения конкурируют субъективные картины мира. Картина мира всегда строится и проходит верификацию только в оппозиции к другим картинам мира. При этом для носителя сознания как субъекта социальных взаимодействий естественным является желание быть понятым. Ведь человек стремится подтвердить, а не опровергнуть имеющиеся у него знания. Однако только реакция на социальную критику стимулирует развитие картины мира. Как ни странно, именно непонимание, контroversы общения, конфликтные ситуации единственно обеспечивают возможность коррекции собственных осознанных представлений о мире, позволяют осуществлять ревизию накопленного знания, то есть усложнять и развивать свою картину мира. Если бы субъект всякий раз встречал понимание — это привело бы к консервации системы знаний, закрытости к новому опыту, ригидности жизненных установок. Похожим образом утверждаются и научные идеи. Во-первых, в оппозиции к другим идеям. И, во-вторых, их развитие является результатом реакции на критику. Поэтому, более существенным и весомым аргументом в пользу научной теории является не опыт подтверждения, а способ реагирования на критику, которая в науке уже давно «из закуски превратилась в основное блюдо» (К. Поппер).

Анализ экспериментальных данных показывает, что на осознание влияет не только ранее осознанная субъектом информация. Демонстрацией влияния не осознанной информации на последующие эффекты осознания является прайминг («семантическое предшествование», «семантическая наводка»). Влияние не осознанной информации было обнаружено также при выполнении испытуемыми задачи «лексического решения». Примечательно, что воздействие

воспринятой, но не осознанной бессмысленной информации оказывается в той же мере значимым в плане точности опознания последующего бессмысленного стимула, как и в случае влияния неосознанно воспринятого слова на опознание вербального стимула. Воспринятая, но не осознанная информация создает актуальный настрой на восприятие последующей информации. В этом смысле, не существует качественных различий между воздействием осознанной и не осознанной информации. Другое дело, что неосознаваемое влияние ранее не осознанной информации на последующие результаты когнитивной деятельности является краткосрочным. Такое влияние имеет место лишь в пределах нескольких секунд, в то время как ранее осознанная информация обладает значительно более пролонгированным влиянием и, о чем уже выше упоминалось, служит основанием для интерпретации вновь поступающей информации, тем самым выполняя функцию организации поведения и когнитивной активности субъекта в соответствии с его приобретенным опытом.

Обобщая результаты проведенных экспериментальных исследований, нельзя не отметить тот факт, что существенное влияние на когнитивную деятельность оказывает актуальная иррелевантная информация. Если работу сознания всецело связывать с функцией внимания, этот факт трудно объяснить. Иррелевантная информация, несмотря на то, что на нее не направлено внимание, активно воспринимается вплоть до семантического уровня. Об этом, в частности, говорят результаты исследования продуктивности чтения при воздействии иррелевантной информации, имеющей различную степень смыслового сходства с релевантной. Это означает, что снижение продуктивности выполнения основной задачи связано, прежде всего, с тем, что сознанию в условиях действия дистракторов требуется выполнять специальную задачу по проверке успешности игнорирования иррелевантной информации. В силу этого, иррелевантная информация вынужденно осознается (или частично

осознается). Если экстраполировать этот вывод на широкий класс ситуаций, в которых сознание осуществляет познавательную деятельность, то можно предположить, что наряду с релевантной деятельностью сознание одновременно выполняет сопряженную деятельность по игнорированию всей той информации, которая не определена целью актуально выполняемой познавательной задачи. Поскольку практически в любой ситуации имеют место внешние и внутренние помехи, влияющие на текущую работу сознания, можно полагать, что контроль над выполнением деятельности по игнорированию осуществляется в подавляющем большинстве случаев. Хотя, повторяюсь, значительное влияние на решение когнитивной задачи оказывает лишь та иррелевантная информация, которая имеет близкое семантическое сходство с релевантной.

Исследование эффектов деятельности сознания в условиях интерференции и эксперимент, проверяющий зависимость продуктивности решения когнитивной задачи от семантики иррелевантной информации дают все основания считать, что сознание активно перерабатывает всю входную информацию независимо от направленности внимания. Такая обработка происходит неосознанно и включает в себя не только обнаружение стимульной информации, но и ее семантизацию, что неизбежно связано со сличением поступающей информации со следами, эталонами памяти. (Выше неоднократно обсуждались случаи семантизации информации в отсутствии осознания). Понимание значения воспринятого, но не осознанного слова возможно только в случае корреспонденции сознания с памятью, то есть вследствие работы механизма сличения. Обнаружение и сличение, таким образом, осуществляются до принятия решения об осознании, то есть на начальном этапе построения когнитивного процесса. Эти этапы когнитивной активности сознания определяют стадию подготовки к принятию решения об осознании / неосознавании. Перейдя от анализа эмпирических данных к идеализированному представлению о неосознаваемой работе сознания,

можно сформулировать следующее положение: сознание производит семантическую обработку всей поступающей информации. Замечу, что данное утверждение выражает собой идеализацию, а не констатацию эмпирического опыта.

Проведенный в разделе 2.3.1. анализ опытных данных, показывающих возможность сохранения информации при блокаде ее доступа в осознание, дал основания предположить, что время хранения информации в памяти определяет лишь степень доступности информационного материала для осознания в конкретный момент текущего настоящего. Другим существенным фактором, влияющим на осознание, является значимость информации. Таким образом, разрешающая способность осознания в отношении событий прошлого регулируется временем интервала удержания и величиной глубины слефообразования памяти. Экспериментальная проверка этого предположения дала положительный результат. Отсюда следует вывод: память как идеализированное явление сохраняет всю запомненную ранее информацию.

Сформулируем теперь итоговое положение, относящееся к идеализированному рассмотрению устройства психического аппарата человека: человек как носитель сознания в текущий момент времени осознает лишь часть той информации, которую понимает, и хранит в памяти несравненно больше информации, чем способен вспомнить или узнать.

Полученные экспериментальные результаты дают основания утверждать, что в каждый момент времени сознание располагает избыточным количеством вариантов понимания значения стимульного воздействия. Особенно наглядно это наблюдается в экспериментах, проверяющих влияние действия осознанных и не осознанных праймов на восприятие двойственной фигуры. Эти эксперименты показывают, что до момента осознания одного из изображений двойственной фигуры («лица-ваза») потенциально существуют два варианта интерпретации стимульного воздействия, но в осознании всегда

выбирается какой-то один. Сам выбор определяется действием предваряющей стимуляции. Однако в данном случае важным представляется не то, чем обусловлен выбор (обсуждению этой проблемы фактически посвящена Глава 2), а идея о том, что осознание в ситуации восприятия многозначных и неопределенных стимулов возможно только при условии выбора из уже имеющихся в распоряжении сознания, но неосознаваемых образцов понимания внешнего воздействия. Исследование прайминг-эффектов при восприятии многозначных изображений является наглядной демонстрацией того, что эффект осознания возникает как завершение неосознаваемого процесса поиска интерпретации внешнего воздействия.

В силу указанных соображений, сознание оправданно рассматривать как множественное понимание, а осознание – как следствие когнитивного выбора из множества вариантов понимания того, который затем маркируется чувством субъективной очевидности происходящего. Другими словами, каждому явлению действительности сознание одновременно приписывает множество смыслов. Механизм принятия решения осуществляет выбор единственного смысла. Выбор зависит от силы влияния как ранее осознанной, так и ранее не осознанной информации. Кроме того, на осознание существенное влияние оказывает актуальная иррелевантная информация, даже в том случае, если она не осознается. Описание видов влияния на принятие решения об осознании представляет собой попытку ответить на вопрос о том, *как* в процессе когнитивной деятельности подготавливается осознание. Это вопрос о микрогенезе осознания. Но не менее важным вопросом является вопрос о том, *зачем* осознавать, ведь сознание способно неосознанно воспринимать информацию и неосознанно приписывать смысл этой воспринятой информации, о чем свидетельствуют ранее описанные экспериментальные факты. Ответ на вопрос «Зачем осознавать?» в наибольшей степени проясняет роль осознания в когнитивной активности сознания. Предлагаемый взгляд на осознание как неизбежное

следствие необходимости выбора из конкурирующих вариантов неосознаваемого понимания не только видится перспективным и эвристичным в плане объяснения неосознаваемой деятельности сознания, но, что важно, согласуется со многими экспериментальными данными, накопленными в психологии познания.

Рассмотрение феномена осознания как неизбежного следствия выбора конкурирующих неосознаваемых вариантов понимания, предполагает вывод о том, что сознание не просто семантизирует всю воспринимаемую информацию, о чем говорилось ранее, но, вместе с тем, приписывает множество смыслов каждой информационной единице. В свою очередь, предлагаемая интерпретация осознания требует анализа того, как участвует память в установлении того смысла, который впоследствии становится содержанием осознанного понимания. Есть основания предполагать, что до момента осознания за каждым из возможных вариантов понимания стоит множество мнемических контекстов, в рамках которых одно и то же понимание получает различные смысловые акценты. Для прояснения этого положения можно привести такой нарочито примитивный пример. При восприятии слова «наполеон» возможны разнообразные интерпретации. «Наполеон» в значении «император Франции», в значении «коньяк», в значении «торт», «слово из восьми букв», «собственное имя», «название книги», «человек маленького роста», «человек, стремящийся к власти» и т.д. Выбор одного из вариантов понимания, например, в значении «коньяк», в свою очередь, зависит от того контекста памяти, который определяет смысловой оттенок выбранного варианта понимания. Слово «наполеон» в значении «коньяк» может быть осознано как «алкоголь», как «крепкий напиток», как «дорогой напиток», как «подарок» и т.д. Иначе говоря, множественно не только понимание, предваряющее акт осознания, но и каждый вариант понимания предусматривает избыточное множество мнемических контекстов. Тем самым, осознанию предшествует неосознаваемый выбор как одного

из множества неосознаваемых вариантов понимания, так и одного из множества контекстов бессознательного, в рамках которых выбранное понимание получает свою смысловую определенность.

Ответы на вопросы «Как происходит осознание?» и «Зачем осознавать, если существует возможность неосознаваемого понимания?» не проясняют проблему «непосредственной данности» осознанных переживаний. Почему осознанные переживания сопровождаются чувством субъективной очевидности? Почему, когда мы что-то осознаем, мы знаем об этом, знаем непосредственно в сам момент осознания? Что в функциональной структуре сознания обеспечивает понимание нашего понимания, в каких бы формах – образных, понятийных – последнее ни выразилось? Проблема субъективной очевидности может быть сформулирована в виде вопроса: «Почему возникает феномен осознания?»

Вспомним: механизм принятия решения об осознании лишь подготавливает решение. Осознание – не является прямым следствием работы этого механизма. Анализ экспериментальных фактов, описанных ранее, показал, что этот же механизм ответственен и за эффекты неосознавания, которые могут быть вызваны влиянием на процесс принятия решения не только ранее не осознанной информации, примером чего является эффект последствия неосознаваемого выбора, но и ранее осознанной информации (см. эксперименты, описанные в разделах 3.5. и 3.7.). Механизм принятия решения лишь осуществляет выбор одного вариантов понимания, но этот выбор реализует уже другое когнитивное устройство – рефлексивный механизм. И независимо от специфики познавательного контура (восприятие, представление или мышление), любое неосознанно принятое решение об осознании подлежит осознанию. Осознанные переживания, по всей видимости, непосредственно связаны с вербализацией: то, что осознанно, тем или иным способом может быть выражено в знаковой форме. Несколько в другой терминологии, об этом же говорит Д.А. Леонтьев: «Существенный

момент – вербализация смысла, то есть воплощение смысла в значениях. Это переводит смысл на новый уровень функционирования: смысл получает ... семантическую определенность, становится феноменом ясно осознаваемым» [Леонтьев, 1997, с. 13].

В тех случаях, когда сознанием принимается решение о неосознавании, рефлексивный механизм не включается в работу, поскольку именно он ответственен за «чувство осознанности». Положение о рефлексивном механизме сознания помогает в какой-то степени объяснить субъективную очевидность осознанных переживаний. Таким образом, сознание, выдвигая гипотезы о внешнем мире и проверяя их в своих «экспериментальных (психомоторных) исследованиях», оценивает полученные результаты в рефлексивных процедурах понимания. Другими словами, сознание осознает только свои неосознанно принятые решения.

Возможная модель неосознаваемой когнитивной деятельности, в ходе которой подготавливается осознание, должна включать в себя четыре этапа.

1. *Обнаружение* всей поступающей информации как релевантного, так и нерелевантного свойства. Это исходный этап построения когнитивного процесса. Стоит заметить, что обнаружение может пониматься здесь и как этап познавательной активности, и как соответствующий неосознаваемый когнитивный механизм, но не как эффект выделения сигнала из шума без дифференциации сигнальных характеристик, что, в терминах Н.Н. Ланге означает факт «восприятия нечто» [Ланге, 1894]).

2. *Сличение* информации со следами, эталонами памяти. На этой стадии происходит семантизация всей информации: множеству информационных единиц приписывается множество смыслов. Таким образом, в результате работы механизма сличения возникает избыточное множество вариантов понимания стимульных воздействий. Механизм сличения работает не только с релевантной, но и с нерелевантной информацией.

3. *Принятие решения об осознании/неосознавании* является следующим этапом, подготавливающим осознание. Механизм принятия решения работает только с релевантной информацией, хотя на сам процесс принятия решения об осознании или неосознавании релевантной информации оказывает влияние и нерелевантная информация. На этом этапе, под воздействием различных факторов осуществляется или выбор одного из вариантов понимания, подлежащего в дальнейшем осознанию, или принимается решение не осознавать воспринятую информацию. Заметим, что для того чтобы не осознавать, необходимо не только обнаружение этой информации, но и неосознанное понимание этой информации как той, что не следует осознавать, а это предполагает включение прошлого опыта в актуальный познавательный процесс, что сопряжено с работой механизма сличения. Результатом работы механизма принятия решения является преодоление потенциальной избыточности понимания.

4. *Исполнение решения.* На этой стадии включается в работу рефлексивный механизм сознания, если предварительно принято решение об осознании. Исполнение решения порождает осознанное переживание с характерным для него чувством субъективной очевидности происходящего.

Данное описание этапов построения когнитивного процесса, осуществляемого сознанием, требует своей детальной теоретической проработки и дополнительной проверки на соответствие эмпирическим данным.

Итак, резюмируем:

1. Принципы научности, которым должно отвечать исследование сознания, определяются при выборе определенного *жанра исследования*. Сознание как предмет психологического исследования может изучаться естественнонаучным способом, и в этом случае теоретической реконструкции подлежит логика работы сознания, приводящая к осознаваемым переживаниям. Сознание может изучаться и в гумани-

тарном ключе. Тогда предметом анализа и интерпретации будет являться происхождение сознания и осознанный опыт субъекта. В эмпирическом исследовании может ставиться задача систематизации проявлений сознания или описания его структуры.

2. Феномен осознания является центральной проблемой психологии сознания.

3. *Осознание* является конечным результатом деятельности сознания, поэтому отождествление сознания и осознания является неправомерным. При этом сама когнитивная деятельность сознания (работа сознания), сознанием не осознается.

4. Необходимым этапом когнитивного процесса является принятие решения об осознании/неосознавании.

5. *Механизм принятия решения* об осознании осуществляет актуальный выбор одного из множества неосознаваемых вариантов понимания действительности. Сделанный выбор реализуется другим функциональным устройством сознания – *рефлексивным механизмом*.

6. Структура описания основных видов неосознаваемого влияния на принятие решения об осознании/неосознавании включает в себя:

- влияние на эффекты осознания ранее осознанной информации;
- влияние на эффекты осознания ранее не осознанной информации;
- влияние на эффекты осознания неосознаваемой иррелевантной информации;
- влияние на эффекты осознания актуально осознаваемой (частично осознаваемой) иррелевантной информации;
- влияние на неосознавание ранее осознанной информации;
- влияние на неосознание ранее не осознанной информации.

7. Структуру *бессознательного* как памяти в аспекте сохранения информации образуют три мнемические зоны. *Первая мнемическая*

ческая зона является надпороговой зоной воспоминания. Для осознания – это зона открытого доступа. *Вторая мнемическая зона* это пороговая зона воспоминания. Для осознания – это зона ограниченного доступа. *Третья мнемическая зона* является для осознания зоной закрытого доступа.

8. Независимо от значимости ранее запомненной информации, с увеличением времени интервала удержания уменьшается вероятность ее воспроизведения, но доля значимой информации при этом возрастает. Следовательно, эффективность воспроизведения (осознания) зависит от совместного действия двух факторов: *времени интервала удержания и значимости ранее запомненной информации.*

9. Человек как носитель сознания в текущий момент времени воспринимает и понимает много больше, чем способен осознать и хранит в памяти несравненно больше информации, чем способен вспомнить или узнать.

10. Результаты экспериментальных исследований деятельности сознания при решении когнитивных задач показали следующее.

- Осознание неопределенного стимула определяется семантикой предваряющей стимуляции. Эффекты осознания в большей степени обусловлены ранее осознанной информацией по сравнению с ранее не осознанной: воздействие ранее осознанных слов более выражено по сравнению с влиянием ранее не осознанных слов.

- На результативность выполнения задачи «лексического решения» и, следовательно, на сам факт принятия решения об осознании, существенное влияние оказывает характер предваряющей не осознанной стимуляции. Оpozнание слова происходит с наибольшей результативностью, если предваряющим неосознанным стимулом служит слово, связанное по смыслу с опознаваемым. Результативность опознания уменьшается в случае, когда бессмысленный стимул предваряет тестовый и снижается еще больше, если ему предшествует числовой ряд. Оpozнание бессмысленного набора букв происходит с наибольшей результативностью, если в качестве

предваряющего стимула также выступает бессмысленный набор букв. В том случае, когда предваряющим стимулом является слово, опознание бессмысленного набора букв происходит с максимальным количеством ошибок даже по сравнению с той ситуацией, когда предваряющим стимулом является числовой ряд.

- Эффект интерференции является следствием вынужденного осознания иррелевантной информации. Чем лучше удастся не осознавать действие дистрактора, тем менее выражен интерференционный эффект. В том случае, когда осознание иррелевантной информации оказывается неизбежным, интерференционное влияние становится максимальным.

- На результативность обработки релевантной информации негативно влияет семантика актуальной иррелевантной информации.

- Эффект перцептивной защиты может выражаться в увеличении латентного периода времени ассоциативной реакции. Фактор смысловой неопределенности в работе сознания является более важным, чем «табу» в культуре, отрицательный эмоциональный заряд или частотность слов. С семантически неопределенными стимулами сознание работает дольше.

- Забывание является результатом неосознанно принятого решения о неосознавании. Факты забывания могут быть вызваны неосознаваемым влиянием ранее осознанного опыта.

- В ситуации гипнотического запрета результаты когнитивной активности обусловлены неосознанно принятым сознанием решением о неосознавании исходя из ранее осознанного опыта. Неосознавание в гипнотическом состоянии имеет тенденцию к повторению, то есть ранее не осознанный стимул обладает эффектом последствия: при повторных предъявлениях он устойчиво не осознается.

Читатели и листатели книги могут связаться с автором по адресу:

agafonov@ssu.samara.ru

Литература

1. Абакумова И.В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе. (Психолого-дидактический подход). Ростов-на-Дону, 2003.
2. Августин А. Исповедь // Психология памяти: Хрестоматия / Под ред. Гиппенрейтер Ю.Б., Романова В.Я. М., 1998.
3. Агафонов А.Ю. Забывание как неосознаваемое решение сознания о невоспроизведении // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / Под ред. В.М. Аллахвердова. Спб., 2006.
4. Агафонов А.Ю. Закон тотальной сохранности мнемических следов: опыт эмпирического обобщения // Вестник Самарского государственного университета. 2002. № 3 (25).
5. Агафонов А.Ю. К вопросу о модели функционирования памяти в познавательной деятельности // Интеграция науки в высшей школе: Материалы научной международной конференции. В 2-х частях. Часть 1. Самара, 2001.
6. Агафонов А.Ю. Новый взгляд на проблему рефлексии // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2002.
7. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. Спб., 2003.
8. Агафонов А.Ю. Память в отношении к психическому времени // Журнал прикладной психологии. М., 2004. № 3.
9. Агафонов А.Ю. Память, картина мира и когнитивный смысл общения // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». Самара, 2004.

10. Агафонов А.Ю. Понимание и память: сознание и бессознательное // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2004. №1 (31).
11. Агафонов А.Ю. Психология образных явлений. Самара, 2003.
12. Агафонов А.Ю. Сенсорика. Перцепция. Представление. Самара, 2002.
13. Агафонов А.Ю. Смысл как единица анализа психического // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 1998. № 3 (9).
14. Агафонов А.Ю. Сознание и осознание // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2003.
15. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Самара, 2000.
16. Агафонов А.Ю. Человек парадоксальный: штрихи к портрету // Вестник Университета РАО. М., 2000. № 1 (9).
17. Акопов Г.В. Проблема сознания в зарубежной психологии: последняя четверть XX века // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2003.
18. Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара, 2002.
19. Акопов Г.В. Сознание и его определения в психологии // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2002.
20. Аксенов Г.П. Причина времени. М., 2001.
21. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

22. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., 1993.
23. Аллахвердов В.М. Осознание как открытие. (В печати).
24. Аллахвердов В.М. Сознание и познавательные процессы // Психология / Под ред. А.А. Крылова. М., 1998.
25. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психология. Т.1). СПб., 2000.
26. Аллахвердов В.М., Осипов Л.Е. Струп-феномен: Новый взгляд на природу перцептивной интерференции // Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы: Тезисы научных сообщений к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. Ч. I. М., 1983.
27. Аллахвердов В.М. и др. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб., 2006.
28. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. В 2-х томах. Т.1. М., 1980.
29. Ананьев Б.Г. Теория ощущений. Л., 1961.
30. Андерсон Дж. Р. Когнитивная психология. СПб., 2002
31. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998.
32. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б. Ханиной. М., 1999.
33. Артемьева Е.Ю. Семантические измерения как модели // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. 1991. № 1.
34. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002.
35. Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. М., 1980.
36. Бассин Ф. В. Сознание и «бессознательное» // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963.

37. Бассин Ф.В. К развитию проблемы значения и смысла // Вопросы психологии. 1973. № 6.
38. Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. М., 1968.
39. Бассин Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е. Основные критерии рассмотрения бессознательного в качестве своеобразной формы психической деятельности // Бессознательное. Тбилиси, 1978. Т.1.
40. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000.
41. Белобородов А.Г. Смысловые конструкты как смысловые образования сознания и их роль в субъективном отражении действительности // Ученые записки кафедры психологии СМУ. 2001. № 1.
42. Бергсон А. Две памяти // Психология памяти/ Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1998.
43. Бергсон А. Длительность и одновременность. Пг., 1923.
44. Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947.
45. Бетелева Т.Г. Возрастные особенности произвольного восприятия зрительных стимулов // Физиология человека. Т 22, 1996. № 5.
46. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
47. Боринг Э.Г. История интроспекции // История психологии: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. Екатеринбург, 1999.
48. Бородай Ю.М. Эротика–смерть–табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996.
49. Brentano Ф. Избранные работы. М., 1996.
50. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
51. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 1999.

52. Быстрицкий Е.К. Понимание и практическое сознание // Загадка человеческого понимания / Под общей ред. А.А. Яковлева. М., 1991.
53. Бэн А. Психология. М., 1902.
54. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М., 1980.
55. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.
56. Вейн А.М., Каменецкая Б.И. Память человека. М., 1973.
57. Веккер Л.М. Мир психической реальности: структура, процессы и механизмы. М., 2000.
58. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
59. Веккер Л.М. Психические процессы. Т.1. Л., 1974.
60. Веккер Л.М. Психические процессы. Т.2. Л., 1976.
61. Величковский Б.М. Память: может быть все-таки одна? // Вопросы психологии. 1976. № 4.
62. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М., 1982.
63. Величковский Б.М., Зинченко В.П. Методологические проблемы современной когнитивной психологии // Вопросы философии. 1979. № 7.
64. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987.
65. Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983.
66. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Ч.1. М., 1994.
67. Волков Н.Н. Восприятие предмета и рисунка. М., 1950.
68. Вундт В. Введение в психологию. М., 1912а.
69. Вундт В. Введение в психологию. СПб., 2002.
70. Вундт В. Очерки психологии. М., 1912б.

71. Выготский Л.С. Мышление и речь // Общая психология. Тексты. Раздел III. «Субъект познания». Вып. 1 / Под общ. ред. В.В. Петухова. М., 1997.
72. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996а.
73. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1996б.
74. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
75. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.
76. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
77. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.
78. Ганзен В.А. Восприятие целостных объектов. Л., 1974.
79. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.
80. Гельмгольц Г. О восприятиях вообще // Общая психология. Тексты. Вып. II. Основные теоретические подходы к изучению познания. Часть 1 / Под ред. В.В. Петухова. М., 1997.
81. Гельмгольц Г. О зрении. СПб., 1896.
82. Гельмгольц Г. Факты в восприятии. Речь, читанная в день основания Берлинского Университета 3 авг. 1878 г. СПб., 1880.
83. Гемпель К. Логика объяснения. М., 1998.
84. Гербарт И.Ф. О возможности и необходимости применять в психологии математику // Психология. СПб., 1895а.
85. Гербарт И.Ф. Учебник психологии // Психология. СПб., 1895б.
86. Глейтман Г. и др. Основы психологии / Под ред. Большакова В.Ю., Дружинина В.Н. СПб., 2001.
87. Годфруа Ж. Что такое психология? Т. II. М., 1996.
88. Голенков С.И. Культура, смысл, сознание. Самара, 1996.
89. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.
90. Грановская Р.М. Восприятие и модели памяти. Л., 1974.
91. Грегори Р.Л. Разумный глаз. М., 1972.

92. Громова Е.А. Память и ее резервы. М., 1983.
93. Гроф С., Ласло Э., Рассел П. Революция сознания. М., 2004.
94. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект. М., 1996.
95. Дельгадо Х. Мозг и сознание. М., 1971.
96. Деннет Д.С. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004.
97. Дернер Д. Логика неудачи. М., 1997.
98. Джемс У. Психология. М., 1991.
99. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1995.
100. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1999.
101. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я., Шилко Р.С. Взаимодействие внимания и кратковременного запоминания: новая методика исследования (сообщение 1) // Психологический журнал. Т.24. 2003. № 3.
102. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защиты. М., 2000.
103. Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. М., 1980.
104. Дункер К. Психология продуктивного мышления // Психология мышления. М., 1965.
105. Железко П.С., Роговин М.С. Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности. Кишинев, 1985.
106. Жюль К.К. Проблема понимания как предмет гносеологического и семантического анализов // Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982.
107. Забродин Ю.М., Лебедев А.Н. Психофизиология и психофизика. М., 1977.
108. Залевская А.А. Понимание текста: Психолингвистический подход. Калинин, 1988.
109. Зейгарник Б.Ф. Патопсихология. М., 2000.

110. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
111. Зинц Р. Обучение и память. Минск, 1984.
112. Зинченко В. П. Психологическая педагогика. Часть 1. Живое знание. Самара, 1998.
113. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2.
114. Зинченко В.П. Образ и деятельность. М. – Воронеж, 1997.
115. Зинченко В.П. Послесловие к кн.: Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания. М., 1995.
116. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Часть 1. Живое знание. Самара, 1998.
117. Зинченко В.П., Величковский Б.М., Вучетич Г.Г. Функциональная структура зрительной памяти. М., 1980.
118. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание и деятельность // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1998.
119. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. М., 1961, 1996.
120. Зинченко Т.П. Когнитивная и прикладная психология. М. – Воронеж, 2000.
121. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. М., 1994.
122. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. Т. 21. 2000. № 2.
123. Знаков В.В. Психология понимания и нарративная психология // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Выпуск 1 / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М., 2002.
124. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М., 2005.
125. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб., 1999.

126. Знаков В.В. Самопознание и самопонимание как проблемы психологии человеческого бытия // Психология субъекта профессиональной деятельности. М. – Ярославль, 2001.

127. Зоткин Н.В. Смыслополагание в ситуациях неопределенности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.

128. Иванова Н.А. Удивительные приключения устойчивых ошибок в процессе научения // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В.М. Аллахвердов и др. СПб., 2006.

129. Измайлов Ч. А., Шехтер Е. Д., Зимачев М. М. Сознание и его отношение к мозговым информационным процессам // Вестник МГУ. Серия 14. 2001. № 1.

130. Ительсон Л.Б. Лекции по общей психологии. Минск – М., 2000.

131. Кант И. Критика чистого разума. Минск, 1998.

132. Каптеленин В.Н. Экспериментальные исследования зрительного восприятия слов // Вопросы психологии. 1983. № 1.

133. Карпинская В.Ю. Роль сознания в принятии решения об осознании стимула как самостоятельный этап в процессе обнаружения // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / Под ред. В.М. Аллахвердова. СПб., 2006.

134. Квасовец С.В., Иванов А.В. Подпороговое восприятие вербальных стимулов // Психологический журнал. Т. 22, 2001. №5.

135. Квеселевич Д. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003.

136. Клацки Р. Память человека. М., 1978.

137. Кляйнпетер Г. Теория познания. СПб., 1910.

138. Когнитивная психология / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М., 2002.

139. Корсаков С.С. Медико-психологическое исследование одной формы болезни памяти // Психология памяти. Хрестоматия / Под ред. Гиппенрейтер Ю.Б., Романова В.Я. М., 1998.
140. Костандов Э.А. Восприятие и эмоции. М., 1977.
141. Костандов Э.А. О физиологических механизмах «психологической защиты» и безотчетных эмоций // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т.1. Тбилисси, 1978.
142. Костандов Э.А. Функциональная асимметрия полушарий мозга и неосознаваемое восприятие. М., 1983.
143. Коффка К. Восприятие: введение в гештальтпсихологию // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтор, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской. М., 1999.
144. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону, 1998.
145. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
146. Кюльпе О. Введение в философию. СПб., 1908.
147. Ланге Н.Н. Закон перцепции. Одесса, 1894.
148. Ланге Н.Н. Психический мир. М. – Воронеж, 1996.
149. Лапин И.П. Терапия и плацебо. М., 2000.
150. Лебедев В.И. «Тайны» психики без тайн. О «таинственных» явлениях человеческой психики. М., 1977.
151. Левин К. Закон и эксперимент в психологии // Психологический журнал. Т.22. 2001. № 2, 3.
152. Левин К. Определение понятия «поля в данный момент» // История психологии: Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. Екатеринбург, 1999.
153. Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Сочинения: В 4-х томах. Т.1. М., 1982.
154. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Сочинения: В 4-х томах. Т.2. М., 1983.

155. Лейбниц Г.В. Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией // Собрание сочинений: В 4-х томах. Т.3. М., 1984.
156. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 1997.
157. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
158. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность// Избранные психологические произведения: В 2-х томах. Т.2. М., 1983.
159. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
160. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.
161. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
162. Леонтьев А.Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психических функций. М., 1931.
163. Леонтьев Д.А. Динамика смысловых процессов // Психологический журнал. 1997. № 6.
164. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
165. Лефевр В. Конфликтующие структуры. М., 1978.
166. Либин А.В. Дифференциальная психология: на пересечении европейской, российской и американской традиций. М., 1999.
167. Лиепинь Э.К. Категориальные ориентации познания. Рига, 1986.
168. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М., 1971.
169. Лихи Т. История современной психологии. СПб., 2003.
170. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
171. Ломов Б.Ф. Сознание, мозг и внешний мир // Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. М., 1981.
172. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти // Романтические эссе. М., 1996.
173. Лурия А.Р. Психология памяти. М., 1970.

174. Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. М., 1998.
175. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
176. Мадди С. Теории личности. Сравнительный анализ. СПб., 2002.
177. Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990, №3.
178. Марбах Э. Затруднения гетерофеноменологии // Феноменологическая концепция сознания: проблемы и альтернативы: Сборник статей / Отв. ред. В.И. Молчанов. М., 1998.
179. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 1972.
180. Менчинская Н.А. Понимание // Психология / Под ред. А.А. Смирнова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова. М., 1962.
181. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания реальности. М., 1997.
182. Миллер Д. Магическое число семь, плюс или минус два // Инженерная психология. М., 1964.
183. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1964.
184. Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004.
185. Молчанов В.И. Субъективность и разум: Гуссерль, Гегель, Кант // Феноменологическая концепция сознания: проблемы и альтернативы: Сборник статей / Отв. ред. В.И. Молчанов. М., 1998.
186. Морошкина Н.В. Сознательный контроль в задачах научения, или как научиться не осознавать очевидное // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В.М. Аллахвердов и др. СПб., 2006.

187. Мясичев В.Н. Сознание как единство отражения действительности и отношений к ней человека // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966.
188. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
189. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1979.
190. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М., 1989.
191. Науменко О.В. Неосознанное решение сложных когнитивных задач // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / Под ред. В.М. Аллахвердова. СПб., 2006.
192. Норман Д. Память и научение. М., 1985.
193. Панов В.И. О предмете психологии экологического сознания // Прикладная психология. 2000. № 6.
194. Панов В.И. Психические состояния с точки зрения экопсихологического подхода // Прикладная психология. 2002. № 3.
195. Патнэм Х. Введение к книге «Реализм и разум» // Современная философия науки. М., 1994.
196. Патнэм Х. Философия сознания. М., 1998.
197. Петренко В.Ф. Личность человека – основа его картины мира // Модели мира / Под ред. Д.А. Поспелова. М., 1997.
198. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
199. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
200. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону, 1996а.
201. Петровский В.А. Метаимплицативная модель экзистенциального выбора // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». Самара, 2002.
202. Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Вестник СамГУ. 1996б. № 1.

203. Петровский В.А. Принцип отражения субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4.
204. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
205. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб., 2003.
206. Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2004.
207. Пирьев Г.Д. Понимание и гипотеза в процессе решения технической задачи // Вопросы психологии. 1975. № 1.
208. Пономарев Я.А. Закон в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.
209. Попович М.В. Связь понимания и доказательства как проблема философии науки // Доказательство и понимание. Киев, 1986.
210. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2004.
211. Поттер М. К. О перцептивном узнавании // Исследование развития познавательной деятельности / Под ред. Дж. Брунера, Р. Олвер, П. Гринфилд. М., 1971.
212. Прист С. Теории сознания. М., 2000.
213. Прохоров А.О. Значение и смысл как осознаваемый базис психического состояния // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Поволжье». Самара, 2004.
214. Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О.К. Тихомирова. М., 1975.
215. Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (совместно с М.К. Мамардашвили) // Избранные труды. М., 1996.
216. Райков В.Л. Биоэволюция и совершенствование человека. Гипноз, сознание, творчество, искусство. М., 1998.
217. Райков В.Л. Вселенная в человеке. М., 2000.
218. Райков В.Л. Искусство, сознание, эволюция. М., 2004.

219. Райков В.Л. Понимание психотерапии в новой теории сознания. М., 2001.
220. Райков В.Л. Сознание. М., 2000.
221. Райков В.Л. Эволюционный рационализм (искусство, сознание, психотерапия). М., 2003.
222. Райл Г. Понятие сознания. М., 2000.
223. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. Киев, 1997.
224. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
225. Рейтман У. Познание и мышление: моделирование на уровне информационных процессов. М., 1968.
226. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
227. Розин В.М. Исследование мышления в работе Л.С. Выготского «Мышление и речь» // Психологический журнал. 1997. № 5.
228. Розов М.А. Наука как традиция // Философия науки и техники / Под ред. Степина В.С., Горохова В.Г., Розова М.А. М., 1996.
229. Рок И. Введение в зрительное восприятие: Книга 1 / Под ред. Б.М. Величковского, В.П. Зинченко. М., 1980.
230. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М., 1999.
231. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2-х т. Т.2. М., 1989.
232. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
233. Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. М., 1985.
234. Сергиенко Н.Л. Сознание и культура: анализ смысловой организации. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. 2002.
235. Серл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002.

236. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2004.
237. Симмел М.Л. Фантомная конечность (резюме) // Хрестоматия по общей психологии. Вып. III. Субъект познания. Отв. ред. В.В. Петухов. М., 1997.
238. Скотт П. Психология оценки и принятия решения. М., 1998.
239. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1998.
240. Смирнов А.А. Психология запоминания. М., 1948.
241. Смирнов И. В., Безносюк Е. В., Журавлев А. Н. Психотехнологии: Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. М., 1995.
242. Смит Р. Психология личности как альтернатива естественнонаучной психологии // Человек. 2000. №3.
243. Соколов Е.Н. Механизмы памяти. М., 1969.
244. Соколова Е.Т. К теоретическому обоснованию проективного метода исследования личности // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т 3. Тбилиси, 1978.
245. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996.
246. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972.
247. Спиркин А.Г. Происхождение сознания. М., 1960.
248. Тарт Ч. Состояния сознания // Тайны сознания и бессознательного / Сост. К.В. Сельченко. Минск, 1998.
249. Титченер Э. Учебник психологии. М., 1914.
250. Узнадзе Д. Психология установки. СПб., 2001.
251. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
252. Уотсон Дж. Б. Психология как наука о поведении // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. М., 1998.

253. Фаликман М.В. Динамика внимания в условиях быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов. Диссертация ... кандидата психологических наук. М., 2001.

254. Фейгенберг И.М. Видеть—предвидеть—действовать. М., 1986.

255. Феноменологическая концепция сознания: проблемы и альтернативы. Сборник статей / Отв. ред. В.И. Молчанов. М., 1998.

256. Филиппова М.Г. Исследование неосознаваемого восприятия (на материале многозначных изображений) // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / Под ред. В.М. Аллахвердова. СПб., 2006.

257. Флорес Ц. Память // Психология памяти. Хрестоматия / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М., 1998.

258. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности: Тексты. М., 1982.

259. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.

260. Фромм Э. Человек для себя // Бегство от свободы. Человек для себя. Минск, 1998.

261. Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971.

262. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: В 8 томах. Т.1. М., 1900.

263. Хофман И. Активная память. М., 1986.

264. Худяков А.И. Психофизика обобщенного образа. Дис. ... док. психол. наук. СПб., 2001.

265. Челпанов Г.И. Об априорных элементах сознания // Вопросы философии и психологии. Кн. 56–60. 1901.

266. Черняк В.С. О смысле понимания и понимании смысла // Вопросы философии. 1986. № 8.

267. Чеснокова А.Г. Осознание как центральная проблема психологии в концепциях Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна // Вестник МГУ. Сер.14: Психология. 2003. № 4.

268. Чуприкова Н.И. Мозг, психика, сознание // Мир психологии. 1999. №1.
269. Шеварев П.А. Проблемы константности цветов. Исследования по психологии восприятия. М., Л., 1948.
270. Шеврин Г.И. Нейрофизиологические корреляты психодинамических неосознаваемых процессов // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т1. Тбилиси, 1978.
271. Шерозия А.Е. Психика. Сознание. Бессознательное: К обобщенной теории психологии. Тбилиси, 1979.
272. Шехтер М. С. Психологические проблемы узнавания. М., 1967.
273. Шкопоров Н.Б. Несколько забытых вопросов в изучении сознания. Самара, 2003а.
274. Шкопоров Н.Б. Психология сознания. Самара, 2003б.
275. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. СПб., 1922.
276. Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб., 1998.
277. Эббингауз Г. Смена душевных образований // Психология памяти: Хрестоматия. Под ред. Гиппенрейтер Ю.Б. и Романова В.Я. М., 1998.
278. Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресс и Ж. Пиаже. Выпуск 6. М., 1978.
279. Эриксон М. Стратегия психотерапии. СПб, 1999.
280. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. Киев, 1995.
281. Яковлев А.А. Что является объектом понимания? // Загадка человеческого понимания. М., 1991.
282. Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.
283. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. М., 1996.
284. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. М. – Воронеж, 1996.

285. Agafonov A.I. Ideals of Rational Knowledge, Modern Russian Psychology, and the Phenomenon of Consciousness // Journal of Russian and East European Psychology. N.Y., № 6. Vol.41, 2003.

286. Allport A. What concept of consciousness? In *Consciousness in Contemporary Science.* / Ed. A. Marcel, E. Bisiach. Oxford University Press, 1988.

287. Anderson J.R., Bower G.H. *Human associative memory.* Washington, 1973.

288. Armstrong D. What is consciousness? In *The Nature of Mind.* Ithaca: Cornell University Press, 1980.

289. Baars B.J. *A Cognitive Theory of Consciousness.* Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

290. Baars B.J. A thoroughly empirical approach to consciousness: contrastive analysis. In *Consciousness in Science and Philosophy.* / Ed. N. Block, O. Flanagan and G. Guzeldere. MIT Press, 1996.

291. Baars B.J. A thoroughly empirical approach to consciousness: Psyche // *International Journal of Consciousness Research.* 1994. № 1 (2).

292. Baars B.J. *In the Theater of Consciousness: The Workspace of the Mind.* N.Y.: Oxford UP, 1997.

293. Baars B.J., McGovern K.A. Consciousness. In *Encyclopedia of Behavior.* / Ed. V.S. Ramachandran. N.Y.: Academic Press, 1994.

294. Baddeley A.D. *The psychology of memory.* N.Y., 1976.

295. Baddeley A.D. The trouble with levels // *Psychologic Revolution,* 1978. Vol.85.

296. Baddeley A.D., Hitch G. Working memory. // *The psychology of learning and motivation.* / Ed. G. Bower. N.Y., 1974. Vol.8.

297. Blackmore S. State of the art: Consciousness // *Psychologist.* 2001. № 10.

298. Block N. On a confusion about the function of consciousness // *Behavioral and Brain Sciences.* 1995. № 1 (2).

299. Block N., Flanagan O., Guzeldere G (ed.) *The Nature of Consciousness.* Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1997.

300. Broadbent D.E. Perception and communication. London, 1958.
301. Bugelski B.R. Words and things and images // Am. Psychol. 1970. Vol.25.
302. Chahman R.C., Nakamura Y. A passion for the soul: An introduction no pain for consciousness researchers // Consciousness and Cognition. 1999. № 8.
303. Chalmers D.J. Moving forward on the problem of consciousness // JCS. 1997. № 4(1).
304. Chalmers D.J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford and New York. Oxford: Oxford University Press, 1996.
305. Chua F.K., Goh J., Kek G. (1996) Priming within the «attention blink» in an RSVP task. Perception 1996: 19 ECVF abstracts / Available at: <http://perceptionweb.com>
306. Churchland P.M. Matter and Consciousness. Cambridge, MA: Bradford / MIT Press, 1984.
307. Clark H., Clark E. Psychology and language: An introduction to psycholinguistics. N.Y., 1977.
308. Clark T.W. Function and Phenomenology: closing the explanatory gap // JCS. 1995. № 2(3).
309. Craik F.I.M. Levels of processing. // Levels of processing in human memory / Ed. L.C. Cermak, F.I.M. Craik. Hillsdale, 1979.
310. Craik F.I.M., Lockhart R. Levels of processing: A framework for memory research // J. Verb. Learn. Verb. Behav. 1972. Vol.11.
311. Craik F.I.M., Tulving E. Depth of processing and the retention of words in episodic memory // J. Exp. Psychol.: Gen., 1975. Vol.104.
312. Damasio A.R. The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. N.Y.: Harcourt Brace, 1999.
313. Dascal M. Pragmatics and the philosophy of mind. Amsterdam etc., 1983. Vol.1.

314. Davies M., Humphreys G. (ed.) *Consciousness*. Oxford: Blackwell, 1993.
315. Dennett D.C. *Consciousness Explained*. Boston, MA: Little, Brown & Co, 1991.
316. Dennett D.C. *Content and Consciousness*. London: Routledge and Kegan Paul, 1969.
317. Dennett D.C. Facing backwards on the problem of consciousness // *JCS*. 1996. № 1. Vol.6.
318. Dennett D.C. *Kinds of Minds: toward an understanding of consciousness*. N.Y.: Basic Books, 1996.
319. Dennett D.C. Toward a cognitive theory of consciousness. In *Brainstorms*. Cambridge: MIT Press, 1978.
320. Deutsch D. The organization of short-term memory for a single acoustic attribute / Deutsch D., Deutsch J.A. (ed.) *Short-term memory*. N.Y., 1975.
321. Davies M., Humphreys G.W. (ed.). *Consciousness*. Oxford: Blackwell, 1993.
322. Dretske F. *Naturalizing the Mind*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1995.
323. Dyer F.N. The Stroop phenomenon and its use in the study of perceptual, cognitive and response processes // *Mem. and Cogn.* 1973. Vol.1.
324. Ehrlich S. Semantic memory: A free-elements system. // C. R. Puff (ed.) *Memory organization and structure*. N.Y., 1979.
325. Eilan N. Consciousness and the Self // J. Bermudez, A. Marsel, N. Eilan (Ed.). *The Body and the Self*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
326. Engen T., Ross B.M. Long-term memory of odors with and without verbal descriptions // *J. Exp. Psychol.* 1973. Vol.100.
327. Evans C.O. *The Subject of Consciousness*. London: George Allen & Unwind Ltd, 1970.

328. Eysenck M. Human memory: Theory, research and individual differences. N.Y., 1977.
329. Farthing G.W. The psychology of consciousness. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice Hall, 1992.
330. Flanagan O. Consciousness Reconsidered. Cambridge, MA: Bradford and London / MIT Press, 1992.
331. Forman R.K.C. Mysticism, Mind, Consciousness. Albany, N.Y.: SUNY Press, 1998.
332. Forman R.K.C. The Problem of Pure Consciousness. Mysticism and Philosophy. N.Y.: Oxford University Press, 1990.
333. Forster P.M., Govier E. Discrimination without awareness? // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1978. № 5. Vol.7.
334. Franks J.J. Toward understanding understanding // Cognition and symbolic processes. New Jersey, 1974.
335. Fraser J.T. The Genesis and Evolution of Tame. Brighton: The Harvester Press, 1982.
336. Freeman A. The science of consciousness: non-locality of mind: Conference Report // JCS. 1994. № 1(2).
337. Glanzer M., Raze1 M. The size of a unit in short-term storage // J. Verb. Learn. Verb. Behav. 1974. Vol.13.
338. Garnham A. Mental models as representations of discourse and text. Chichester, 1987.
339. Gazzaniga M.S. Brain mechanisms and conscious experience. In Experimental and Theoretical Studies of Consciousness: CIBA Foundation Symposium 174. N.Y.: Wiley, 1993.
340. Gazzaniga M.S. Mind matters: how mind and brain interact to create our conscious lives. Boston: Houghton Mifflin, 1988.
341. Gazzaniga M.S. Nature's Mind. N.Y.: Basic Books, 1992.
342. Gernsbacher M. Language comprehension as structure building. Hillsdale, 1990.
343. Gillett G. Consciousness, Intentionality and Internalism // Philosophical Psychology. 1992. № 5.

344. Guzeldere G. Problems of consciousness: a perspective on contemporary issues, current debates // JCS. 1995. № 2.
345. Haber R.N., Hershenson M. The psychology of visual perception. N.Y., 1981.
346. Hameroff S.R., Penrose R. Conscious events as orchestrated space-time selections // JCS. 1996. № 1. Vol.3.
347. Hayakawa S.J. On understanding and being understood // Communication: The art of understanding and being understood. N.Y., 1963.
348. Heidegger M. Being and time. Great Britain, 1983.
349. Herbert N. Elemental Mind: Human Consciousness and the New Physics. N.Y.: Plume Penguin, 1994.
350. Hermann H. To mean to understand. Berlin, 1981.
351. Hitch G.J. Developing the concept of working memory // G. Claxton (ed.) Cognitive psychology. London, 1980.
352. Horst S. Evolutionary explanation and the Hard problem of consciousness // JCS. 1999. № 6(1).
353. Jackendoff R. Consciousness and the Computational Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.
354. James W. The principles of psychology. N.Y., 1904. Vol.2.
355. Jung C.G. Analytical Psychology: its Theory and Practice. London, 1976.
356. Keele S.W., Neill W.T. Mechanisms of attention // Hand book of perception. Carterette E.S., Friedman M.P. (Eds.). 1978. Vol.IX.
357. Kelly G. A brief introduction to personal construct theory // Perspectives in personal construct theory / D. Bannister (ed.). London, N.Y., 1970.
358. Kihlstrom J. The cognitive unconscious. Science, 237. 1987.
359. Kihlstrom J.F. The psychological unconscious // Handbook of personality: Theory and research. Pervin L. (Ed). N.Y., 1999.

360. Kihlstrom J.F., Barnhardt T.M., Tatarzyn D.J. The Psychological Unconscious: Found, Lost, and Regained // *American Psychologist*. 1992. Vol.47. No. 6.

361. Kintsch W., Buschke H. Homophones and synonyms in short-term memory // *J. Exp. Psychol.* 1969. Vol.80.

362. Klix F. On structure and function of semantic memory // F. Klix, J. Hoffmann (eds.). *Cognition and memory*. Amsterdam, 1980.

363. Koffka K. *Principles of Gestalt psychology*. N.Y., 1935.

364. Kohler W. *Gestalt psychology*. N.Y., 1947.

365. Kunst-Wilson W.R., Zajonc R.B. Affective discrimination of stimuli that cannot be recognized. *Science*, 207. 1980.

366. La Berge D. Acquisition of automatic processing in perceptual and associative learning // P.M.A. Rabbitt, S. Dornic (eds.) *Attention and performance*. London, 1975.

367. Lachman R., Lachman J.L., Butterfield E.C. *Cognitive psychology and information processing: An introduction*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. 1979.

368. Lanier J. Death: the skeleton key of consciousness studies? // *JCS*.1997. № 4 (2).

369. Lashley K.S. Experimental analysis of instinctive behavior // *Psychological Review*. 1938.

370. Lawrence D.M., Banks W.P. Accuracy of recognition memory for common sounds // *Bull. Psychon. Soc.* 1973. Vol.1.

371. Lewicki P., Czyzewska M., Hoffman H. Unconscious acquisition of complex procedural knowledge. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 13. 1987.

372. Lewicki P., Hill T. On the Status of Nonconscious Processes in Human Cognition: Comment on Reber // *Journal of Experimental Psychology: General*, 1989. Vol.118.

373. Lewicki P., Hill T. Unconscious processes as explanations of behavior in cognitive, personality, and social psychology. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 13, 1987.

374. Lewicki P., Hill T., Bizot E. Acquisition of procedural knowledge about a pattern of stimuli that cannot be articulated. *Cognitive Psychology*, 20. 1988.

375. Lewicki. P. *Nonconscious social information processing*. N.Y., 1986a.

376. Lewicki. P. Processing information about covariations that cannot be articulated // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 12. 1986b.

377. Lewis J.L. Semantic processing of unattended messages using dichotic listening // *J. Exp. Psychol.* 1970. Vol.85.

378. Libet B. Neural time factors in conscious and unconscious mental functions // *Toward a Science of Consciousness: The First Tucson Discussions and Debates*. / Ed. S.R. Hammerof. Cambridge, MA: MIT Press, 1996.

379. Libet B. Solutions to the problem of consciousness // *JCS*. 1996. № 3(1).

380. Libet B. The neural time factor in conscious and unconscious events // G.R. Block and J. Marsh (eds.) *Experimental and Theoretical Studies of Consciousness: Ciba Foundation Symposium 174*. John Wiley and Sons, 1993.

381. Lowe E.J. There are no easy problems of consciousness // *JCS*. 1995. № 2 (3).

382. Lygan W.G. *Consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.

383. Mandier G. *Consciousness: Respectable, useful, and probably necessary* // R.L. Solso (ed.). *Information processing and cognition*. Hillsdale, 1975.

384. Marbach E. *Mental representations and consciousness: towards a phenomenological theory of representation and reference*. Dordrecht: Kluwer Academic, 1993.

385. Marcel A.J. Conscious and unconscious perception: an approach to relation between phenomenal experience and perceptual processes // *Cognitive Psychology*, 15. 1983.
386. Marsel A., Bisiatch E. *Consciousness in Contemporary Science*. Oxford University Press, 1988.
387. McGinn C. *The Problem of Consciousness*. Oxford-Blackwell, 1991.
388. Merikle P. M., Joordens S. Measuring unconscious influences. // *Scientific Approaches to Consciousness*. Cohen J.D., Schooler J.W. (Ed). Mahwah. NJ, Erlbaum, 1997.
389. Merikle P.M., Reingold E.M. Recognition and lexical decision without detection: Unconscious perception? // *Journal of Experimental Psychology: Human perception and Performance*, 1990. №16.
390. Mills E. Giving up on the hard problem of consciousness // *JCS*. 1996. № 3(1).
391. Miyake N. Constructive interaction and the iterative process of understanding // *Cognitive Science*. 1986. № 2. Vol.10.
392. Murinbata T., Whitehead C. Why Consciousness Conferences Are Not Really Getting Us Anywhere: A Stone-Age Anthropologist Explains // *JCS*. 1987. № 6. Vol.7.
393. Muter P. Very rapid forgetting // *Mem. Cogn.* 1980. № 2. Vol.8.
394. Neely J.H. Semantic priming effects in visual word recognition: A selective review of current finding and theories // *Basic processes in reading*. / Eds. Besner, Humphreys. 1991.
395. Neisser U. *Cognitive psychology*. N.Y., 1967.
396. Nelkin N. Prepositional attitudes and consciousnesses // *Philosophy Phenomenological Research*. 1989. № 49.
397. Nelson D.L. Remembering pictures and words // L.S. Cermak, F.I.M. Craik (eds.) *Levels of processing in human memory*. Hillsdale, 1979.

398. Nickerson R.S. Crossword puzzles and lexical memory // S. Domic (ed.) Attention and performance. Hillsdale, 1976. Vol.1.

399. Norman D.A. The role of active memory processes in perception and cognition // Proceedings of the XXI Internet Congr. of Psychol. Paris, 1978.

400. Norman D.A. Twelve issues for cognitive science // D.A. Norman (ed.) Perspectives on cognitive science. Norwood, Hillsdale, 1981.

401. Norman D.A., Bobrow D.G. On data limited and resource limited processes // Cogn. Psychol. 1975. Vol.7.

402. Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P. The measurement of meaning. Urbana, 1957.

403. Paivio A. Imagery and verbal processes. N.Y., 1971.

404. Paivio A. Images, proposition, and knowledge // J.M. Nicholas (ed.) Images, perception, and knowledge. Dordrecht, 1977.

405. Palmer J., Jonides J. Automatic Memory Search and the Effects of Information Load and Irrelevant Information // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1988. Vol.14.

406. Pekaala R.J. Quantifying consciousness. N.Y.: Plenum Press, 1991.

407. Penrose R. Shadows of the Mind: a Search for the Missing Science of Consciousness. Oxford and New York: Oxford University Press, 1994.

408. Phillips W., Christie D. Components of visual memory // Quart. J. Exp. Psychol. 1977. Vol.29.

409. Piaget J. Play, dreams and imitation in childhood. N.Y., 1951.

410. Plevova I., Boleloucky Z., Bastecky J. Plasebo reaction in neurotics rated with the SCL-90 questionnaire // Activitas Nerv. Super. (Praga). 1979. V.21, No. 3.

411. Reber A. S., Allen R., Regan S. Syntactical Learning and Judgment, Still Unconscious and Still Abstract: Comment on Dulany, Carlson, and Dewey // Journal of Experimental Psychology, 1985. Vol.114.

412. Reber A.S. Implicit learning and tacit knowledge // *Journal of Experimental Psychology: General*, 118. 1989.
413. Rock I. *Introduction to perception*. N.Y.: Macmillan. 1975.
414. Schacter D. L. Implicit memory: History and current status // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 13. 1987.
415. Schacter D.L., Buckner R.L. Priming and the brain. Review // *Neuron*. 1998. Vol.20.
416. Shapiro A. *The placebo effect. Principles of Psychopharmacology*. N.Y., 1978.
417. Skolimowsky G. *Model of Reality as Mind / Van der Merve (Ed.) Old and new questions in physics, cosmology, philosophy and theoretical biology*. N.Y.: Plenum, 1983.
418. Smith E.E., Shoben E.J., Rips L.J. Structure and semantic memory // *Psychol. Rev.* 1974. Vol.81.
419. Sperling G. The information available in brief visual presentations // *Psychol. Monogr.* 1960. Vol.74.
420. Sperling G., Speelman R. C. Acoustic similarity and auditory short-term memory // D. Norman (ed.). *Models of human memory*. N.Y., 1970.
421. Standing L. Learning 10000 pictures // *Quart. J. Exp. Psychol.* 1973. Vol.25.
422. Stirling N. Stroop interference: An input and an output phenomenon // *Quart. J. Exp. Psychol.* 1979. Vol.31.
423. Sutherland K. *The Mirror of Consciousness // JCS. № 2. Vol.5.*
424. Swinney D.A. Lexical access during sentence comprehension: Reconsideration of context effects // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1979. No.10
425. Schuller G. Zur Bedeutung von kurzzeitigen Gedächtnisleistungen für das langzeitige Behalten // *Psychol. Rev.* 1974. Vol.37.
426. Taylor E. William J. *On Consciousness beyond the Margin*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.

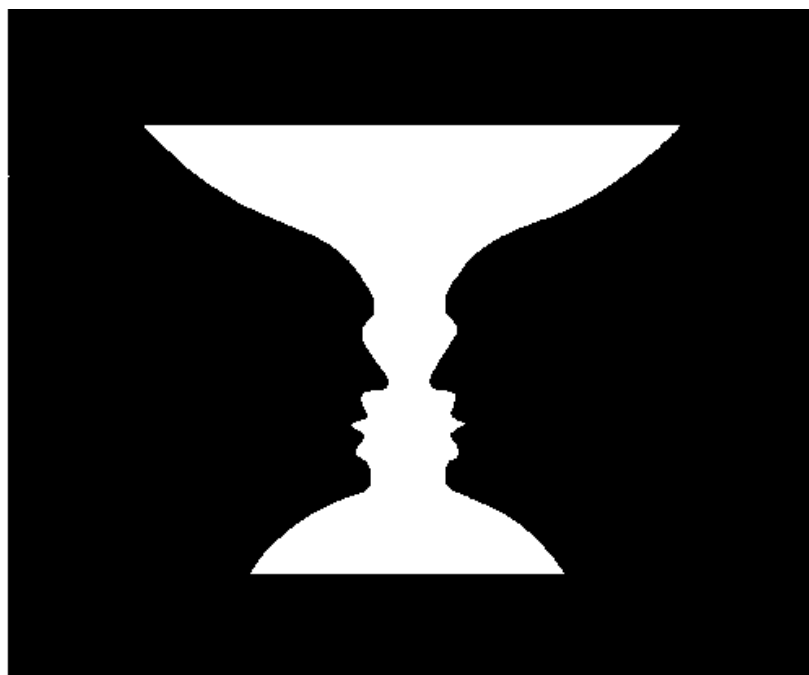
427. Tinbergen N. The study of instinct. Oxford, 1951.
428. Tipper S.P., Driver J. Negative priming between pictures and word in a selective attention task: Evidence for semantic processing of ignored stimuli // *Memory and Cognition*. 1988. Vol.16. No1.
429. Tolman E.C. Purposive behavior in animals and man. N.Y., 1932.
430. Tolman E.C. The determiners of behavior at a choice point // *Psychol. Rev.* 1938. V.45.
431. Treisman A.M. Strategies and models of selective attention // *Psychol. Rev.* 1969. Vol.76.
432. Tye M. Ten Problems of Consciousness. Cambridge: MIT Press, 1995.
433. Van Gulick R. Understanding the phenomenal mind in Consciousness / Ed. M. Davies and G. Humphreys. Oxford: Blackwell, 1993.
434. Varela F.J., Shear J. The View from Within: First-Person Approaches to the Study of Consciousness // Thorverton UK: Imprint Academic. Also published as JCS. 1999. № 6 (2-3).
435. Velmans M. A reflexive science of consciousness // *Experimental and theoretical studies of consciousness: Ciba Foundation Symposium №176*. Wiley, Chichester, 1993.
436. Velmans M. An introduction to the science of consciousness // M. Velmans (ed.). *The Science of Consciousness: Psychological, Neuropsychological and Clinical Reviews*. London: Routledge, 1996.
437. Velmans M. Consciousness brain and the physical world // *Philosophical Psychology*. 1990. № 3(1).
438. Velmans M. Investigating Phenomenal Consciousness: New Methodologies and Maps. Amsterdam: J. Benjamin and co. Philadelphia, 2000.
439. Velmans M. Understanding consciousness. London: Routledge, 2000.

440. Wanner E. On remembering, forgetting and understanding sentences. The Hague, 1974.
441. Watson I.B. Psychology as the behaviorist views it // Psychol. Rev. 1913. Vol.20.
442. Waugh N.C., Norman D.A. Primary memory // Psychol. Rev. 1965. Vol.72.
443. Weiskrantz L. Consciousness lost and found. Oxford: University Press, 1997.
444. Wickelgren W.A. The long and the short of memory // D. Deutsch, J.A. Deutsch (eds.) Short-term memory. N.Y., 1975.
445. Wilkins W. Psychotherapy: the powerful placebo // J. of Consulting and Clinical Psychology. 1984. V.52.
446. Wilson D., Sperber D. Inference and implicature in utterance interpretation // Reasoning in Discourse Processes. N.Y., 1986.
447. Winograd E., Rivers-Bulkeley N.T. Effects of changing context on remembering faces // J. Exp. Psychol.: Hum. Learn. Mem. 1977. Vol.3.

Приложения

Приложение 1

*Реверсивная фигура («лица-ваза»), использованная
в Экспериментах 1 и 2 (раздел 3.1.)*

Приложение 2

Стимульная карта, использованная в исследовании эффектов деятельности сознания в условиях интерференции (раздел 3.3.)

зеленый	красный	зеленый	желтый	синий	Синий	красный	Желтый	синий	зеленый
желтый	синий	красный	красный	желтый	зеленый	синий	Зеленый	желтый	желтый
синий	зеленый	зеленый	зеленый	синий	Желтый	зеленый	Красный	зеленый	красный
красный	синий	красный	желтый	синий	красный	зеленый	Синий	желтый	желтый
желтый	синий	желтый	зеленый	красный	Синий	синий	Желтый	зеленый	синий
зеленый	красный	синий	желтый	зеленый	зеленый	желтый	Красный	синий	красный
синий	зеленый	желтый	синий	зеленый	красный	синий	Зеленый	синий	желтый
красный	зеленый	красный	зеленый	красный	Желтый	зеленый	Желтый	желтый	синий
зеленый	синий	зеленый	красный	желтый	Синий	синий	Красный	синий	зеленый
желтый	желтый	красный	синий	зеленый	Синий	красный	Желтый	желтый	красный

Стимульный бланк, использованный в исследовании зависимости продуктивности решения когнитивной задачи от семантики иррелевантной информации для 1-ой экспериментальной группы (раздел 3.3.1.)

Нам порой кажется, что окружающий Мир достаточно агрессивен и стремится уничтожить Rent Norwegian version Trøndelag Teater 1999 Publikum ankommer salen og oppdager den tomme слабого и беспомощного Homo sapiens. А на самом деле наша Вселенная, похоже, scenen. På venstre side av scenen står et høyt tårn som representerer et totempøl-aktig juletre som специально сконструирована именно такой, какой мы ее видим, чтобы в ней могли står på en øde tomt/byggeplass, et ildsted og et skjevt pipelep midt i guttenes leilighet, og et . På зародиться жизнь и появиться люди. Это тем более отрадно, что, как оказывается, даже høyre side av scenen er det en stor trehems med gelender rundt. Under hemsen sitter bandet som минимальные изменения в мировых константах и законах приводят к таким колоссальным består av fem musikere. På den ene siden er det en annstige/rømningsvei. Så snart salen begynner å изменениям в свойствах Вселенной, что ни о какой форме жизни и разума в слегка fylles, skal og kan gå "tilfeldig" omkring på scenen, som en innledning til selve stykket. Lower модифицированном мире не может быть и речи. Всегда считалось, что наука должна East Side. Julaften. Et fabrikkloft. Første etasje i noe som en gang var et musikkforlag. Gamle rock стремится «к выяснению законов природы». Но такая постановка вопроса уже не and roll-plakater henger på veggene. Mange av plakaterne har et foto av , som reklame for konserter удовлетворяет ученых. Можно ли объяснить все законы природы? Почему выполняются på og Pyramide Club. Kommer inn fra venstre, han har med seg en el-gitar, og han går bort til en именно эти, а не другие? И, наконец, почему законы вообще выполняются? Подобные gitarforsterker som står på en stol midten.inn og justerer lyden, før han setter seg på bordet. Etter et вопросы стали уместны после того, как произошли значительные изменения в наших par takter, satt i gang av, kommer gruppen inn fra alle kanter og fyller scenen. setter opp et представлениях об устройстве Вселенной и мы поняли, что вселенные могут быть kamerastativ og et 16-millimeters kamera. henvender seg til publikum. Vi starter på julaften med разными и их может быть много. До Эйнштейна Вселенную представляли в виде meg, Mark, og romkameraten min, Roger. Vi bor på et fabrikkloft på hjørnet av Ellevte gate og пространства - ящика, внутри которого перемещаются, взаимодействуя, различные Aveny B. Det er toppetasjen i en bygning som en gang var et usikkforlag. Gamle rock and roll материальные объекты. Общая теория относительности внесла значительные коррективы plakate henger på veggene. Det er et foto av Roger, en reklame for konserter på og The Pyramid в этот наивный образ. Стало ясно, что свойства пространства и материи неразрывно Club. Vi har en ulovlig treovn her. Piperøret krabber opp til taket. Alle strømtekkene våre går связаны друг с другом и пространство может менять свои характеристики под gjennom en tjukke ledning ut gjennom vinduet. På utsiden har en liten teltby vokst frem på plassen воздействием материи и энергии. Выяснилось и то, что сама Вселенная – ее размеры и ved siden av bygningen vår. Her inne er det kaldt fordi vi ikke har noe varme ni Standard østkyst скорость расширения, а также ее будущее развитие зависят от образующей ее tid Herfra og ut Skyter jeg uten skript Ser om det blir no' annet Enn sedvanlig dritt Første tagging материи. Свойства нашего мира оказались сильно взаимосвязаны и чувствительны к любым Roger Stemmer sin Fender-gitar Han ha'kke spilt på et år Den blir'ke stemt Vi hører det Han er изменениям законов, управляющих им. Создается даже впечатление, что другим оно просто tilbake igjen Har vært rein i halvannet år Snakker du til meg? Tvert imot Vir deg selv nå Og fortell быть не может и только в таком мире возможно появление живых существ. folka hjemme hva du gjør nå, Roger Jeg skriver en svir låt Telefonen ringer Frelst.

Стимульный бланк, использованный в исследовании зависимости продуктивности решения когнитивной задачи от семантики иррелевантной информации для 2-ой экспериментальной группы (раздел 3.3.1.)

Нам порой кажется, что окружающий Мир достаточно агрессивен и стремится уничтожить Политические успехи Москвы способствовали ее быстрому развитию как крупного слабого и беспомощного Homo sapiens. А на самом деле наша Вселенная, похоже, городского и культурного центра Северо - Восточной Руси. Результаты дальновидной специально сконструирована именно такой, какой мы ее видим, чтобы в ней могли политики Ивана Калиты, сказались уже в ближайшие годы. В то время, когда другие города зародиться жизнь и появиться люди. Это тем более отраднo, что, как оказывается, даже Руси подвергались притеснениям и вражеским нашествиям, Москва росла охраняемая минимальные изменения в мировых константах и законах приводят к таким колоссальным ханской милостью и заботами своего князя. Получение Калитой великокняжеского ярлыка и изменениям в свойствах Вселенной, что ни о какой форме жизни и разума в слегка перенос в Москву русской митрополии способствовали ее развитию как одного из модифицированном мире не может быть и речи. Всегда считалось, что наука должна крупнейших культурных центров Руси. Иван Данилович Калита одним из первых стремиться «к выяснению законов природы». Но такая постановка вопроса уже не позаботился об идеологическом обосновании своей политики. При нем активно ведется удовлетворяет ученых. Можно ли объяснить все законы природы? Почему выполняются каменное строительство, зарождается московское летописание, на страницах которого именно эти, а не другие? И, наконец, почему законы вообще выполняются? Подобные вместе с княжеской и городской хроникой отмечаются события общерусского значения. вопросы стали уместны после того, как произошли значительные изменения в наших Появились в Москве при Иване Калите и свои первые святыни. Умерший в Москве и представлениях об устройстве Вселенной и мы поняли, что вселенные могут быть захороненный в Успенском соборе митрополит Петр был уже вскоре канонизирован. разными и их может быть много. До Эйнштейна Вселенную представляли в виде Благодаря хлопотам преемника Петра митрополита Феогнosta, московская канонизация пространства - ящика, внутри которого перемещаются, взаимодействуя, различные была утверждена и константинопольским патриархом. В деятельности московского князя материальные объекты. Общая теория относительности внесла значительные коррективы всегда подчеркивались и утверждались права на наследие стольных городов Киева и в этот наивный образ. Стало ясно, что свойства пространства и материи неразрывно Владимира. Ярким тому примером было строительство кафедрального по своему статусу связаны друг с другом и пространство может менять свои характеристики под московского Успенского собора. Собор строился как будто в ожидании митрополита, а воздействием материи и энергии. Выяснилось и то, что сама Вселенная – ее размеры и участие в его строительстве самого Петра особо подчеркивалось поздними авторами. Во скорость расширения, а также ее будущее развитие зависят от образующей ее времена Ивана Калиты была составлена и первая редакция Жития митрополита Петра, материи. Свойства нашего мира оказались сильно взаимосвязаны и чувствительны к любым дошедшая до нас уже в поздних обработках. Большое значение для развития культуры не изменениям законов, управляющих им. Создается даже впечатление, что другим оно просто только Москвы, но и Руси в целом имели старые традиционные связи с Византией и быть не может и только в таком мире возможно появление живых существ. Южными славянами, клонившаяся к упадку и падению империя.

Стимульный бланк, использованный в исследовании зависимости продуктивности решения когнитивной задачи от семантики иррелевантной информации для 3-ей экспериментальной группы (раздел 3.3.1.)

Нам порой кажется, что окружающий Мир достаточно агрессивен и стремится уничтожить. Сопоставление свойств мира с возможностью существования жизни стали именовать слабым и беспомощным Homo sapiens. А на самом деле наша Вселенная, похоже, антропным принципом. В вольной формулировке он утверждает, что мир создан для того, специально сконструирована именно такой, какой мы ее видим, чтобы в ней могли чтобы в нем мог появиться человек. Б. Картер говорит: «...то, что мы ожидаем наблюдать, зародиться жизнь и появиться люди. Это тем более отраднее, что, как оказывается, даже должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как минимальные изменения в мировых константах и законах приводят к таким колоссальным наблюдателям» или «Вселенная должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе изменениям в свойствах Вселенной, что ни о какой форме жизни и разума в слегка эволюции допускалось существование наблюдателей». Другими словами, антропный модифицированном мире не может быть и речи. Всегда считалось, что наука должна принцип говорит о том, что свойства Вселенной приспособлены для возникновения стремиться «к выяснению законов природы». Но такая постановка вопроса уже не разумной жизни, поскольку в ней присутствуем мы, наблюдатели, способные задаться удовлетворяет ученых. Можно ли объяснить все законы природы? Почему выполняются вопросом о свойствах Вселенной. При других ее параметрах невозможны сложные именно эти, а не другие? И, наконец, почему законы вообще выполняются? Подобные структуры и существование разумных наблюдателей. Сегодня ученые допускают вопросы стали уместны после того, как произошли значительные изменения в наших существование вселенных с другим набором параметров и законов, в которых существует представлениях об устройстве Вселенной и мы поняли, что вселенные могут быть жизнь, не похожая на нашу. Например, С. Вайнберг пишет: «Возможно, существуют разными и их может быть много. До Эйнштейна Вселенную представляли в виде различные логически допустимые вселенные, причем каждая со своим набором пространства - ящика, внутри которого перемещаются, взаимодействуя, различные фундаментальных законов». В толковании антропного принципа пока нет единого мнения, материальные объекты. Общая теория относительности внесла значительные коррективы как и в научном диспуте о существовании других вселенных. Как вселенные сосуществуют, в этот наивный образ. Стало ясно, что свойства пространства и материи неразрывно взаимодействуют между собой, где все эти вселенные находятся? Возможно, разные связаны друг с другом и пространство может менять свои характеристики под вселенные с разной структурой находятся на колоссальных расстояниях друг от друга, воздействием материи и энергии. Выяснилось и то, что сама Вселенная – ее размеры и многократно превышающих размер видимой нами части Вселенной. Вот на таких огромных скорость расширения, а также ее будущее развитие зависят от образующей ее расстояниях, возможно, и находятся отличающиеся по свойствам вселенные. Время - материи. Свойства нашего мира оказались сильно взаимосвязаны и чувствительны к любым особая координата - по каким-то никому неведомым причинам течет только в одну сторону. изменениям законов, управляющих им. Создается даже впечатление, что другим оно просто Без этой координаты в Мире не было бы развития и эволюционных изменений. Под Разумом быть не может и только в таком мире возможно появление живых существ. будем иметь в виду жизнь белковых существ, похожую на нашу.

Научное издание

Андрей Юрьевич Агафонов

**КОГНИТИВНАЯ ПСИХОМЕХАНИКА СОЗНАНИЯ,
ИЛИ
КАК СОЗНАНИЕ НЕОСОЗНАННО ПРИНИМАЕТ
РЕШЕНИЕ ОБ ОСОЗНАНИИ**

Корректор Н.В. Голубева
Компьютерная верстка, макет В.И. Никонов

Подписано в печать 13.04.06

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 21,75. Уч.-изд. л. 15,35. Тираж 100 экз. Заказ № 511

Издательство «Универс-групп», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано ООО «Универс групп»